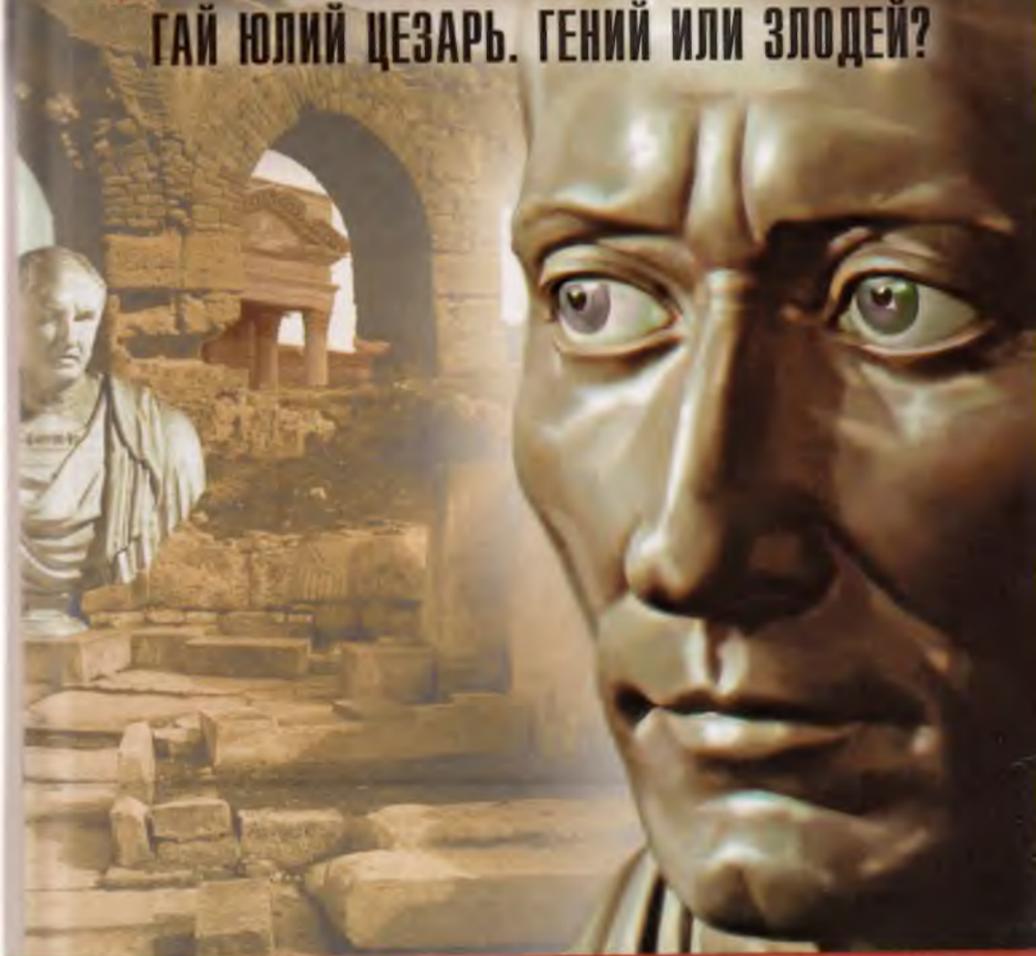

ЦЕЗАРЬ

ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. ГЕНИЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

Александр ПЕТРЯКОВ

СЕРИЯ «ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ»

А. М. ПЕТРЯКОВ

**ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.
ГЕНИЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?**

Санкт-Петербург
Москва
2005

ББК 63.3-8
ПЗ0

Петряков А. М.

ПЗ0 Гай Юлий Цезарь. Гений или злодей?: – СПб.:
Издательский Дом «Нева», 2005. – 320 с.
ISBN 5-7654-4454-7

Книга известного петербургского художника и писателя Александра Петрякова посвящена легендарному древнему полководцу и политику, основателю Римской империи Гаю Юлию Цезарю. Автор рассматривает его личность во всех аспектах и анализирует военную, политическую и реформаторскую деятельность Цезаря с нестандартных позиций. Читатель увидит в этом герое древности не только великого непобедимого полководца и непревзойденного мастера политических интриг и комбинаций, но и человека, которому были свойственны такие противоречивые черты, как жестокость и милосердие, честолюбие и скромность, великодушие и вероломство. Он предстает здесь и как гениальный реформатор, и как губитель Римской республики.

Читатель найдет в этой книге также много интересных подробностей из личной жизни Цезаря, его пристрастиях, вкусах, любовных похождениях, в том числе и о романе с Клеопатрой в экзотическом Египте.

В конце книги дана любопытная версия заговора против диктатора и его трагической смерти, описаны последующие события и сделаны выводы в свете современных знаний о природе власти и ее взаимоотношениях с демократией и тиранией.

ББК 63.3-8

ВСТУПЛЕНИЕ

– Нет, Александр Михайлович, – сказала мой редактор София, – начало надо переделать.

Я попытался было сопротивляться, но подумал, что она права: начало первой главы действительно отдает банальностью.

Из издательства мой путь лежал в библиотеку Академии наук. Я шел по Менделеевской линии в хорошем настроении – сиял апрель. Впереди под голубым парусом неба шла высокая красивая блондинка в светлых джинсах. Иногда она оборачивалась, и я видел ее синие глаза и беспричинную – от хорошей погоды – улыбку.

Когда я проходил мимо института акушерства и гинекологии, подумал, что тут наверняка делают и кесарево сечение, с помощью которого появился на свет Гай Юлий Цезарь. А кстати, почему эта операция по вызволению ребенка из чрева матери с помощью скальпеля называется кесаревым сечением? Нет ли тут обратной связи? Не в честь ли этого великого честолюбца называется эта операция? Надо заглянуть в медицинскую энциклопедию. Так или иначе, его матери Аврелии пришлось сильно пострадать при родах.

Я невольно взглянул на очаровательную блондинку, когда обгонял ее, проходя мимо института. Лет ей было около восемнадцати, на лице ее блуждала все та же весенняя улыбка, и она, в отличие от меня, не смотрела на здания и вывески, а была просто поглощена своим прекрасным ра-

дужным настроением. И я подумал: как свято неведение! Едва ли думала она в эту минуту о предстоящей ей в будущем светлой муке рождения нового человека. И кем он будет? Гением, злодеем или добропорядочным обывателем? Этого никому не дано предугадать.

Я перекусил в университетском кафе напротив библиотеки вкусными слоеными пирожками и отправился в читальный зал.

Первым делом я взял нужный том Большой медицинской энциклопедии и прочел: «Кесарево сечение (*sectio caesarea*). Существуют разноречивые мнения о происхождении названия операции. Можно полагать, что происхождение названия операции связано не со словом *кесарь*, а с именем Гая Юлия Цезаря, который был извлечен абдоминальным путем, за что и получил имя *Caesar*».

Тут не совсем понятно, почему слова *кесарь* и *цезарь* в смысловом понятии рознятся (слово *кесарь* является славянским синонимом слова *цезарь*), но, тем не менее, мы были в определенном смысле догадливы в своих предположениях.

Итак, наш герой родился не совсем обычным путем. О его дальнейшей жизни мы расскажем по ходу повествования, а теперь посмотрим на его скульптурные изображения. Они очень не похожи друг на друга. Если перевести взор с портретов прижизненных на созданные в период Августа, то может показаться, что перед нами два совершенно разных человека. Август с помощью придворных скульпторов не только идеализировал своего предшественника, но и убрал с лица своего приемного отца те самые черты, без которых Цезарь не смог бы состояться как великий полководец, реформатор и победитель в борьбе за высшую власть.

Глянем на прижизненное (считается, что портрет создан в последний год жизни диктатора) изображение Цезаря, хранящееся ныне в Туринском музее. Первое впечатление: перед нами расчетливый и холодный эгоист и циник, до-

бившийся своих целей, и поэтому с презрением и неким подобием иронической ухмылки смотрит на нас этот герой древности; у него покатый, уходящий в лысину лоб, впавшие, но мясистые ближе к скулам щеки, не слишком крупный нос правильной формы, а шея окольцована глубокими морщинами.

А вот другая скульптура из музея Торлония в Риме. Это изображение датировано сороковым годом до Рождества Христова, то есть четырьмя годами спустя после смерти Цезаря. Здесь сразу оговоримся, что почти все даты в этой книге даны в летоисчислении до новой эры, а оно, как известно, ведется в обратном порядке. Здесь наш герой выглядит совершенно вымотанным бесконечными войнами и борьбой за власть; видно, какой дорогой ценой она ему досталась, – под глазами мешки, рот сжат в тонкую стрелку, морщины от крыльев носа стремительно оббегают рот, а на лбу, напряженном и с приопущенными бровями, морщины свидетельствуют об активной работе ума, две же вертикальные складки над переносьем – о противоречивых, но активных замыслах и сомнениях, хотя последние, если судить о его действиях, разрешались быстро и активно. Непреклонная воля читается на изможденном лице, однако здесь же виден и знак обреченности, словно этот человек делает некую переоценку ценностей и уже не верит в необходимость свершенных им великих дел, и кажется ему теперь, что все это – тщета, во всяком случае, горькие складки на лбу говорят о многом.

Несмотря на то, что на этом портрете ваятель уже упрятал лысину диктатора под хорошо уложенные локоны, он поражает своим неумолимым реализмом, черты его лица тут не приукрашены и настолько натуралистичны, что, кажется, автор видел Цезаря неоднократно. Живая работа резца мастера донесла до нас образ этого человека без тени величия, – он страдает, и страдает, пожалуй, именно от того, что его деяния и достигнутая такой огромной ценой власть словно бы обесценились, и уже этот человек как будто пред-

видит свою судьбу, ему уже не нужна власть, он разочарован, одинок, и ему хочется, как его предшественнику Сулле, уйти от этой мирской жизни, полной интриг, злобы, зависти, оголтелого честолюбия, чванливого тщеславия и тому подобного в какой-нибудь тихий уголок и постараться обо всем забыть. Вероятно, скажет читатель, автор фантазирует – на этом портрете мы видим лишь безумно усталого и, кажется, больного человека с невеселыми думами и мрачным состоянием духа. Однако если читатель доберется до конца книги, он, быть может, и согласится с автором.

Другие портреты Цезаря, созданные в более позднее время, менее интересны в психологическом плане и лишены того жестокого и беспристрастного реализма, какой мы видели в предыдущих двух его изображениях. Это уже официоз. Созданные в эпоху Августа приукрашенные тиражированные скульптуры уже мало говорят об истинном образе этого человека.

На монетах диктатор изображен в профиль с длинной морщинистой шеей. Мастера не постеснялись дать его реалистическое изображение, какое мы видим на рассмотренных нами скульптурных портретах; и даже более того, резкие черты исхудавшего и испещренного морщинами лица граверы еще и нарочито усилили, отчего оно кажется просто шаржем. Есть монеты и с более облагороженным изображением, что ясно указывает на то, что они чеканились уже после гибели Цезаря.

Следует тут добавить, что римские скульпторы раскрашивали изображения своих персонажей, и если обратиться к источникам, то можно попытаться представить себе, как он в действительности выглядел.

Светоний рисует нам живого и энергичного, резкого в движениях и жестах, звонкоголового, высокого темноглазого красавца, который так себя любил, что постоянно ухаживал за своим телом, причем не только брился, но и, подобно женщине, выщипывал волосы, чем вызывал нарекания у современников.

Плутарх, наоборот, изображает нам слабого изнеженного интеллигента, страдающего мигренями и эпилепсией. Эта болезнь издревле считалась непростой, страдающий падучей считался носителем высших сил и знания, испытывая в момент прихода болезни невыразимое блаженство, – современные психиатры называют это мозговым оргазмом.

Падучая настигала Цезаря иной раз во время сражения либо на заседаниях сената, и с этим коварством болезни он поделаться ничего не мог, зато с другими своими недостатками боролся всеми средствами. В суровых условиях непрекращающихся войн, которые вел в течение многих лет, он не давал себе никаких поблажек в смысле дополнительных удобств – спал под открытым небом на повозке, легко одевался и ходил с непокрытой головой в любую погоду, скромно питался и так далее.

Цезарь, как известно, умел одновременно делать несколько дел: читать, писать и разговаривать, а в военных делах был стремителен в передвижениях и молниеносно принимал верные решения в любой боевой обстановке. Считался он и хорошим оратором, что в Древнем Риме высоко почиталось. Его хвалил даже сам непревзойденный Цицерон, его современник.

Итак, мы бросили первый и беглый взгляд на нашего героя, известного вот уже более двух тысяч лет как великий завоеватель, гениальный политик, основатель Римской империи. До него Рим был республикой. Он упразднил ее окончательно и бесповоротно, и многие века, вплоть до своего падения, эта великая средиземноморская держава, диктовавшая свою волю остальному миру, управлялась единодержавной властью.

ГЛАВА I

МАРИЙ И СУЛЛА

У Цезаря были неплохие учителя по части насилия над демократией. Марий и Сулла показали, как надо добиваться у нее любви и преданности.

Гай Марий родился в бедной сельской семье и вырос крепким деревенским парнем. Военную службу он начал в армии великого римского полководца Сципиона Африканского, который заметил и приблизил к себе отличавшегося храбростью и отвагой Мария и даже предсказал, как об этом пишет Плутарх, что Марий в дальнейшем сможет добиться той же воинской славы, что и он, Сципион.

И действительно, благодаря своему упорству и настырности он стал все выше подниматься по карьерной лестнице, пользуясь поддержкой влиятельных аристократов Метеллов; молодой офицер отличался пронырливостью и упрямым стремлением на верхние этажи власти, что свойственно многим провинциалам. Женился он на тетке нашего героя, породнившись таким образом с древним римским родом Юлиев. Позже Гай Юлий Цезарь утверждал, что его род ведет свое начало от троянского героя Энея, бывшего, по легенде, отпрыском самой богини любви Венеры.

Так вот Марий, как это в политике и водится, предал своего благодетеля Цецилия Метелла и путем интриг добился того, что сменил его на посту командующего во время войны в Африке с нумидийским царем Югуртой. Этой

войне позже историк Гай Саллюстий Крисп посвятит целую книгу.

История с Югуртой такая. Будучи усыновленным племянником умершего царя Миципсы он не имел права на престол, ибо у покойного царя было двое законных сыновей, а так как царство было объявлено неделимым, начались неизбежные распри. Опекавшие Африку римляне, пользуясь испытанным стратегическим принципом «разделяй и властвуй», поделили-таки Нумидию между наследниками, чем еще больше обострили династическую борьбу.

Югурта, одаренный политик, храбрый и энергичный воин, популярный среди своих соплеменников, устранил с помощью килеров одного из сыновей Миципсы, а другого разбил в сражении и распял на кресте по римскому обычаю. При этом было перебито и много римских купцов, что возмутило Рим, поэтому Югурту вызвали в столицу, где он, беззастенчиво подкупая влиятельных лиц, избежал заслуженной кары. Более того, пребывавшего в Риме другого племянника умершего царя Нумидии, также претендовавшего на престол, убрал с помощью кинжала своего приближенного. Римские власти выслали его из столицы. Уезжая, он воскликнул: «Продажный город, который скоро погибнет, если найдет покупателя».

Увы, это было горькой правдой. Подкуп избирателей, продажное судопроизводство, свирепое ростовщичество, мошенничество, взяточничество и другие общественные язвы стали патологической нормой.

Больнее всего это ощущалось в армии. Солдаты с трудом подчинялись дисциплине, занимались мародерством и грабежами, постоянно дезертировали, а офицеры погрязли в пьянстве и распутстве (в лагерях появились проститутки, чего раньше в римской армии не бывало), командиры подразделений за взятки от неприятелей проигрывали локальные сражения.

Ничего удивительного, что в Югуртинской войне, затянувшейся на пятилетку, полной победы над африканским

царьком так и не было достигнуто, и лишь Марий, сменивший, как мы уже упоминали, Метелла на посту командующего, с помощью удачливого и хитроумного Суллы сумел пленить Югурту и победоносно закончить войну.

Регулярной, то есть постоянной армии тогда не было. На время войн проводились наборы, исходя из принципа гражданского ополчения и по имущественному цензу. А так как Рим жил за счет завоеванных провинций, то войны следовали одна за другой, и необходимость постоянной армии подразумевалась как бы сама собой еще и потому, что разжиревшие граждане уже не хотели воевать и с трудом привлекались по набору, привнося в армейскую среду, как мы уже сказали, дух стяжательства и праздности. Марий все это прекрасно видел и, пользуясь своей консульской властью и славой победителя, произвел в армии серьезную реформу. Он впервые произвел набор не среди представителей зажиточных слоев, способных себя прокормить и вооружить во время войны, а среди бедняков и малоимущих. Теперь армия, куда стали привлекаться не только римские граждане, но и италики и провинциалы, воевала за деньги и военную добычу, и это был стимул более прочный, нежели общегосударственный интерес и гражданский долг. Командующий уже мог не оглядываться на сенат и прочие институты республики и приказывать своим солдатам что угодно – ведь нанял их и платил им именно он.

В армии теперь проводятся военные учения как в мирное время, так и в походных условиях, при этом оружие и снаряжение Марий модернизировал исходя из своего военного опыта. В качестве примера можно привести обыкновенное копье. Раньше оно крепилось к древку двумя металлическими штырями, теперь же один из них был сделан из дерева с тем, чтобы в момент удара о щит противника он ломался бы, а застрявшее в щите противника копье волочилось по земле, мешая обороняться. Ну и тому подобное. Изменилось и лицо легиона, основной военной единицы армии. Теперь он состоит из шести тысяч чело-

век и подразделен на когорту численностью в шестьсот человек, манипул из двухсот воинов и центурию, что в переводе на русский язык означает сотню. В таком виде римская армия просуществовала не одно столетие, да и современные вооруженные силы много оставили из тех времен в части не вооружений, конечно, а дисциплины и организации. Современная дивизия – аналог легиону – также делится на полк, роту и взвод.

Реформированная Марием армия уже вскоре с честью выдержала серьезное испытание. В сто втором году полчища германских племен тевтонов и кимвров подступили к границам Италии. Марию, который уже в четвертый раз был избран консулом, вместе со своим коллегой Квинтом Катуллом пришлось выступить против трехсоттысячной орды варваров. Благодаря хладнокровию, выдержке, а главное – умелой стратегии – Марию удалось разбить тевтонов у населенного пункта с названием Секстийские Воды (теперь это городок Экс неподалеку от Марселя). Было убито и взято в плен около ста тысяч врагов. Год спустя та же судьба постигла и кимвров. Они были наголову разбиты возле городка Верцелл. Сражение происходило летом, поэтому многочисленная толпа подняла тучи пыли, в которых Марий умудрился заблудиться, как об этом пишет Плутарх, и победа была достигнута в основном умелыми действиями второго консула Катулла, однако слава Мария была так велика, что и этот успех также приписали ему.

Популярность Мария после этих побед стала так велика, что он без особого труда при поддержке лидеров народной партии Сатурнина и Главции в сто первом году в шестой раз становится консулом. А всего он был в этой высшей должности семь раз, при этом «говорил, что консульство – это трофей, с бою взятый им у изнеженной знати и богачей» (цитата из Плутарха). Из этой фразы ясно, что выходец из народа Марий не сочувствовал партии оптиматов, то есть знатных, одной из двух соперничающих друг с другом социально-политических группировок, и принад-

лежал к популярам, представлявших интересы простого народа. Кроме того, союз вождей народной партии и полководца Мария был взаимовыгоден. Популяры, пользуясь силой и влиянием Мария, выступали с такими вождеденными для плебса законопроектами, как снижение цен на хлеб, а Марий с их законодательной помощью наделял своих солдат землей в новых провинциях. Так, ветераны Югуртинской войны получили в Африке по сто югеров земли (югер равен примерно четверти гектара). Это вызвало естественное сопротивление со стороны оптиматов, в основном землевладельцев, и они пошли на открытый бунт против законодателей, ущемлявших их интересы, и в лице сенаторов, вышедших на форум вооруженными, потребовали от Мария как консула навести порядок и арестовать вождей популяров Сатурнина и Главцию, на что Марий вынужден был согласиться после долгого колебания. И все же он пытался спасти им жизнь, когда они были повержены.

Но Марий, как помним, был женат на тетке Цезаря и, стало быть, был связан с оптиматами не только узами родства, но также финансовыми и имущественными, поэтому он хоть и сочувствовал вполне искренне и разделял, как выходец из низов, популярские лозунги и идеи, однако камень личных интересов тянул его в лагерь аристократов.

Марий был отважным воином и талантливым полководцем, но политиком – недалёковидным и непоследовательным. Если бы он принял решительные меры в тот момент (эти события как раз приходились на год рождения Гая Юлия Цезаря) по обузданию оптиматов – бунт был малочисленным и слабоорганизованным – он мог бы не допустить страшной диктатуры своего злейшего соперника Луция Корнелия Суллы.

Этот аристократ происходил из некогда знатного, но обедневшего рода, поэтому был ярким оптиматом. Свою карьеру он начал в армии Мария во время Югуртинской войны. Он был очень общительным, обаятельным и веселым

человеком, а кроме того – отчаянным храбрецом, поэтому снискал среди воинов любовь и популярность. Марий хоть и недолго любил его за это, тем не менее очень дорожил смелым офицером. Нумидийский царь Югурта после поражения укрылся у своего тестя мавретанского царя Бокха, который не хотел неприятностей от римлян, поэтому дал знать, что готов им выдать своего зятя, причем хотел, чтобы за Югуртой пришел именно Сулла. Марий не хотел его отпускать, опасаясь измены. И опасения не были так уж беспочвенны: когда Сулла с солдатами пришел к Бокху за Югуртой, тот во время переговоров долго размышлял и колебался: отдать Югурте Суллу или Сулле Югурту?

Захватив Югурту Сулла становится героем войны, лучи славы с головы Мария стали сиять и в его сторону. Еще большую известность принесла ему война с тевтонами и кимврами. Марию, конечно, это не нравилось, он всегда не любил этого образованного красавчика и известного римского волокиту, нутром чувствовал, что этот аристократ попортит ему немало крови. Так оно и вышло.

Апеннинский полуостров и в древности назывался Италией. Рим, однако, не был столицей в нынешнем понимании – он был городом-государством и очень неохотно включал в свой состав инородцев. Права римского гражданина получить было очень непросто. Населявшие полуостров италики считались союзниками Рима и пополняли ряды римских легионов, постоянно занятых на завоевательных войнах. Таким образом, италики проливали кровь ради величия Рима, ничего не получая взамен. Делались, правда, попытки дать италикам права гражданства в урезанном виде (тем же лидером популяров Сатурнином), но консервативный сенат и думать не хотел об этом.

Противоречия, однако, нарастали, и в конце концов вспыхнула так называемая Союзническая война, после того как один из народных трибунов девяносто первого года попытался легальным путем добиться для италиков гражданства, за что и был убит киллером на пороге собственного

дома (нынешние наемные убийцы также любят «мочить» своих жертв в парадных или около тех домов, где они жили).

Италики собрали стотысячное войско, а своей столицей избрали город Корфиний, переименовав его в Италию, где создали свое правительство, имелся также сенат и другие институты власти, наподобие римских; чеканили они и свою монету, на которой был изображен бык, копытами убивающий римскую волчицу. Война длилась почти два года и одним из главных героев этой войны становится уже Сулла, а не старик Марий, который все больше напоминал карикатуру на самого себя.

Война продолжалась бы долго, если бы Рим не уступил; были дарованы права гражданства тем италийским племенам, что сложили оружие либо сохраняли нейтралитет. Повстанческое государство, таким образом, стало раскалываться, и те, кто продолжал воевать с римлянами, пытались даже привлечь в качестве интервентов понтийцев во главе с царем Митридатом Шестым Эвпатором.

Он был очень колоритной личностью. Красивый рослый богатырь, обладавший не только воинскими доблестями, но и незаурядным умом политика и дипломата. Митридат был вообще образованным человеком: знал двадцать два языка, прекрасно разбирался в искусстве, был знатком греческой литературы и так далее. При его дворе кормились многие художники, поэты и философы.

Но известен он в первую очередь, конечно же, как полководец и завоеватель. Он присоединил к своему царству Колхиду (территория современной Грузии), часть Армении и Боспор. Он мечтал о славе и успехах своего кумира и соплеменника Александра Македонского, думал возродить великую империю на Востоке, но препятствием этому был, конечно же, Рим с его бесспорно превосходящей военной мощью.

Когда разразилась Союзническая война, у Митридата был шанс нанести заносчивым римлянам сокрушительное поражение, объединись он с италиками, но они сделали ему

такое предложение слишком поздно, когда их восстание было почти подавлено. Если бы Митридат с самого начала Союзнической войны предпринял наступательные действия, возможно, геополитическая ситуация в первом веке до Рождества Христова на средиземноморских территориях была бы совершенно иной. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения; Митридат лишь весной восемьдесят восьмого года, собрав многочисленную армию, выступил в малоазиатские римские провинции, где его встречали, как освободителя. Малочисленные римские гарнизоны не могли, разумеется, оказать ему никакого серьезного противодействия и были перебиты, как были уничтожены и мирные жители римского происхождения – купцы, колонисты и прочие. Митридат вторгся и в Европу – захватил Македонию, а вскоре его войска под командованием самого способного из царских полководцев Архелая появились и в Греции.

Римляне, однако, вынуждены были смотреть на это сквозь пальцы – в столице вновь разразилась междоусобица. Едва Сулла выступил на войну с Митридатом, как его тут же отстранили от командования, и он должен был, по решению народного собрания, передать бразды военной власти Марию. Инициатором такого постановления стал народный трибун Сульпиций, который помимо вышеуказанного внес и другие законопроекты: дать италикам полноценное римское гражданство, а любой из сенаторов мог лишиться своего высокого звания, если его долги превышали две тысячи денариев. Надо ли говорить, что оптиматы не стали кушать такую кашу и всячески противились этому, однако их вновь принудили силой, и законы прошли.

Когда в распоряжение войск, где уже находился Сулла, прибыли трибуны, чтобы передать армию Марию, полководец собрал сходку.

Был он рыжеволосым и, как все рыжие, белокожим, а на лице у него выступали красные пятна, поэтому греки сложили про него насмешливый стишок: «Сулла – тутовая

фига под приправой из муки». Взгляд его голубых глаз, говорят, был пронзителен и суров. Он отличался перепадами настроения, и когда бывал в хорошем расположении духа, весело шутил, а в дурном – жесток и яростно агрессивен.

Для хорошего настроения, сами понимаете, на этот раз повода не было, и он с суровым видом обратился к солдатам с таким вопросом: а хотят ли они служить под командованием семидесятилетнего старика Мария? Да еще и неизвестно, возьмет ли он их на войну с Митридатом, быть может, он предпочтет своих ветеранов.

Поднялся ропот и шум. Солдатам вовсе не хотелось отдавать возможность обогатиться в азиатском походе другим. А чем они хуже марианцев? И они потребовали от Суллы, чтобы он вел их сначала на Рим, чтобы образумить зарвавшихся популяров.

Итак, Сулла вошел в Рим во главе шести легионов, без особого труда преодолев организованную Марием оборону. Старикуну удалось улизнуть в суматохе, а автор антиоптиматских законопроектов Сульпиций поплатился собственной головой в прямом смысле: ее отрезанной поднесли Сулле, а затем по его приказанию выставили на форуме. С внутренней распрей было покончено, и Сулла, набрав своих сторонников в сенат и взяв слово с вновь избранных консулов (а одним из них оказался все же популяр Цинна), что они будут играть по его правилам, отправился на войну с Митридатом.

Понтийский царь отверг выдвинутый Суллой ультиматум вернуться к старым границам. Начались военные действия, и Сулла в первом же сражении разбил Митридастовы войска под командованием Архелая, который с остатками потрепанной армии укрылся в Афинах. Осада греческой столицы длилась долго, потому что у Суллы флота не было и он не мог препятствовать подвозу продовольствия и вооружений со стороны моря. Для изготовления осадных машин полководец приказал вырубить исторические рощи

Академии и Лицея. Казна его была пуста, поэтому он распорядился ограбить храмы и святилища. Общей участи должен был подвергнуться и один из самых почитаемых в Греции храм в Дельфах, и когда посланный туда грек, фокеец Кафид сообщил Сулле, что кифара в храме стала сама по себе звучать и это, дескать, так Аполлон выражает свой гнев и негодование, то Сулла его успокоил, сказав примерно следующее: ты ошибаешься, Кафид, бог, наоборот, ликует от радости, что может хоть чем-то помочь римлянам, поэтому бери всю утварь, не стесняйся, и принимай ее у жрецов по весу.

Неизвестно, сколько времени продлилась бы осада Афин, если бы не болтливые старики. Они ругали афинского тирана Аристиона за то, что он оставил без охраны одну часть стены, куда неприятель может приникнуть без особых потерь. Это кто-то подслушал и донес Сулле.

Таким образом, из-за длинных языков город был взят, и не было пощады никому: кровь убитых текла по узким улицам и заливала площади и предместья, как об этом свидетельствует Плутарх.

Но до победы над Митридатом было еще далеко. Царь, имея крупные людские и материальные ресурсы, выставил против Суллы новое стотысячное войско. В сражении под Херонеей счастье вновь было на стороне римлян, несмотря на многократно превосходящие силы противника.

Между тем в Риме вновь происходит марианский переворот и власть переходит к популярам. Главнокомандующим вместо Суллы назначается консул Валерий Флакк, у которого было всего два легиона, и он не рискнул вступить в сражение с победоносным Суллой. Обе армии постояли в виду друг у друга в Фессалии, а затем Флакк отправился в Малую Азию на войну с Митридатом. Сулла не стал его преследовать, верно полагая, что перед лицом внешнего врага внутренний становится союзником.

А в Греции, где стояла армия Суллы, вновь появились полчища врагов. Решающая битва произошла в болотис-

той местности неподалеку от Орхомена. Военное счастье в критический момент битвы готово было ускользнуть от удачливого Суллы, но он остановил бегущих солдат такими словами: «Я здесь умру прекрасной смертью, римляне. А вы, когда вас спросят, где вы предали своего императора, не забудьте сказать: под Орхоменом». Едкий укор этих слов подействовал на воинов, и боевой дух был восстановлен.

Армия Флакка также была победоносна, однако в определенный момент солдаты взбунтовались и убили своего командующего. Сменивший его талантливый легат Гай Флавий Фимбрия вышиб Митридата из его столицы Пергама.

А в Риме тем временем свирепствовал Цинна, ставший после смерти Мария в восемьдесят шестом году очередным диктатором от популяров и, стало быть, главным политическим противником Суллы. Метелла, жена полководца, с трудом вырвалась из столицы к мужу и умоляла его вернуться в Рим, чтобы навести там порядок. Сулла встал перед выбором: добить Митридата или заключить с ним перемирие, чтобы освободить руки для борьбы с Цинной, собиравшим уже флот и войска для гражданской войны с победителем Митридата.

Переговоры о мире полководец вел с Архелаем, который предложил ему от имени царя деньги и флот для борьбы с внутренними врагами в обмен на то, что римляне уйдут из Азии и Понта. Сулла же предложил Архелаю самому добить Митридата и «воцариться вместо него», но грек гордо заявил, что он не предатель. Сулла ему на это сказал вот что:

«Так, значит, ты, Архелай, каппадокиец и раб, или, если угодно, друг царя-варвара, не соглашаешься на постыдное дело ради таких великих благ, а со мною, Суллой, римским полководцем, смеешь заводить разговор о предательстве. Будто ты не тот самый Архелай, что бежал от Херонеи с горсткой солдат, уцелевших от стадвадцатитысячного вой-

ска, два дня прятался в охроменских болотах и завалил все дороги Беотии трупами своих людей!»

После этой грозной речи Архелай прекратил торговаться и принял условия Суллы, вполне умеренные: вернуться к довоенным границам и выплатить контрибуцию в размере двух тысяч талантов, а также передать римлянам семьдесят обшитых медью кораблей.

Митридат, тем не менее, не был готов к таким условиям и прислал послов, сказавших, что царь не хочет давать флот и не согласен отдавать Пафлагонию.

«Что вы говорите? – отвечал в гневе Сулла. – Митридат притязает на Пафлагонию и спорит о флоте? А я-то думал, что он мне в ноги поклонится, если я оставлю ему правую руку, которую он погубил стольких римлян? Но погодите, скоро я переправлюсь в Азию, и тогда он заговорит по-другому, а то сидит в Пергаме и отдает последние распоряжения в войне, которой и в глаза не видал!»

После этого победоносный полководец встретился с самим Митридатом и мирный договор был подписан на условиях Суллы.

Конечно, следовало бы продолжить войну и доконать заносчивого пергамского владыку, но в этом случае пришлось бы вести войну на два фронта: с ним и легатом Фимбрией, а это измотанным войскам Суллы было бы не под силу.

Впрочем, легата он боялся напрасно: едва войска победоносного и овечьного славой Суллы подошли к легионам Фимбрии, его солдаты стали перебегать к Сулле, не намереваясь проливать кровь за демократов.

Затем Сулла во главе сорокатысячного войска двинулся в Италию. В Брундизии он высадился весной восемьдесят третьего года. Победа под стенами Рима далась с большим трудом. В решительный момент битвы Сулла снял с груди золотую статуэтку Аполлона из Дельф и в молитве попросил у него помощи. Вероятно, Аполлон и вправду благоволил к полководцу, раз даже после ограбления своего святилища все же осенил «счастливица» викторией.

Войдя в Рим, Сулла тотчас же собрал сенат в храме Беллоны, а неподалеку в это время его гвардейцы добивали уцелевших противников. Когда сенаторов стали беспокоить вопли убиваемых, Сулла попросил их «слушать его внимательно, а не отвлекаться на вопли кучки негодяев, которым по его приказу дают урок».

Но это было лишь начало. Он стал казнить не только своих политических противников, но и личных врагов — как своих, так и своих приспешников, если они его просили об этом. Казням не было конца, и тогда кто-то попросил диктатора избавить римлян от неизвестности: кто следующий? Пусть скажет открыто, кто ему негоден. Тогда он составил списки, вошедшие в историю, как проскрипционные. Конечно, многие поплатились жизнью лишь за свое богатство. Сулла лишал гражданских прав и прав на имущество также и наследников, и Плутарх называет это вопиющей несправедливостью. Историк размышляет и о причинах жестокости Суллы, объясняя ее скрытыми пороками и переменчивым характером диктатора.

Действительно, есть тут некая загадка. Ведь Сулла был по тем временам человеком просвещенным, как бы теперь сказали, интеллигентным, — знал и любил греческую литературу и философию, окружал себя поэтами, художниками, актерами, благоволил к театру, был в полном смысле обаятельным и душевным человеком с большим чувством юмора. Думается, знаменитые его проскрипции играли роль не столько способа утоления мести, а были трезвым расчетом диктатора, что тем самым он уничтожает зерна грядущих и возможных смут, то есть укрепляет порядок в государстве.

Это, надо сказать, не ново, так поступали и будут поступать тираны во все времена, сохраняя установленный жестокий режим на долгие годы, полагая, что репрессии и страх — испытанное и безотказное средство от смут и потрясений в государстве.

Однако развитие демократии в современном мире доказывает и обратное: свободное, беспредельное бесцензурное волеизъявление граждан дает подобный же эффект. Устное и печатное публичное слово служат лучшим громотводом, нежели тайное шептание по углам. Современным властителям легче и проще разрешать, нежели запрещать, и в этом есть своя мудрость: люди свободны в своих мнениях до границ закона, который и карает.

Что касается Суллы, он, установив личную диктатуру без ограничения в сроке, сам же в конце концов и отказался от власти и уехал в свое загородное поместье, где выращивал капусту и удил рыбу.

Мы не будем здесь доискиваться причин, побудивших диктатора так поступить, хотя внешне такой поступок кажется жертвой во имя сохранения республики и ее институтов. Однако, идея единодержавной власти, ярко проиллюстрированная Суллой, оказалась весьма заражительной для целой череды последующих древнеримских властолюбцев, в том числе для Помпея и Цезаря.

•

ГЛАВА II

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Вот в такое смутное время протекала юность нашего героя. О детстве, к сожалению, известно мало. По странному совпадению, начало жизнеописания Цезаря как у Плутарха, так и у Светония, основных его биографов, не сохранилось.

Гай Юлий Цезарь родился тринадцатого июля сотого года до Рождества Христова (некоторые исследователи датируют рождение Цезаря сто первым или даже сто вторым годом). А месяц тогда назывался еще квинтилием, июлем он стал в честь нашего героя в сорок четвертом, последнем году его жизни. Он был первенцем в патрицианской семье, ведущей свою родословную от Аскания-Юла, сына легендарного троянского героя Энея.

Об отце Цезаря известно мало. Как и все аристократы, он двигался по служебной лестнице, пока не получил звание претора в девяносто втором году. Преторы в Риме занимались в основном судопроизводством, а по окончании срока службы получали в управление какую-либо провинцию, где в звании пропретора имели всю полноту как гражданской, так и военной власти. Таким образом отец Цезаря оказался наместником Азии. После этого он мог бы добиваться высшей в государстве консульской должности, но внезапно скончался в Пизах, когда его первенцу было пятнадцать лет.

Поэтому воспитанием мальчика занималась его мать Аврелия, женщина образованная, умная и обладающая крепким характером. Она сумела привить сыну любовь к наукам и литературе, а также строго следила за его нравственностью. Одним из учителей Цезаря называют грамматика Марка Антония Гнифона, одаренного педагога, хорошо знавшего латинский и греческий языки, причем он ценил в литературе простоту и ясность, что хорошо и усвоил наш герой, если судить по его сохранившимся сочинениям. Мальчик Гай оказался способным учеником. Ему легко давались языки и науки и он легко читал в подлинниках Гомера, Еврипида, Софокла, Эсхила, с интересом знакомился с историей Рима по поэме Квинта Энния «Анналы». Особый интерес у мальчика вызывали жизнеописания великих людей древности и мифология. Неудивительно, что одним из его первых сочинений в юности стала «Похвала Геркулесу». В программу обучения римских детей из высшего общества входили также философия, юриспруденция, точные науки и ораторское искусство.

Наверняка мальчик видел у себя дома или в гостях и старика Мария, – ведь сестра отца была его женой. Вероятно, слышал его рассказы о знаменитых сражениях и политических интригах либо рассуждения о доблести и славе предков и об испорченности современных нравов – излюбленные темы для стариков. Конечно же, мальчишка Гай гордился своим великим родственником, давал себе клятву, что станет таким же отважным и бесстрашным воином, старался ему подражать. Что касается воли и стойкости духа, то Марий вполне мог служить прекрасным образцом, – древние авторы описывают, как он, страдая расширением вен, перенес хирургическую операцию на ноге без всяких обезболивающих средств, не проронив ни звука, не сделав лишнего движения и не изменившись в лице; как будучи уже грузным семидесятилетним подагриком и ревматиком, ни в чем не давал себе поблажки и вместе с молодыми воинами ежедневно занимался на Марсовом поле строевой

подготовкой. Зато в политические игры играл слабо, в интригах и комбинациях был сущим младенцем, но этому Цезарь мог поучиться у другого диктатора – Суллы, которого современники считали львом и лисицей в одной шкуре.

В восемьдесят четвертом году юный Гай с помощью влиятельных родственников становится жрецом Юпитера, иначе фламинном, членом коллегии понтификов, высшего органа языческой духовной власти. Став жрецом, Цезарь уже не имел права на государственные должности, не мог отлучаться из столицы более чем на два дня, ему не разрешалось ездить верхом, находиться на поле брани и тому подобные запреты.

Но не суждено было Цезарю сделать карьеру священнослужителя. В том же восемьдесят четвертом году он женился на дочери Цинны Корнелии. Когда два года спустя Сулла пришел к власти, он, как мы уже упоминали, без разбору казнил своих политических противников, а уж тот факт, что юный Цезарь приходился родственником его главному политическому оппоненту Цинне, не ускользнул от его внимания и он приказал Цезарю развестись с Корнелией. Однако, несмотря на опасность быть репрессированным, молодой муж не стал этого делать. Тогда Сулла отобрал у него жрецескую должность, а заодно и приданое супруги, родившей к тому времени дочь Юлию.

Сулла недолго любил семью Юлиев еще и потому, что его заклятый враг Марий, к тому времени покойный, был женат на тетке нашего героя. Цезарь вполне мог в то время угодить в проскрипционные списки по этим признакам неблагонадежности, однако его многочисленные родственники уговорили диктатора не преследовать единственного по мужской линии потомка древнего аристократического рода. При этом диктатор сказал:

«Ваша победа, получайте его! Но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаиваем: в одном Цезаре таится много Мариев!»

Прозорливость просто поразительная. Сулла вполне бы смог стяжать себе славу и прорицателя. Впрочем, всякий серьезный политик должен обладать даром предвидения.

Таким образом, Цезарь оказался вроде бы и вне опасности, но все же решил уехать из Рима, дабы не мозолить глаза всесильному диктатору и не вызывать у него невольного раздражения. Он направился на военную службу в провинцию Азия, где пропретором в то время был Квинт Минуций Терм, занятый на острове Лесбос осадой города Митилены, сохранившего верность царю Митридату. Для этих целей ему понадобился флот. И он решил послать за кораблями к вифинскому царю Никомеду новичка Цезаря. Пусть столичный шеголь проветрится.

Молодой офицер долго не возвращался, а когда привел суда, вновь отпросился в Вифинию под предлогом, что ему надо получить с кого-то долг. Что привлекало его в Вифинии? Оказывается, сам царь Никомед, неравнодушный к юношам. Слух о его связи с вифинским царем разнесли римские купцы, видевшие якобы Цезаря среди других наложников восточного царька в неприличных одеждах и даже возлежавшем на изысканном ложе.

Этот эпизод из жизни нашего героя очень сильно испортил ему в дальнейшем репутацию: его называли царевой подстилкой, вифинской царицей и тому подобными прозвищами, а уже в бытность его прославленным полководцем солдаты распевали похабную песенку о том, что покоритель галлов сам был в свое время покорен царем Никомедом. Цитировали и неприличные стишки поэта Лициния Кальва о том, «чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок». Цицерон также в своих письмах повторяет эти сплетни.

Цезарь, конечно же, отрицал любовную связь с Никомедом, однако, как известно, бороться с наветами, сплетнями и слухами – Сизифов труд.

Было ли это на самом деле, трудно сказать, потому что в дальнейшей биографии Цезаря подобных эпизодов нет,

зато известны его многочисленные связи с женщинами, и мы к ним в свое время обратимся.

Возвращаясь из Вифинии (по другим сведениям – с острова Родос), молодой Цезарь попал в плен к пиратам. Они готовы были его отпустить за выкуп в размере двадцати талантов. Цезарь расхохотался им в лицо и сказал, что он бы на их месте отпустил его подобру-поздорову, да еще и приплатил бы не двадцать, а пятьдесят талантов, чтобы не наживать себе неприятностей. Пираты просто опешили от такой заносчивой наглости. В ожидании денег для выкупа Цезарь вел себя на пиратском корабле не как пленник, а как господин, требуя от «этих свирепых киликийцев» чтобы они соблюдали тишину, когда он спит или сочиняет. Он провел в плену тридцать восемь дней, развлекаясь тем, что читал пиратам написанные тут же поэмы, и если они не аплодировали и не восторгались, пленник поносил их последними словами и постоянно обещал всех казнить, как только окажется на свободе. Морские разбойники прощали ему его высокомерие, расценивая угрозы как шутки.

Но Цезарь, однако, не шутил. Когда пришел выкуп и он оказался на свободе, тотчас же снарядил суда для погони, захватил своих обидчиков, отобрал у них всю добычу, а их самих приказал распять на крестах по римскому обычаю. При этом, говорят, он приказал их сначала заколоть, а уж потом распять, дабы не подвергать длительным мучениям.

В этом проявилось так восхваляемое древними авторами Цезарево милосердие (*clementia*). Он затем частенько проявлял снисхождение к поверженным противникам в бесчисленных войнах, особенно гражданских, при этом демонстрируя свой гуманизм, он делал это еще и из соображений демографических и патриотических, – Риму нужны были живые рабы, а не мертвые враги, а ему самому – боеспособные солдаты, а не покойники. Вообще понятие «гуманизм» в древности несло в себе совершенно другой смысл, нежели теперь. Но мы еще будем к этому возвращаться не один раз, поводов будет сколько угодно.

А свое первое боевое крещение Цезарь принял во время штурма Митилен на Лесбосе, куда он привел корабли из Вифинии. В бою молодой офицер проявил храбрость, за что и был награжден венком из дубовых листьев (*civica*). Такое поощрение полагалось за спасение римского гражданина.

Тем временем Сулла скончался от какой-то странной болезни, имевшей в древности название вшивой. Плутарх описывает ее так:

«...вся плоть его сгнила, превратившись во вшей, и хотя их обирали день и ночь (чем были заняты многие прислужники), все-таки удалить удавалось лишь ничтожную часть вновь появившихся. Вся одежда Суллы, ванна, в которой он купался, вода, которой он умывал руки, вся его еда оказывалась запакошенной этой пагубой, этим неиссякаемым потоком – вот до чего дошло. По многу раз на дню погружался он в воду, обмывая и очищая свое тело. Но ничто не помогало».

Цезарь в том памятном семьдесят восьмом году продолжал свою военную карьеру в Киликии. Узнав о смерти диктатора, он поспешил вернуться в Рим. Одним из консулов на этот год был избран не без помощи сподвижника Суллы Гнея Помпея честолюбивый Марк Лепид. Перед выборами бывший тогда еще в живых Сулла прозорливо заметил во время прогулки по форуму Помпею, что проталкивая Лепида в консулы, тем самым готовит себе в дальнейшем неприятности.

Так оно и вышло. Лепид под предлогом подавления восстания в Этрурии набрал большую армию, а когда восстание было подавлено, отказался, вопреки закону, ее распустить и потребовал для себя второго подряд консульства, а также восстановления упраздненной Суллой власти народных трибунов и возвращения изгнанных эмигрантов. Сенат объявил его врагом отечества и поручил его усмирению тому же Помпею. Тот отправился к Мутине (нынешняя Модена), где осадил марианцев во главе с Марком Юнием

Брутом, отцом убийцы Цезаря, а тем временем Лепид внезапно появился прямо под стенами столицы и сражение происходило на Марсовом поле. Лепид был побежден и вскоре умер, а Помпею удалось победоносно завершить осаду Митилены. Взятых в плен Брута Помпей приказал казнить. Главному в недалеком будущем политическому противнику Цезаря милосердие свойственно не было.

Так вот, Лепид сманивал Цезаря принять участие в своей аванюре, однако тот смолоду прекрасно ориентировался в политической обстановке и верно ее прогнозировал. Он отказался идти в одной упряжке с Лепидом, памятуя Еврипида, отрывок из которого, по словам Цицерона, он частенько цитировал:

*«Коль преступить закон – то ради царства;
А в остальном его ты должен чтить».*

Он предпочел тогда попробовать себя в юриспруденции. Первым его делом в суде было обвинение Долабеллы, консула восемьдесят первого года, сулланца, в грабежах и взятках во время его наместничества в Македонии. Защитниками на процессе были самые известные тогда в Риме адвокаты Аврелий Котта и Квинт Гортезний. Их стараниями обвиняемый был оправдан. Однако после своего очередного губернаторства на Сицилии Долабелла был обвинен в лихоимстве и изгнан из Рима. Недаром русская пословица гласит, что «черного кобеля не отмоешь добела».

После этой неудачи Цезарь счел для себя необходимым съездить на Родос и поучиться ораторскому искусству у знаменитого Аполлония Молона, у которого учился и Цицерон.

По возвращении в столицу он ведет себя как и всякий молодой человек его возраста: волочится за женщинами, ходит в театр, затевает пирушки, участвует в разных литературных дискуссиях, посещает гладиаторские бои, конские бега и прочие массовые зрелища, сибаритствует в ба-

нях, служивших в то время своеобразными клубами. Одевается он достаточно вызывающе – тунику носит с бахромчатыми рукавами, небрежно подпоясывается, но в то же время очень тщательно следит за своим телом и прической, о чем мы уже говорили.

На первый взгляд может показаться, что молодого бездельника, погрязшего в столичных удовольствиях и ради них влезшего в большие долги, мало интересует политика. Но это не так. Он внимательно присматривался к происходящим в столице интригам, интересовался подробностями тех или иных ходов, выуживал из сплетен нужную для себя информацию о том или ином человеке, старался быть полезным тому или иному влиятельному сенатору, делал далекоидущие комплименты их женам, был прекрасно осведомлен о слабых и сильных сторонах ведущих политиков. Все это он тщательно фиксирует в памяти и анализирует, делая определенные выводы.

Об этом мы еще поговорим, а сейчас оставим на время нашего героя и расскажем о Помпее и Крассе, полководцах Суллы, оказавшихся после смерти диктатора наследниками его верховной власти. Они были очень разными людьми, и лишь отчаянное честолюбие можно назвать их общей чертой. Каждый из них видел именно себя первым лицом в государстве.

Марк Лициний Красс происходил из плебейского рода, тем не менее его отец был в свое время и консулом, а затем наместником Дальней Испании, так что вполне вписывался в нобилитет. У него было трое детей. Женат был Марк Лициний на вдове своего брата и имел от нее детей. Страсть к деньгам у него была сильнее других. Когда начались развязанные Суллой репрессии, Красс без зазрения совести скупал за бесценок имущество и дома внесенных в проскрипционные списки, а также и рабов, причем не простых, а специалистов – строителей, писцов, архитекторов, банкиров, домоправителей и тому подобных, потому что они стоили на невольничьих рынках гораздо дороже простой

рабочей силы; он и сам занимался обучением рабов, чтобы потом продать их подороже. Красс был чрезвычайно предприимчивым человеком. Он скупал также серебряные рудники, плодородные земли, в самой столице приобретал даже сгоревшие и разрушенные дома, чтобы с помощью армии своих обученных рабов строить новые и на этом обогащаться. «Таким-то образом, – пишет Плутарх, – большая часть Рима стала его собственностью».

Но помимо страсти к деньгам им владела еще и жажда почестей, и в этом он очень сильно завидовал Помпею, которого за его военные победы нарекли, несмотря на молодость, Магнусом, то есть Великим. Существует такой анекдот: когда Крассу сказали, что к нему пришел Помпей Великий, тот со смехом спросил: а какой он величины?

Особенно он невзлюбил своего политического соперника после того, как тот практически украл у него победу над Спартаксом. Об этом читатель наверняка знает из популярного фильма с Кирком Дугласом в главной роли. Когда восстание было почти подавлено Крассом, явился на подмогу Помпей и разгромил остатки армии Спартака. Богатый честолюбец с трудом это пережил.

После победы над Спартаксом оба не стали распускать своих армий, оказывая тем самым давление на сенат и народных трибунов. Многим казалось тогда, что без новой гражданской войны ни тому ни другому не удастся занять место умершего Суллы. Но народ не хотел новой кровавой распри, как не хотели ее сильно пострадавшие от репрессий рыжего диктатора нобили, и это прекрасно видели соперники, еще недавно бывшие в одной упряжке с Суллой.

Поэтому им пришлось, что называется, примириться с обстоятельствами, говоря иначе, сделать хорошую мину при плохой игре и прийти к соглашению о соправительстве. Таким образом, они стали консулами на семидесятый год, но так как оба люто ненавидели друг друга, их власть ничем хорошим не ознаменовалась – они вынуждены были по-

стоянно идти на компромиссы с различными группировками и исполнять те обещания, что давали перед приходом к власти популярам: в полном объеме была восстановлена трибунская власть, судебные комиссии теперь составлялись из разных сословий – сенаторов, всадников и богатых плебеев – в равных частях; кроме того, сенат был очищен от сулланцев. Таким образом, Помпей и Красс, верно служившие умершему диктатору, получившие от него деньги и политический капитал, в одночасье похоронили всю его конституцию и вернули республику в прежнее состояние нестабильности, которое сулило римскому обществу новую оголтелую грызню за власть. Быть может, прозорливый Сулла потому и отошел от власти, что видел непрочность и шаткость государственного здания, которое пытался выстроить.

Теперь немного о Помпее. Он родился в сто шестом году и был сыном Гнея Помпея Страбона, консула восемьдесят девятого года и военачальника, известного по Союзнической войне. Молодой Помпей прославился своими победами над марианцами во время гражданской войны, за что был Суллой обласкан и возвышен. После поражения Лепида недобитые марианцы раздули очаг сопротивления на Пиренейском полуострове. Во главе стоял Квинт Серторий, непримиримый враг Суллы, знавший диктатора еще по Югуртинской войне, где они оба были тогда молодыми офицерами. Еще при жизни диктатора делались безуспешные попытки подавить восстание. Серторий попытался создать в Испании, которую он объявил независимой от Рима, некое подобие государства с идеалистической программой всеобщей демократии. Его чисто популистские обещания уравнивать всех в правах привлекали к нему не только римлян, но и местные племена. Серторий даже создал там школу, где дети испанской знати обучались латинскому и греческому языкам. Знаменитый немецкий историк Теодор Моммзен, лауреат Нобелевской премии, называл Сертория «замечательнейшим, если не самым замечательным из всех

людей, до той поры выставленных Римом». Классики марксизма также расточали ему похвалы. «Замечательный» Серторий, тем не менее, не гнушался договариваться с пиратами, а также со злейшим врагом своей родины Митридатом для осуществления своих окрашенных дешевым розовым популизмом целей.

На борьбу с ним летом семьдесят седьмого года был отправлен Помпей. Война шла с переменным успехом до семьдесят пятого года, когда в решительном сражении Помпей потерпел поражение и едва не попал в плен, получив серьезное ранение. И если бы не предательское убийство Сертория заговорщиками из его близкого окружения в семьдесят втором году, неизвестно, как бы в дальнейшем могли развернуться события, ведь популизм – страшная сила. Пользуясь расколом в рядах повстанцев, Помпей без особого труда разбил их войска.

В начале шестидесятых годов чрезвычайно острой для римлян стала проблема пиратов. Средиземное море в то время было практически парализовано ими – ни купеческое, ни военное судно не было застраховано от нападения морских разбойников. Их число и вооружение росли за счет беглых рабов, удачных разбоев и захватов богатых путешественников (вспомним историю с нашим героем). Пиратов поддерживали и использовали в своих военных целях Митридат, а также, как уже говорилось, и Серторий. Пираты стали угрожать и жизнеобеспечению Рима – привозимый морским путем хлеб не достигал римских гаваней и страшно поэтому подорожал.

На борьбу с этим злом был направлен Помпей. Ему были даны самые широкие полномочия. Имея более чем стотысячную армию и большую флотилию, военачальник справился с этой бедой всего за сорок дней. Цены на хлеб упали, поэтому благодарные римляне готовы были носить Помпея на руках. Его популярность и политическое влияние в то время были настолько велики, что если бы не его всегдашняя нерешительность и неумение плести плодотвор-

ные интриги, он мог бы добиться, подобно Сулле, единоличного правления, несмотря на деньги и влияние своего главного противника Красса.

В то время, когда Помпей воевал в Испании, на Востоке началась война с Митридатом. Понтийский царь в семьдесят пятом году нарушил заключенный с Суллой мир и напал на Вифинию. Поначалу военные действия против него вел опытный полководец и богач Луций Лициний Лукулл и ему сопутствовал успех: разбитый наголову Митридат вынужден был бежать к своему зятю Тиграну, владевшему в то время весьма значительной территорией, включавшей в себя помимо Армении и южную Сирию. Лукуллу пришлось вторгнуться в Армению, где он одержал победу и над Тиграном, однако затянувшаяся военная кампания истощила его армию, и солдаты начали бунтовать и требовали возвращения домой. К тому же популяры, получившие власть после переворота семидесятого года, интриговали против него как богача и оптимата, и в шестьдесят седьмом году добились его смены на посту главнокомандующего на Востоке. Преемником стал консул Глабрион, своим бездействием позволивший Митридату отвоевать свое царство. Тогда народный трибун Гай Манилий предложил передать командование победоносному Помпею. Манилия, кстати, поддержали Цицерон и Цезарь, приобретавший к тому времени все большее и большее влияние.

Помпей принял остатки войск Лукулла и после безрезультатных переговоров с Митридатом начал военные действия. Ослабленные предыдущей кампанией войска понтийского царя не смогли дать серьезной битвы римскому полководцу, и он без труда одержал победу. Разгромленный Митридат вновь убежал к Тиграну, но тот, наученный горьким опытом, не принял неудачника, всерьез опасаясь за свое царство, которому теперь угрожали и парфяне, — Помпей договорился с парфянским царем Фраатом, чтобы тот напал на Тиграна за территориальные уступки в Месопотамии.

Митридат вынужден был бежать в Боспорское царство, где провел ряд очень жестких мер по выколачиванию денег и набору в армию для новой войны с римлянами. Это вызвало естественное недовольство, а затем и восстание, которое возглавил сын Митридата Фарнак. Царь был осажден в своем дворце, где и покончил жизнь самоубийством. Вот так завершил свою жизнь один из самых непримиримых врагов Рима.

Ну а Помпей тем временем пожинал плоды своей военной доблести и дипломатических успехов. Он принудил к безоговорочной сдаче Тиграна, «царя царей», как он себя называл, и вторгся в Закавказье, но воевать в горах римляне не привыкли, поэтому полководец вернулся в Понтийское царство, где поставил царем изменившего отцу Фарнака.

В шестьдесят третьем году Помпей присоединил к Риму Сирию. В состав этой провинции была включена и Иудея, где в это время шла междоусобица между фарисеями и саддукеями. Первые, как известно, были религиозными фанатиками и стремились к созданию истинно иудейского государства с духовной властью во главе, в то время как саддукеи, зараженные эллинизмом богачи и военные, хотели крепкой светской власти. Римлянам, разумеется, выгоднее было поддержать фарисеев, что Помпей и сделал, однако противники захватили храм и целых три месяца выдерживали осаду. Когда Иерусалимский храм был взят римлянами, Помпей вошел в «святая святых» и полностью разграбил храм.

Теперь Помпей с полным правом мог именоваться Великим, и в Риме это не только очень хорошо понимали, но и боялись, что высадившийся в Брундизии полководец со своей победоносной армией предъявит подкрепленные теперь уже громкими победами на Востоке притязания на верховную власть. Красс был настолько этим напуган, что поспешил даже уехать из столицы вместе с семьей и деньгами. Но Помпей и на этот раз не стал испытывать судьбу. Он

распустил, как того и требовали римские законы, армию и явился под стены Рима лишь со свитой. Полководец, собиравшийся совершить триумфальное шествие, не мог до триумфа появляться в городе, поэтому Помпей оставался вне стен Рима в ожидании своего третьего триумфа.

Первый он отпраздновал еще при Сулле за победы в Африке (историк Ковалев в своей «Истории Рима» называет их «дешевыми»). Он был тогда еще так молод, что не имел права на триумф, – достаивались такой почести лишь сенаторы, а членом сената можно было стать лишь в возрасте двадцати семи лет. Помпей стал просить всесильного диктатора, чтобы тот разрешил ему все же, вопреки закону, отпраздновать триумф, однако Сулла не соглашался. Тогда Помпей сказал, что люди охотнее поклоняются восходящему солнцу, нежели заходящему, намекая на увядающую славу Суллы. Когда ему передали слова молодого полководца, тот дважды произнес: «Пусть празднует триумф!»

Что такое триумф? После особо крупных и значимых побед полководец получал право на этот торжественный акт, посвященный Юпитеру Капитолийскому. Первыми шествовали сенаторы и высшие чиновники государства, за ними грохотал литаврами и трубами оркестр, за музыкантами несли транспаранты с изображениями взятых городов и военные трофеи. Следом вели белых быков для заклания в храме Юпитера и плененных царей, их родственников и крупных военачальников противника в цепях. А уж потом в богато убранной колеснице, запряженной четверкой гнедых лошадей, появлялся триумфатор в одежде Юпитера, взятой для этого случая из храма, с накрашенным красной краской лицом (громовержец в древности изображался почему-то с красным лицом) и лавровой веткой в руке, а над его головой раб держал золотой венок. Обок с колесницей вышагивали верхом на лошадях сыновья триумфатора, если, конечно, они у него были. За колесницей верхом на лошадях ехали легаты и трибуны полко-

водца. А уж последними шли солдаты, всегда распевавшие песенки зачастую непристойного и похабного содержания, где полководец, если в чем был грешен, всегда упоминался – такая уж была традиция.

Нынешний триумф Помпея Великого был отмечен двумя обстоятельствами. Первое: ему стало известно, что пока он завоевал страны и народы, его жена Муция изменила ему. И знаете с кем? С Цезарем! И второе: Помпей хотел привести в консулы своих людей, но закон, мы уже говорили, не разрешал ему появляться в столице до триумфа, а именно в это время и должны были состояться выборы. Помпей попросил отложить их на время после триумфа, но этому активно воспротивился Катон Младший, впоследствии получивший прозвище Утический после своей смерти в африканском городе Утике, и об этом мы расскажем в конце книги.

О Катоне следует сказать несколько слов, потому что он являлся в то время одной из крупных политических фигур. Он постоянно препятствовал не только Помпею, но и Цезарю в его восхождении к высшей власти.

Он был правнуком Марка Юрция Катона по прозвищу Цензор, известного блюстителя строгих римских нравов. Считается первым римским историком, написавшим «Начала», сочинение из семи книг, где излагаются как мифы, так и подлинные события от основания Рима до сто сорок девятого года до новой эры, последнего в жизни Цензора.

Младший Катон во всем подражал своему прославленному предку. Суровость и простота его жизни стали легендой. Он ходил босым пешком в любую погоду, не пользуясь, как все прочие сенаторы, носилками, в простой одежде и с непокрытой головой, питался очень скромно, был всегда серьезен, чувство юмора, говорят, ему было неведомо. Он считался ходячей совестью Рима, до того был честен и неподкупен, а кроме того – твердолоб и упрям настолько, что во всем следовал духу и букве закона во всем, и переубедить его никому и никогда не удавалось. В каче-

стве примера можно привести такой эпизод из его жизни. Одна девица, с досады, что ей изменил любовник, стала строить куры Катону, а тот принял это за чистую монету и предложил ей замужество. Когда к этой легкомысленной женщине вернулся ее любовник, она сказала Катону, что свадьбы не будет, пора прощаться. И, представляете, несостоявшийся обиженный жених хотел на нее подать в суд! Друзья с трудом отговорили его это делать, едва ли сумев ему объяснить, что свободная женщина спит с кем пожелает.

Чтобы привлечь на свою сторону честного и неподкупного Катона, Помпей придумал и предложил ему такую матримониальную комбинацию: на одной из племянниц упрямого сенатора он решил жениться сам (ведь жена Муция ему изменила и он с ней развелся), а на другой хотел женить своего сына. Катон на это не пошел, а когда его сестра и жена стали по своей обычной женской логике недоумевать и выговаривать, почему он не хочет породниться с Помпеем Великим, тот ответил, что Помпей делает угодных ему людей консулами, подкупая избирателей, поэтому он не хочет, чтобы этот позор его хоть как-то коснулся.

Несмотря на эти горькие обстоятельства, триумф Помпея был грандиозен и продолжался целых два дня. В списке покоренных им царств значились Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, Иберия, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия и прочие народы; упоминались и его блестящая победа над пиратами. В этих странах полководец награбил так много, что увеличил бюджет государства в полтора раза, внося в казну двадцать тысяч талантов. А это по тем временам очень большие деньги. Один талант по стоимости был равен более чем двадцати килограммам серебра.

В цепях шли главари пиратов, сын царя Тиграна с женой и дочерью, жена самого Тиграна Зосима, иудейский царь Аристокбул, сестра Митридата и его дети и прочие менее именитые пленники.

Помпей, говорят, хотел въехать в Рим через триумфальные ворота на слонах, но размер арки был слишком для этого мал и узок. Триумфатор поднялся на Капитолийский холм, где пленников увели (чаще всего их затем казнили либо оставляли в заложниках), принес в храме Юпитера жертву белыми быками и снял венки и одежду громовержца. Его имя внесли в список триумфаторов и с этого момента ему можно было разгуливать по Вечному городу в расшитой тоге.

Этот триумф Помпея был знаменателен еще и тем, что был присужден ему за завоевание Азии, а два предыдущих – Африки и Европы. Таким образом, он в свои неполные сорок лет являлся победителем, подобно Александру Македонскому, всего мира, на которого он, кстати, был похож и внешне.

Взглянем на его скульптурный портрет, где он изображен уже в возрасте, пожалуй, пятидесятилетнем. При первом взгляде действительно можно согласиться с Плутархом, что его «приятная наружность сочеталась с величием». Но в целом на лице этого человека главенствует вальяжное удовлетворение от самодостаточности. В полууśmieшке сжатых губ видна властность и в то же время ограниченность, а морщины на лбу едва ли свидетельствуют о напряженной мыслительной работе, скорее – о тугодумии и нерешительности.

Казалось бы, после блестящих побед, почестей и проявлений народной любви влияние Помпея должно было бы увеличиться, но этого не произошло. Опрометчиво распустив свою армию, а это было его главной ошибкой, триумфатор оказался хоть и влиятельным, но одним из многих честолюбивых претендентов на первое место в государстве, каких в древнем Риме всегда было хоть отбавляй. Помимо основных его соперников, Красса и Цезаря, на сцену выступил и Лукулл, который, если бы ему позволили обстоятельства, мог бы с не меньшим почетом и триумфальным победоносцем вернуться с Востока, но лавры достались

удачливому Помпею, сменившему, как помним, Лукулла на войне с Митридатом.

Чтобы хоть как-то компенсировать свое недовольство и ушедшие к Помпею почести, он стал оспаривать в сенате распоряжения Помпея на Востоке и отстаивать свои собственные, отмененные победителем. Лукуллу в этом активно помогал Катон, считавший также несправедливым умаление заслуг Лукулла.

Этот человек был известен своим богатством и преизобильными роскошными пирами, вошедшими в поговорку. Обратимся к источникам и поведаем любопытствующему читателю, что у него подавалось к столу. Утонченный гастроном угощал своих гостей устрицами, дроздами со спаржей, пулярками (откормленными курицами), тушеными моллюсками, запеченными в тесте цесарками, кабанами с гарниром из репы, салата, редьки под острым соусом из морских рыб. Мурена (редкая рыба) подавалась с гарниром из морских раков с соусом из оливкового масла, скумбрии и овощей на красном вине. Ну и прочие закуски: гусиная печень, зайцы, утки, кормленные инжиром, соседствовали на столах с фруктами и изысканными винами.

Кстати, о дроздах. Когда Помпей заболел и врач ему в качестве лекарства посоветовал питаться этими птицами, слуги не смогли найти их в Риме и купить. И когда кто-то надоумил больного обратиться к Лукуллу (уж у этого гурмана дрозды всегда водились), то Помпей отказался брать дроздов от Лукулла со словами: «Неужели жизнь Помпея может зависеть от причуд роскоши Лукулла?»

Но давайте вернемся назад, в семидесятые годы, когда молодой Цезарь делал еще только свои первые шаги в своей политической карьере. Мы уже упоминали, что он тогда занимался судебной практикой и развлекался, как и прочая «золотая молодежь». Очень скоро он становится ее лидером, не столько разделяя их образ жизни, сколько потворствуя им своей щедростью, обаянием и ласковым обхож-

дением. Эти же качества он проявляет и к простому народу, вследствие чего приобретает некоторую популярность.

О жизни и деятельности Цезаря в эти годы источники очень скупы и временами противоречивы, поэтому автору приходится лишь предполагать о том, мог ли этот человек совершить тот или иной поступок в тех или иных ситуациях, опираясь на анализ его поведенческих реакций, характера и свершенных в более поздние годы деяний.

В шестьдесят восьмом году Цезарь становится квестором (одна из первых магистратур, далее следуют: эдил, претор, консул). Этот год принес ему горькие утраты: умирают его тетка Юлия, вдова Мария, и его жена Корнелия. Было принято говорить поминальные речи, и вот что сказал Цезарь на похоронах тетки:

«Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры – род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех царей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».

Как видим, амбиции молодого Цезаря простирались вплоть до божественности, как бы династической, которую он в конце жизни и получит.

Можно представить себе, какое бешеное честолюбие снедало его, молодого, небогатого, вынужденного влезать в чудовищные долги (еще до квестуры он умудрился задолжать восемь миллионов денариев), не имевшего такого сильного влияния и военной славы, как у Красса и Помпея, которым он страшно завидовал.

И еще одно свидетельство. Когда он в это же время получил назначение в Дальнюю Испанию и по служебным делам оказался в Гадесе (нынешний Кадис), где посетил храм Геркулеса. Увидев там статую Александра Македонского, тяжело вздохнул и подумал, что Александр в его годы уже умер (а Цезарю тогда стукнуло тридцать три, в наше время

сказали бы – возраст Христа), а он до сих пор прозябает в ничтожной должности в далекой провинциальной дыре.

Той же ночью ему приснился странный сон, как будто он насиловал собственную мать. Толкователи сказали, что это предвещает ему верховную власть, ибо мать подразумевалась в этом сне как родина.

Трудно сказать, обнадежил ли его этот сон, хоть Цезарь и не был суеверным, либо им двигал нетерпеливый огонь честолюбия, а может, пришла какая-то обнадеживающая весточка или по каким иным соображениям, он не дослужил в Испании положенного срока и вернулся в столицу.

Вскоре после приезда он женится на внучке Суллы Помпее, которая приходилась родственницей и Гнею Помпею. С этого времени он начинает встречать во всевозможные политические интриги, причем зачастую сам же их и организует. В конце шестьдесят шестого года Цезарь становится участником заговора вместе с Крассом и несостоявшимися консулами на будущий год Публием Суллой и Луцием Автронием (они были избранны в подкупе избирателей). Предполагалось сделать Красса диктатором, а Цезаря вторым после него лицом, начальником конницы, путем насилия над сенатом и физического устранения некоторых политических противников. Но в назначенный для переворота час Красс, видимо, испугавшись, не явился, и Цезарю не пришлось спускать тогу с плеча, что должно было послужить сигналом к началу действий.

Еще одну авантюру он затеял и с молодым авантюристом Пизоном, получившим назначение в Испанию. Они договорились одновременно поднять мятеж в Испании и Риме. Но по дороге к месту службы испанцы убили Пизона, и этот замысел не состоялся.

Любопытно, что Цезарю всегда удавалось выходить сухим из воды; подозрения были, но доказать их не удавалось. Похоже, он все очень тщательно продумывал и лишь «кроил» авантюры, а шить их должны были другие «портные», причем исполнителей он, как опытный режиссер и

тонкий психолог, выбирал из людей, точно подходивших на то или иное амплуа. Как правило, это были люди не слишком высоких, мягко говоря, моральных качеств.

Так было и в случае с Катилиной, в заговоре которого, по многим свидетельствам, Цезарь также принимал активное участие. Имя Катилины известно в основном благодаря Цицерону, который сочинил и произнес не одну в сенате речь против этого проходимца. Из этих речей, известных под названием «Катилинарии», до наших дней дошли такие крылатые выражения, как «О времена, о нравы!» или «Доколе ты, Катилина, будешь испытывать терпение наше».

Об этом человеке есть возможность рассказать поподробнее, благо источников предостаточно. Помимо Плутарха, Светония и того же Цицерона, есть книга Саллюстия, которая так и называется – «Заговор Катилины», не во всем объективная. Оно и понятно: на неудачников всегда сваливают всякие грехи и досужие сплетни, да и слишком много там моралитета, достаточно, впрочем, показательного для древнеримского историка, цезарианца и интеллигента, мнящего себя порядочным человеком. Поэтому к страницам этой книги надо быть осторожным в доверии.

«Луций Катилина, – пишет Саллюстий, – человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом. С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны и грабежи, убийства, гражданские смуты, и в них он провел свою молодость... После единовластия Суллы его охватило неистовое желание встать во главе государства...»

Катилина действительно происходил из древнего рода, ведущего свое начало со времен все того же легендарного Энея, – предок Катилины Сергест был его соратником. Он родился в сто шестом году, то есть был старше Цезаря на шесть лет. Говоря о том, что Катилина провел свою молодость в «гражданских смутах», Саллюстий ставит ему это в упрек, но тогда шло противоборство Мария и Суллы, так что волей-неволей приходилось жить в такое время. Прав-

да, он не гнушался исполнять выносимые Суллой смертные приговоры, то есть был палачом, и это уже много говорит о его страстях и характере. Саллюстий обвиняет Катилину во всех смертных грехах: соvrращении девственных весталок, жестоких убийствах, развращении молодых людей, которых он подкупал проститутками, мужеложеством, дорогими подарками, в том, что он окружал себя готовым на всякое преступление отребьем и так далее. Он приписывает организацию заговоров с тем же Пизоном и Крассом ему же, а не Цезарю. Оно, впрочем, и понятно: книга вышла уже после смерти Цезаря и верный цезарианец Саллюстий стремился сдуть пылинки с обожествленного императора и затушевать его участие в заговорах.

Саллюстию вторит и Цицерон, обвиняя Катилину в том, что он жил с собственной сестрой, убил родного брата, клеймит его как пособника «убийц, поддельвателей завещаний, мошенников, кутил, мотов, гетер, совратителей молодежи, развратников и отщепенцев». И в то же время в другом месте мы читаем: «... Его манил разврат, но порой увлекали настойчивость и труд. Его увлекали пороки сладострастия; у него было также сильное стремление к воинским подвигам. И я думаю, что на земле никогда не было такого чудовища, сочетающего в себе столь противоположные и различные и борющиеся друг с другом природные стремления и страсти...»

Так вот, по Цицерону Катилина хоть и чудовище, но с вполне понятными человеческими страстями. И это ближе к истине.

Итак, шестьдесят пятый год, когда Цезарь становится курульным эдилом. Эта должность – нечто вроде нынешнего градоначальника. В его обязанности входило соблюдать город в чистоте, заботиться о порядке, а также проводить за свой счет всевозможные празднества и игры, в том числе и гладиаторские бои.

«В должности эдила, – пишет Светоний, – он украсил не только комиций и форум базиликами, но даже на Капи-

толии выстроил временные портики, чтобы показать часть убранства от своей щедрости. Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, потому что даже общие их траты приносили славу ему одному».

Плутарх дополняет: «Назначенный смотрителем Аппиевой дороги, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил триста двадцать пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников».

Что касается дороги, то тут он попал, что называется, в «десятку»: все римляне по ней ездили, поэтому ее улучшение дало Цезарю в полном смысле всенародную признательность.

А относительно гладиаторов Плиний сообщает, что убранство на них было из серебра, что тогда было в диковинку и поражало падких до зрелищ римлян блеском в самом прямом смысле слова.

На наш взгляд, это было не мотовством и не щедростью, а целенаправленным подкупом избирателей. «Народ, – пишет Плутарх, – стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря».

Разумеется, подобная расточительность весьма быстро истощила его карманы и ему приходилось брать в долг, причем суммы немалые, – его кредиты составляли двадцать четыре миллиона сестерциев. Кто и почему ссужал его деньгами? Ведь наверняка не только обаяние Цезаря служило залогом его кредиторам. Ему охотно давал в долг тот же Красс, которому Цезарь был нужен, как поддержка в борьбе за власть с Помпеем, он отлично видел, какими темпами растет популярность Цезаря и каким опытным политиком он становится.

Оба они, Красс и Цезарь, видели в экспрессивном, бесстрашном Катилине таран, способный пробить первую брешь в крепости, поэтому, оставаясь в тени, поддерживали его – Красс материально, а Цезарь – интеллектуально.

Надо сказать, что первоначальные намерения Катилины ничем от прочих людей его круга не отличались. Он хотел после претуры в шестьдесят восьмом году и наместничества в Африке добиваться консульского звания, однако был привлечен к суду за лихоимство, и его кандидатура была снята с выборов. Вот после этого-то Катилина и стал посягать на устои государства. Однако попытки схватить власть, как мы уже рассказывали, в шестьдесят шестом и следующих годах вместе с Крассом и Цезарем провалились, поэтому после того как Катилина был судом оправдан, он вновь выдвинул свою кандидатуру на шестьдесят третий год. Но господа сенаторы вовсе не хотели видеть во главе государства такого сумасброда, поэтому всячески противодействовали. Катон даже предлагал вновь отдать под суд Катилину, на что тот якобы ответил: «... если мне будут угрожать, то я потушу пламя не водой, а развалинами».

На выборах он выдвинул самый популистский лозунг: отмена всех старых долгов. Вот это было попадание в яблочко! У кого в Риме не было долгов, кто не содержал богатых домов и дорогих куртизанок и не развлекался в театрах и на бегах за счет денег прижимистых кредиторов? Особенно бурно приветствовала это погрязшая в долгах «золотая молодежь», основной оплот Катилины, а также разорившиеся ветераны Суллы, городской плебс и крестьяне.

Наверняка этот гениальный политический ход родился в голове Цезаря, а не Катилины. Оптиматы сделали все возможное, чтобы неукротимый Катилина с его дерзкими лозунгами не прошел в консулы. Они предпочли протащить вместо него адвоката и оратора Цицерона, человека в их среде нового, – он не принадлежал к высшему сословию патрициев, а происходил из всаднической семьи. Но в данном случае интересы обоих сословий совпадали, если иметь в виду выдвинутый Катилиной лозунг.

О Цицероне уместно здесь сказать несколько слов. Он родился третьего января сто шестого года в расположенной неподалеку от города Арпина усадьбе своего отца.

А этот город был родиной и Гая Мария, с которым, кстати, Цицерон был в родстве: тетка Мария была сестрой родной бабушки Цицерона. В переводе с латинского его фамилия переводится как «горох». Немного информации о римских именах. Для примера возьмем того же Марка Туллия Цицерона или Гая Юлия Цезаря. Первым здесь стоит имя человека, вторым – фамилия, род, а третьим – отличительная мета, прозвище. Цезарь, вероятно, имел прозвище от слова *caesaries*, что в переводе означает пышноволосяй. Это звучало насмешкой, ибо Цезарь был лысоватым, и это его всегда очень сильно удручало. Говорят, он выходил из себя в двух случаях: когда вспоминал, что Александр Македонский в его годы завоевал весь мир, и когда ему напоминали о его лысине.

Цицерон в юные годы сочинял стихи и обучался ораторскому мастерству у тех же греческих учителей, что и Цезарь. Овладев этим, а у него были большие способности, стал заниматься изучением права у знаменитого законоведа Квинта Муция Сцевола, где и познакомился с Титом Помпонием Аттиком, с которым подружился на всю жизнь и их переписка (известны только письма Цицерона к нему) является одним из самых ярких исторических документов того времени. Он немного служил на войне у отца Помпея и самого Суллы, но недолго. Вернулся в Рим, где стал заниматься еще и философией. Неудивительно, что имея такое прекрасное образование и недюжинные ораторские способности, он очень скоро стал преуспевающим юристом. Его политическая карьера, естественно, и вытекала из его популярности адвоката, причем идеологические пристрастия определились не вдруг, хотя тяготение к знати, к Помпею в частности, говорят о его олигархическом мировоззрении, хотя сам он различал оптиматов и популяров не по партийному признаку, а иначе: «Те, действия и высказывания которых приятны толпе, – популяры, те же, чьи действия и намерения встречают одобрение каждого достойного человека, – оптиматы». Неплохая фор-

мулировка, не правда ли? Популяр не может быть «достойным человеком», потому что хочет нравиться толпе.

Надо при этом иметь в виду, что партий в современном понимании этого слова в античном мире не было, как не было уж слишком отчетливого разделения в политической жизни по сословному признаку. Зачастую представители знати, когда им было это выгодно, переходили в плебеи и становились народными трибунами, а многие сенаторы выступали с популистскими речами в сенате и сами себя причисляли к популярам. Трудно в этом случае доискиваться, по каким признакам и кто из них «достойнее». До сих пор историки ведут ожесточенные споры о том, было ли вообще четкое разделение между этими группировками. Немецкий историк М. Гельцер вообще считает подобное мнение «фантазией XX века». Но так или иначе, Цицерон, несомненно, мировоззренчески принадлежал к «достойным», то есть оптиматам, хотя во времена своего консульства с лукавым и наигранным актерским пафосом провозглашал себя защитником народа.

Итак, Катилину вновь «прокатили» на выборах шестьдесят третьего года, и он окончательно осознал, что легальным путем он власти не добьется. И стал готовиться к вооруженному мятежу. Он имел своих сторонников не только в столице. Бывший сулланец Гай Манлий готов был поддержать Катилину в северной Этрурии и разжечь там огонь восстания. Катилина планировал осенью, в октябре, поднять мятеж одновременно в Капуе, Апулии, а в самом Риме устроить резню и совершить государственный переворот.

Но планам Катилины и других заговорщиков, за спинами которых, как утверждали современники, стояли Красс и Цезарь, не суждено было сбыться. Любовница одного из заговорщиков по имени Фульвия разболтала об их намерениях, причем Цицерону становится известно, что и он станет жертвой беспорядков, его имя стоит в списке заговорщиков одним из первых. Поэтому консул ходит на заседания сената в панцире и обрушивается на Катилину со стра-

стью и яростью попавшего в засаду зверя. Он прямо говорит Катилине, что ему все известно о его намерениях, и призывает его самого покинуть Рим и не наживать себе худших неприятностей. Вспыльчивый и неуравновешенный Катилина, который стал понимать, что ему не добиться власти в городе без вооруженной силы, действительно уезжает из Рима к войску Манлия в Этрурию, где присваивает себе знаки консульского отличия. Вполне возможно, что Катилина уезжает по совету режиссера Цезаря, который решил, что без буффонад эксцентричного честолюбца им будет проще совершить переворот в столице. Но так или иначе, со стороны Катилины это было серьезным просчетом.

Тем временем в Риме оставшиеся заговорщики решают следовать по заранее разработанному плану: поджечь Рим в разных частях, посеять панику, убить Цицерона и в дальнейшем открыть ворота войску Манлия и Катилины.

Цицерон знает об этих планах от той же стукачки Фульвии, однако у него нет никаких доказательств, кроме доноса. Но счастье все же оказалось на его стороне. От послов галльского племени аллоброгов стало известно, что их сманивали принять участие в заговоре с обещаниями скостить долги, если они помогут катилинарцам военной силой. Хитроумный Цицерон подучил послов взять у заговорщиков письменные подтверждения своих обещаний, что они и сделали. Теперь эти послания оказались в руках у консула и стали уликой, на основании которой он приказал арестовать заговорщиков.

Появился и еще один свидетель, которого задержали на выезде из города, по имени Луций Тарквиний. Он признался в сенате, что ехал к Катилине с наказом, чтобы тот поспешил в Рим с войсками, а когда его спросили, кто его послал, ответил, что Красс. При этом подтвердил слова Фульвии, что в Риме действительно готовились поджоги, убийства сенаторов и прочие бесчинства.

Сенаторы не поверили, что Красс в этом участвует, а если и поверили, не захотели его обвинений, потому что

многие были его должниками и единомышленниками. Разумеется, нет сомнений в том, что Красс, обеспокоенный блестящими победами Помпея, стремился опередить его в захвате власти. Это вполне правдоподобно, потому что он, а вместе с ним и Цезарь, оставшийся в тени автор и режиссер заговора, вовсе не собирались приводить к власти безумца Катилину, он был им нужен, как запальный шнур для взрыва.

Итак, заговор был счастливо обезврежен, и пятого декабря уходящего шестьдесят третьего года сенат собрался на заседание, чтобы решить судьбу заговорщиков, что было в общем-то противозаконно, потому что судебной властью сенат не обладал. Первым получил слово избранный на следующий год консул Децим Юний Силан. Он был краток: враги отечества по законам предков достойны лишь высшей меры наказания. Выступившие следом сенаторы в целом поддерживали консула и рисовали страшные картины бесчинств, грозивших Риму, если бы Цицерону не удалось своевременно изобличить заговорщиков и принять экстренные меры.

Дошла очередь и до Цезаря. Он был избран претором на будущий год и, таким образом, представлял здесь высшую судебную власть. Он рассуждал так. Заговорщики, безусловно, должны быть наказаны соразмерно своей вине. Но какое наказание может быть соразмерным их преступлению? Да, здесь сейчас многие достойные сенаторы говорили о том, что замышляли заговорщики: поджечь Рим, перебить облеченных властью магистратов и свершить прочие страшные злодеяния. Но ведь ничего этого не случилось! Рим не горит, все обреченные было граждане целы и невредимы, все это осталось лишь замыслом, можно сказать, черновиком, причем черновиком неиспользованным (об этом Цезарь говорил, быть может, не без горечи в душе). Закон карает лишь за свершенные преступления, а здесь мы видим лишь злой умысел. Поэтому он считает, что смертная казнь будет несоразмерным наказанием злоумышлен-

никам. А если говорить о законах предков, то они зачастую щадили даже таких злейших врагов, как карфагеняне. Он не сомневается в искренности патриотических чувств консула Децима Силана, побудивших его, «мужа храброго и решительного», высказаться за высшую меру наказания, но он, Цезарь, считает ее жестокой и предложение это полагает «чуждым нашему государственному строю». Несообразным он считает такое наказание еще и потому, что «в горе и несчастиях смерть – отдохновение от бедствий, а не мука; она избавляет человека от всяческих зол: по ту сторону ни для печали, ни для радости места нет». При этом, надо полагать, он не без ироничной усмешки смотрел на председателя этого заседания Цицерона, поклонника стоической философии. Далее он напоминает о проскрипциях Суллы. Ведь поначалу все радовались, что он казнил действительно лихоимцев, а что было потом? Сын доносил на отца, брат на брата и так далее. «Именно это и было началом большого бедствия: стоило кому-нибудь пожелать чей-то дом, или усадьбу, или просто утварь либо одежду, как он уже старался, чтобы владелец оказался в проскрипционном списке». Поэтому Цезарь, конечно, не предлагает их оправдать и отпустить к Катилине, вовсе нет, – он советует рассадить заговорщиков по итальяским тюрьмам, имущество конфисковать, и приговор оставить без апелляции.

Реакция была такая. То ли Цезарь действительно был слишком убедителен в своей речи благодаря своему ораторскому дару, то ли господа сенаторы решили не выносить, что называется, сор из избы, – им было известно, что Цезарь и Красс тесно связаны с Катилиной и становиться поперек дороги таким влиятельным людям многим было невыгодно, поэтому быстро нашлись и согласные с Цезарем. Более того, консул Децим Силан заявил, что, говоря о высшей мере, он вовсе не имел в виду смертную казнь. Возникло колебание и в рядах остальной части сената, и неизвестно, чем бы все завершилось, если бы не Катон.

Он удивился, что Цезарь не высказался за смертную казнь, ибо был убежден, что он это сделает, чтобы отвести подозрение от самого себя. Однако Цезарь, видимо, считал себя в безопасности, поэтому хотел вывести из-под удара исполнителей своей провалившейся пьесы под названием «Заговор Катилины». Он полагал, что они ему еще пригодятся в дальнейших интригах и борьбе за власть.

Катон начал свое выступление с того, что, размышляя над предложениями о наказании, только что прозвучавшими, он, конечно, признает, что преследовать по закону можно лишь за свершенные деяния, однако, если бы заговорщикам удалось захватить Город, то «взывать к правосудию» было бы уже бесполезно. Да и вообще, господа сенаторы, что происходит? У нас нынче речь не о налогах или разборах жалоб из провинций, а о существовании самого государства. Мы еще не знаем, какую силу соберет в Италии и провинциях Катилина и каким бедам и невзгодам может подвергнуться римский народ. И здесь, в сенате, вожди демократов ратуют за то, чтобы заговорщики были помилованы! Не кажется ли странным, что они нашли защитника в лице Цезаря? Не потому ли он советует посадить их в муниципальные тюрьмы, что Катилине не составит труда их освободить, если он двинется на Рим?

Цезарь никак не реагирует на нападки Катона. Он спокоен и ни один мускул не дрогнул на его лице. Он лишь безымянным пальцем почесал голову и продолжал внимательно слушать.

Катон, понимая, что у него нет никаких улик или доказательств о причастности Цезаря к заговору, предпочитает не развивать дальше эту тему и лишь иронически замечает, что избранный на будущий год претор слабо разбирается в загробной жизни, — не всем людям смерть несет избавление от страданий: дурные люди, как известно, содержатся на том свете «в местах мрачных, диких, ужасных и вызывающих страх».

И он еще раз призывает господ сенаторов крепко задуматься и перестать цепляться за влиятельных людей и их подачки – ведь не будет сладкой жизни с удовольствиями и деньгами, если восторжествует Катилина и им подобные, что называют государственную измену борьбой за справедливость и требуют милосердия. Поэтому он предлагает считать письма и свидетельские показания серьезными обвинительными документами, тем более сами заговорщики сознались в подготовке государственного переворота. Исходя из всего этого, их следует казнить по закону предков, то есть удавкой в Мамертинской тюрьме.

Цицерон также поддержал Катона, разразившись очередной, четвертой по счету катилинарией.

После этих речей Катона стали величать «достославным и великим человеком» и обвинять самих себя в трусости и соглашательстве. Вот такова была харизма Катона, этой ходящей босиком совести и суровой морали Рима, что весь сенат единогласно принял постановление по его редакции.

Цезарь на этот раз проиграл. Сенат не пошел за ним. На этот раз не пошел, но у него было все еще впереди, несмотря на то что в его возрасте Александра Македонского уже не было в живых.

Как не стало в живых Катилины, павшего славной смертью воина на поле брани. У него вместе со сторонником Манлием было всего два неполных легиона, да и те почти все разбежались, когда стало известно о казни заговорщиков в Риме. Остатки его войска были легко разбиты правительственной армией.

«Лицо его, – пишет Саллюстий, – сохранило то же выражение неукротимой силы, какое оно имело при жизни».

ГЛАВА III

ВЫШЕ ПОДОЗРЕНИЙ

Выступление в защиту заговорщиков едва не стоило Цезарю жизни. Едва он вышел из храма Согласия, где происходило заседание, на него набросились с мечами вооруженные охранники Цицерона, однако на его защиту встал его приятель Курион, да и консул дал знать своей охране, чтобы Цезаря не трогали.

Любопытно, что Цицерон не упоминает об этом случае в мемуарах о своем консульстве. Он непомерно хвастался своими действиями во время заговора Катилины и называл себя спасителем отечества. Ему и вправду было дано ликующим народом почетное звание «Отца отечества». Он так высоко ставил себе в заслугу победу над заговорщиками, что даже сравнивал свои героические деяния в Риме с победами полководцев, того же Помпея, говоря: «... заслуга завоевания новых провинций, куда мы можем выезжать, не может оказаться выше забот о том, чтобы у отсутствующих после их побед было куда возвращаться». Вот так.

На очередном же заседании сената над головой Цезаря разразилась настоящая гроза. Против него было выдвинуто обвинение в связях с Катилиной и пособничестве заговору. Если бы вина Цезаря была доказана, он вполне мог бы разделить судьбу казненных катилинарцев. Некий Луций Веттий сообщал в доносе, что у него есть собственно-

ручное письмо Цезаря к Катилине, а другой доносчик Квинт Курий утверждал, что ему сам Катилина говорил о причастности Цезаря к заговору. Цезарь привлек в свидетели своей непричастности Цицерона, который хоть и неохотно, но подтвердил, что Цезарь сам ему сообщил некоторые подробности о заговоре, так что он не был среди них, иначе не стал бы засвечивать своих якобы сообщников. Если это действительно так, если Цезарь сообщал консулу Цицерону о подготовке переворота, то, стало быть, в определенный момент осознал, что ничего с Катилиной не получится и решил себя обезопасить, – он всегда вел двойную игру и просчитывал, что из этого получится; вероятней всего, так оно и было.

Основной обвинитель Луций Веттий был брошен в тюрьму, так что гроза обошла нашего героя стороной и он вновь оказался «выше подозрений». Хотя тот факт, что и обвинитель, а также следователь, который принял от него жалобу, а он не имел права принимать донос на более старшего по должности, то есть претора Цезаря, оказались в тюрьме, бросает на нашего героя довольно неприглядную тень. Наверняка несчастные пострадали не без «содействия» заинтересованного в этом претора, возглавлявшего по должности высшую судебную власть. Так что в этом эпизоде он выступает в обличии очень грязного политика.

Когда Цезарь в конце жизни сломал республике хребет и стал единодержавным правителем, друзья Цицерона пенили ему в кулуарах, что в том достопамятном году, когда он был консулом, он вполне мог бы обвинить Цезаря в заговоре Катилины, и тем самым избавить страну от тирана задолго до мартовских ид сорок четвертого года. И вправду, а почему Цицерон «прикрыл» Цезаря? Основной причиной, скорее всего, были долги. Цицерон любил жить на широкую ногу, покупал усадьбу за усадьбой, коллекционировал произведения искусства, был страстным букинистом, поэтому всегда нуждался в деньгах. Сибарит в нем тогда победил демократа.

А в сенате в тот памятный день гвалт стоял невообразимый. Многие хотели бы видеть обвиненным популярного в народе и набиравшего силу и влияние Цезаря. Вокруг курии собралась огромная толпа с требованием отпустить Цезаря. Обстановка в сенате и вокруг него стала так накаляться, что жаждущие крови Цезаря Катон и другие его противники вынуждены были отступить и удовлетвориться обеляющими претора показаниями Цицерона. Более того, Катон, осознавший серьезную угрозу со стороны готового взбунтоваться народа, вынужден был выдвинуть предложение о раздаче бесплатного хлеба неимущим, тем самым он снимал напряжение и нивелировал популистские поползновения Цезаря, становящегося любимчиком толпы. При всем своем твердолобом консерватизме и упрямстве, Катон не лишен был политической изворотливости и смекалки.

Противостояние между этими выдающимися личностями Древнего Рима было непримиримым до самой смерти Катона, и в связи с этим здесь уместно поместить длинную цитату из Саллюстия:

«Итак, их происхождение, возраст и красноречие были почти равны; величие духа у них, как и слава, были одинаковы, но у каждого – по-своему. Цезаря за его благодеяния и щедрость считали великим, за безупречную жизнь – Катона. Первый прославился мягкосердечием и милосердием, второму придавала достоинства его строгость. Цезарь достиг славы, одаривая, помогая, прощая, Катон – не надея ничем. Один был прибежищем для несчастных, другой – погибелью для дурных. Первого восхваляли за снисходительность, второго – за его твердость. Наконец, Цезарь поставил себе за правило трудиться, быть бдительным; заботясь о делах друзей, он пренебрегал собственными, не отказывал ни в чем, что только стоило им подарить; для себя самого желал высшего командования, новой войны, в которой его доблесть могла бы заблистать. Катона же отличали умеренность, чувство долга, но больше всего суровость. Он соперничал не в богатстве с богатым и не во вла-

сти с властолюбцем, но со стойким в мужестве, со скромным в совестливости, с бескорыстным в воздержанности. Быть честным, а не казаться им предпочитал он. Таким образом, чем меньше искал он славы, тем больше следовала она за ним».

О внешнем облике Цезаря мы уже говорили в первой главе, давайте теперь бросим беглый взгляд на репродукцию бронзового бюста Катона, найденного во время Второй мировой войны в Марокко. Вероятно, работа выполнена незадолго до его смерти в африканском городе Утике в сорок шестом году; сам факт находки этого великолепно-го скульптурного портрета в африканском государстве свидетельствует об этом.

Перед нами пятидесятилетний человек с короткой по тогдашней моде прической, слегка скрывающей широкий, но невысокий лоб. Энергичный подбородок и волевой рот говорят о стойком и непреклонном характере, но чуть сдвинутые брови, открывающие у переносья надбровные бугорки и морщины на лбу, дают портрету общее выражение трагического мироощущения. В глазных впадинах словно таится горечь от сознания непоправимости несовершенств этого мира и утраты веры от невзгод и грядущей неопределенности судьбы.

В год достославного консульства Цицерона, когда был подавлен заговор Катилины, Цезарь был избран великим понтификом. На эту высокую должность главного жреца государства претендовали люди гораздо более известные и влиятельные, нежели в ту пору Цезарь. Казалось бы, ему едва ли удастся одолеть своих соперников, однако он победил, причем для этого ему пришлось залезть в огромные долги. В день выборов, уходя из дома, он сказал своей матери: «Или я вернусь понтификом или совсем не вернусь».

А на следующий, шестьдесят второй год он, мы уже знаем, получил претуру и, как пишет Плутарх, «этот год прошел спокойно, и лишь в собственном доме Цезаря произошел неприятный случай».

Сейчас мы о нем и расскажем. Вторая жена Цезаря Помпея, похоже, не считала супружескую верность одной из своих добродетелей. Ее любовником был некто Клодий, молодой человек из старинной и знатной семьи, один из когорты так называемой «золотой молодежи», почитавшей распутство и пьянство за первые свои доблести.

У древних римлянок существовал свой женский день, который назывался праздником Доброй Богини (*Bona Dea*). Никого из мужчин на эти таинства не допускали, а скрытность женщин всех времен вызывает постоянное удивление, поэтому об этом празднике мало что известно. Плутарх пишет, что «женщины, участвующие в ее (Доброй Богини) празднике, покрывают шатер виноградными лозами, и у ног богини помещается, в соответствии с мифом, священная змея». Все это происходило ночью и сопровождалось музыкой, пением и танцами, – в сущности это все, что нам известно об этом обряде, кроме того, что он отмечался дважды в году. В мае религиозное действо проходило в храме Фавны, а в декабре женщины собирались в доме одного из высших магистратов, консула или претора. При этом, разумеется, все мужчины из дома уходили, и что там происходило – об этом знали только древние римлянки.

В тот год праздник проходил в доме претора Цезаря. Любопытный Клодий решил переодеться в женское платье и проникнуть туда. Была ли в курсе Помпея? Трудно сказать. По нашему разумению, вряд ли женщина смогла бы пригласить мужчину на девичник с какими бы то ни было целями. Хотя, если верить Плутарху, Клодия провела в дом служанка Помпея и оставила его в вестибюле, а сама пошла искать госпожу. Однако нетерпеливому Клодию надоело ждать (ах, женщина бы так никогда не поступила) и он идет искать свою любовницу сам. На него натывается другая служанка, но уже Аврелии, матери Цезаря, которая на правах старшей хозяйки и распоряжалась праздником. Увидев незнакомую женщину, служанка начинает ее спрашивать, при этом, несмотря на сопротивление Клодия,

ведет его поближе к свету, имея две цели: выяснить кто же эта незнакомка и привести ее к хозяйке. Клодию не удается изменить тембр своего голоса, и рабыня догадывается, что перед ней не женщина. Она поднимает крик, что в доме мужчина, начинается легкая паника. Аврелия прекращает таинства и идет вместе с другими на поиски святотатца, который и был найден в комнате служанки Помпеи Абры.

Клодий был с позором изгнан, а на следующий день весь Рим знал, что в доме Цезаря обнаружился переодетый женщиной любовник его жены. Если при этом иметь в виду, что наш герой являлся великим понтификом, то есть в его обязанности входило строгое наблюдение за правильным соблюдением обрядов, то такой факт оказался для него, прямо скажем, со всех сторон невыигрышным.

Закоренелый сплетник Цицерон с явным удовольствием стал раздувать это дело, тем более к этому его подзуживала и его жена Теренция, ревновавшая своего мужа к одной из сестер Клодия. Другая сестра святотатца была замужем за Лукуллом, и он обвинял ее в кровосмесительной связи со своим братом Клодием. Это происшествие в доме претора в ночь женского праздника наделало в столице много шума, да иначе и быть не могло, раз дело касалось сокровенных женских тайн да еще в священном культе. Скандал оказался настолько громким, что сенат вынужден был запросить коллегия понтификов, действительно ли поступок Клодия надо рассматривать как святотатство. Жрецы ответили утвердительно, и таким образом Клодий оказался под судом.

Во время разбирательства Клодий заявил, что его вообще в тот день не было в городе, но Цицерон опроверг его алиби, сказав, что именно в этот день Клодий заходил к нему, к тому же он обвинял подсудимого и в подкупе судей. Этим он нажил себе в дальнейшем непримиримого врага. Мать Цезаря и его сестра также подтвердили факт вероломного вторжения святотатца в дом претора в ту памятную ночь.

Но дело в суде рассыпалось, когда в качестве свидетеля туда был приглашен Цезарь. Он заявил, что ему решительно ничего не известно, что произошло в его доме во время обрядовых таинств в честь Доброй Богини, поэтому, дорогие судьи, это, скорее всего, досужие сплетни.

Ну а коли так, – спросили его судьи, – зачем же ты развелся с женой, если не знаешь, виновата она или нет?

А потому, – ответил он, – что жена Цезаря должна быть выше подозрений.

Слова эти дожили до наших дней. В эту крылатую фразу вкладывают различные иносказательные смыслы. Цезарь же давал понять современникам, что супруга не должна мараить мужской чести и достоинства даже слухами и сплетнями и не давать к ним повода, это и так понятно, а еще – и это, пожалуй, самое важное – ничто не должно хоть как-то затмевать ореол его божественного величия.

Стоит ли говорить, что оправданный Клодий был безмерно благодарен Цезарю и стал его доверенным и преданным человеком. Это тоже было просчитанным ходом Гая Юлия. Клодий был ему нужен как замена Катилине в дальнейших политических играх, и он, как увидим ниже, успешно справлялся с возлагаемыми на него задачами. Клодий, надо сказать, своими дерзкими поступками, неуравновешенностью, склонностью к авантюрам был схож с Катилиной.

После претуры Цезарю досталась по жребию в управление Дальняя Испания. Провинция была ему хорошо знакома, здесь он служил, как помним, еще в должности квестора. По дороге к месту службы пропретор (так называли отслуживших годичный положенный срок преторов, получавших также на год наместничество) остановился со своей свитой на отдых в одном захолустном заальпийском городишке. Его спутники стали задавать друг другу шуточные вопросы на тему: неужели и здесь идет грызня за власть и влияние и тут есть люди, которые любой ценой хотят стать первыми. Цезарь на это серьезно ответил:

«Что касается меня, то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

Вот так. Программа стать первым была закодирована в нем, похоже, с детства, и он неукоснительно и постоянно к этому шел, но шел, по его мнению, слишком медленно, — ведь Александр Македонский в его годы...

Теперь, правда, перспектива стать первым человеком в государстве у него просматривалась. После претуры он имел право баллотироваться в консулы, и, возможно, вскоре он им и станет. Но ведь консулат, этот высший в Риме магистрат, состоял из двух человек и они сменялись каждый год. Цезарю хоть и страстно хотелось стать консулом, но в то же время его терзало и то, что он будет одним из двух, да и всего лишь на один год, а затем вновь станет управлять какой-нибудь провинцией, а не всем римским государством. Его непомерное честолюбие чрезвычайно от этого страдало, ему хотелось быть первым всегда. Современники прозорливо замечали в нем эти далекоидущие поползновения, и тот же Цицерон видел в нем второго Суллу, при этом не без иронии писал:

«Но когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя».

Давайте теперь посмотрим, как было устроено римское государство. Шагнем немного вглубь веков. Поначалу Рим был монархией. Государством правил царь. Он избирался и его власть была пожизненной, но не наследственной. В качестве совещательного органа при царе был совет старейшин или сенат, а для решения наиболее важных вопросов государства созывалось народное собрание. Царь имел право принимать решения о войне и мире, издавать законы, был также главой судопроизводства и первосвященником, то есть возглавлял и духовную власть. Он одевался в пурпурную тогу и высокие красные башмаки. Другими сим-

волами его власти были трон и переносное, отделанное слоновой костью складное, так называемое курульное кресло, а также скипетр с орлом, изготовленный из слоновой же кости. Он разъезжал по Городу на колеснице в сопровождении двенадцати ликторов, в руках которых, как известно, находился пучок розог и топорик, что означало право на жизнь и смерть каждого подданного. Это было сохранено и в республиканском Риме – консулов также сопровождали ликторы. Царь назначал не только военных и гражданских должностных лиц, но и сенаторов, их число во время царей было сто, и сенат состоял исключительно из патрициев, то есть представителей знатных и родовитых семей. Они-то и избирали царя, а после его смерти избирался исполняющий обязанности главы государства, называемый интеррексом. Некоторые историки дают в своих текстах рабский перевод этого слова – «междуцарь». Его полномочия длились всего пять дней, в которые сенат избирал нового владыку Рима.

Как при царях, так и во времена республики народ римский был разделен по сословному признаку. Высшим сословием были патриции, являвшиеся классом управленцев, все должности замещались именно благородными аристократами. Им принадлежала не только власть в государстве, но и собственность – общинная земля находилась в их владении.

Другим классом были плебеи. Это земледельцы, скотоводы, ремесленники и торговцы, обеспечивающие своим трудом жизнедеятельность государства. Они были свободными гражданами, но не могли состоять в родстве с патрициями, не имели права занимать управленческие должности. Они облагались, как всегда и везде в любых государствах, налогами и податями, обеспечивая патрициев всем необходимым в военное и мирное время.

Кроме этого, еще был класс клиентов, то есть людей, находившихся в непосредственном контакте с той или иной патрицианской семьей. Они были как бы под опекой главы

семейства, обеспечивали его семью материально, а тот обязан был их защищать в правовом смысле, то есть в суде или перед магистратами.

Последним и лишенным гражданских прав было сословие рабов, бывших одушевленной собственностью того, кто ими владел. Господин мог отпустить раба на свободу, и тогда он назывался либертином или вольноотпущенником, который в правовом смысле занимал промежуточное положение между рабами и клиентами.

Территориально Рим был поделен царем Сервием Туллием на трибы, то есть округа. Поначалу их было всего четыре, и в каждую трибу приписывались все граждане, имевшие в конкретном округе земельную собственность, независимо от сословной принадлежности.

По имущественному признаку римские граждане также делились на пять классов с тем, чтобы общественные повинности, а это в первую очередь касалось военной, были распределены более или менее справедливо.

Надо упомянуть и о комициях, то есть народных собраниях, решения которых утверждал сенат. Мы не будем сейчас вдаваться в подробности эволюции государственного устройства послецарской ранней республики, а перейдем к интересующему нас периоду второго – первого веков до Рождества Христова, а тогда комиций насчитывалось уже три вида. Куриатные, то есть патрицианские, утратили свое значение уже во времена ранней республики и существовали формально – им было дано право лишь на церемонию вручения знаков высшей власти консулам. Центуриатные комиции избирались по имущественному признаку и именно они решали вопросы о войне и мире и избирали магистратов. Третьими были трибутные комиции, то есть по территориальному признаку. Понятно, что они и были самыми демократичными, потому что включали в себя граждан разных сословий и имущественных классов. Правда, созывались комиции лишь высшими магистратами и решались там в основном законодательные вопросы.

Самым влиятельным по-прежнему оставался сенат. По сути, это и была верховная власть, – утверждал в должности высших магистратов именно сенат, он же решал все вопросы внутренней и внешней политики, распоряжался казной, землями, давал те или иные полномочия отдельным лицам, особенно это касалось полководцев, решал религиозные вопросы и так далее.

Исполнительная власть состояла из чиновников, полатыни – магистратов. Самыми главными, мы уже знаем, были консулы, за ними шли преторы, цензоры и народные трибуны. В отличие от консулов, цензор избирался не на год, а на пять лет с целью всеобщей переписи; он же следил за нравственностью высшего сословия. Он мог исключить из состава сената того или иного патриция за недостойное поведение или за доказанное в суде преступление. Народные же трибуны защищали интересы плебса. Эта должность появилась еще в пятом веке до Рождества Христова, когда возмущенные притеснениями и долговой кабалой плебеи удалились из Рима на Священную гору в знак протеста. В результате переговоров плебеям стало дозволено избирать своих должностных лиц, облеченных неприкосновенностью. К периоду поздней республики их число достигло десяти и они обладали довольно широкими полномочиями. Они имели не только голос в сенате, но и право вето. Их власть распространялась только на сам Город и его окрестности на расстоянии одной римской мили. Их дом был постоянно открыт для жалобщиков в любое время суток.

В случае угрозы государству сенат назначал на небольшой срок диктатора с чрезвычайными полномочиями. Помощник его назывался начальником конницы.

Вот примерно таким было государственное устройство Рима. Задумаемся теперь вместе с Гаем Юлием Цезарем, почему его отечество на протяжении многих веков занимало ведущее положение в мире, почему Рим являлся практически единоличным лидером в древности, как сейчас, к примеру, Соединенные Штаты Америки? Было ли тому при-

чиной его государственное устройство? Ответ на этот вопрос можно отчасти получить, читая Полибия, «Всеобщая история» которого была уже к тому времени написана.

Грек Полибий жил в Риме, и мог изнутри наблюдать и оценивать структуру и механизмы его государственного устройства. И он пришел к выводу, что своими завоеваниями и расцветом Рим обязан своему государственному строю. Избранная римлянами смешанная форма правления, по мнению Полибия, является наилучшей. Консулы олицетворяют как бы власть царей, то есть в консулате есть монархический элемент, сенат же является властью лучших и достойных аристократов и олицетворяет цвет нации, а народные собрания – это элемент демократический. Баланс этих трех ветвей власти и является гарантом устойчивости такого государственного строя.

Надо сказать, Полибий был сторонником идеи циклических форм развития цивилизаций. Он полагал, что как и человек, частица государства, так и оно само проходит в своем развитии те же стадии, что и биологическое существо – рождения, детства, юности, зрелости, старости, ну и финала, конечно. Историк писал, что и формы правления также подвержены этим же метаморфозам в любом сообществе. Однако это, разумеется, не совсем так. Монархический способ управления очень живуч и востребован обществом во все исторически обозримые времена, в то время как демократии менее долговечны и в мировой истории находятся в дефиците, являясь зачастую вуалью, иносказанием монархии.

Кстати, идею «вечного возвращения» Ницше, занимавшийся античной филологией, вероятно позаимствовал у Полибия, а немецкий философ Шпенглер в своем знаменитом труде «Закат Европы» не только использовал, но и развил теорию древнего грека. Человеку, впервые ознакомившемуся с ней, скажем, у Шпенглера, это кажется откровением. Поэтому, дорогие читатели, не верьте слепо современным мыслителям и историкам, обращайтесь к первоисточникам.

Неизвестно, читал ли Цезарь Полибия, но, несомненно, задумывался обо всем этом, и так как он жил в кризисное для республики время, у него закрадывалось сомнение в идеальности государственного устройства его родины, причем питательной средой для этих мыслей служило не только его чрезмерное честолюбие, но и реальная политическая ситуация, сложившаяся в первом веке до новой эры. Мы уже рассказывали о практике подкупа избирателей, фиктивной власти консулов, когда военная сила в руках таких людей, как Марий и Сулла, давала возможность творить чудовищный произвол.

Цезарь еще в юности испытал на себе суровое дыхание сулланского режима, когда его собственная жизнь и безопасность ничем не были гарантированы, хотя формально он жил в цивилизованном государстве.

В романе Александра Петрякова «Римляне», оппозиционер Тразей Пет во времена Нерона доказывает своему оппоненту Сенеке, воспитателю и наставнику императора, что Сулла не стремился к единоличной власти и был по убеждениям республиканцем. Диктатура была ему нужна, чтобы искоренить марианский дух, а когда он восстановил порядок, то добровольно отказался от власти и уехал выращивать капусту.

Автор склонен к нейтралитету в этом споре. Тот и другой были тиранами в самом прямом смысле. То, что один из них, Марий, принадлежал к демократическому крылу римского общества, а Сулла был убежденным сторонником и защитником интересов аристократии, в данном случае значения не имеет. Независимо от своей социальной окраски все тираны стремятся к единоличной власти и ради установления режима диктатуры не гнушаются проливать озера крови своих современников. Причем каждому и всегда кажется, что он поступает так из гуманистических побуждений сохранения или наведения порядка в государстве и ради благополучия народа, некоторые представители которого заблуждаются насчет соперников и врагов диктато-

ра, считая их, так сказать, меньшим злом. И за эти свои грешные мысли и поступки они и платят своими головами.

Не знаю, прав ли был Черчилль, утверждавший, что демократия хоть и далека от совершенства, но лучшего пока не придумано. Демократические режимы не менее кровавы. Вспомним Французскую революцию или нашу Октябрьскую. Да вот и свежий примерчик: двенадцать лет назад демократ Ельцин расстрелял из танков менее демократичный, по его мнению, парламент. Хорошо хоть эта грызня за власть не переросла в гражданскую войну.

В древности было то же самое. Простые римляне вовсе не хотели проливать свою кровь в междоусобицах, им была более понятна и желанна политика завоевания новых провинций, что и было исконным римским ремеслом), вследствие чего повышалось качество их жизни. Цезарь, надо отдать ему должное, не был склонен к гражданской войне и искренне желал счастья и процветания своему народу, но – под своим личным руководством. Так думает каждый диктатор, и, по глубочайшему убеждению автора, природа власти, ее, так сказать, яйцеклетка – это честолюбие, страстное, непреодолимое желание быть наверху, и из этого политического соревнования и рождаются монархии, войны и революции.

Итак, наш герой готов был быть первым в деревне, чем вторым в городе, и он произнес это на пути в Дальнюю Испанию, где следовало проявить себя не хуже Помпея на Востоке, чтобы заслужить триумф, а для этого, по римским законам, полководцу надо было оставить на поле брани не менее пяти тысяч вражеских трупов. Поэтому даже если в той или иной провинции было тихо и спокойно и некого было умиротворять, некоторые наместники искусственно создавали ситуации непокорности местного населения ради пышного праздничного шествия по столице и почетного звания триумфатора.

Трудно сказать, какой была ситуация в этом смысле к моменту прибытия туда Цезаря. Возможно, там было и спо-

койно. Но у него были такие огромные долги, что его даже не хотели выпускать из Рима его заимодавцы. Выручил Красс – дал займы восемьсот тридцать талантов.

Так что у пропретора выбора не было, к тому же там оставались еще не покоренные племена, так что было чем заняться. По прибытии в Испанию он с тридцатью когортами войска выступил, как пишет Плутарх, «против калайков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племен, ранее неподвластных римлянам».

В делах гражданских Цезарь в первую очередь уладил споры между должниками и кредиторами. Он обязал должников выплачивать треть долга себе, а остальное – кредитору. Таким образом всесильный римлянин быстро выколотил в свой карман то, что ему причиталось по праву победителя. Не остались в накладе его офицеры и солдаты, провозгласившие его императором. Поясним, что звание императора имело тогда иной смысл и содержание, нежели в эпоху Империи, – его давали солдаты своему полководцу за триумфальные победы, оно было временным и не несло в себе смысла верховной власти. Таковым его сделал Цезарь в конце своей жизни и оно позже стало титулом как европейских, так и азиатских монархов.

После годовичного наместничества в Испании, удачного во всех отношениях, Цезарь возвращался домой в хорошем настроении. Он предвкушал триумф и намеревался выставить свою кандидатуру на консульских выборах. Но он вернулся в такое время, когда выборы были на носу, а лицам, желавшим справить триумф, нельзя было появляться в столице раньше свершения этой праздничной церемонии. Те же, кто добивался консулата, обязаны были присутствовать в Риме.

Цезарю, понятное дело, хотелось того и другого – триумфа и консульской власти. Поэтому он просит у сената разрешения выставить свою кандидатуру заочно. А почему бы и нет? Пусть в практике выборов такого и не было,

но можно же пойти навстречу ему, Цезарю, победоносному полководцу и влиятельному человеку. Кроме того, такой прецедент будет полезен и в будущем, когда кому-либо из господ сенаторов, занятых военными делами вне Рима, захочется выставить свою кандидатуру на выборах.

Сенат, полагая, что такое, в общем-то консервативное, положение давно пора бы поменять, в принципе готов был уступить Цезарю. Но Катон был против. Как и всякий консерватор, он полагал, что нельзя вынимать из кладки римского законодательства хотя бы маленький камешек, — образуется трещинка, которая может затем привести к разрушению всего здания. Стоит только этому наглецу и интригану, думал он, уступить в одном, он потребует себе новых привилегий. Нет, нет и нет. Катон категорически против.

В римском сенате не было регламента. Каждый мог говорить сколько угодно. Этим и воспользовался Катон. Он говорил, говорил и говорил. Говорил до самого вечера для того, чтобы сенат не успел принять нужного Цезарю решения. Так что уже в сумерках Цезарю пришлось выбирать — консулат или триумф. И он решил пожертвовать триумфом.

Вот этого Цезарь уже никогда не простит Катону. Он будет ему мстить, иной раз при этом совершенно себя компрометируя, но страстное желание уничтожить Катона как личность было сильнее.

Но к этому мы еще вернемся. А теперь расскажем о консулате Цезаря. Он избирался вместе с Марком Кальпурнием Бибулом, ставленником оптиматов. У обоих были совершенно противоположные взгляды на все: как надо дальше обустраивать государство, какие законы и реформы и с какими целями проводить, где, зачем и какими силами вести войны и так далее. К тому же Бибул питал к Цезарю и личную ненависть с шестьдесят пятого года, когда оба они были эдилами, вместе строили базилики, чинили мостовые, давали гладиаторские бои и устраивали для толпы прочие развлечения, однако слава, популярность и народная любовь доставались одному лишь Цезарю.

Надо сказать, Цезарь едва ли самостоятельно решился бы на проведение своих реформ в жизнь, особенно земельной, если бы не чувствовал поддержки таких влиятельных в Риме людей, как Помпей и Красс. Он сумел помирить того и другого, открыв им глаза на те выгоды, какие получают все трое, если объединятся и будут вести политику государства совместно и в интересах каждого. Так родился так называемый первый триумвират, частное соглашение между тремя людьми, решившими, что в государстве без их ведома и соблюдения их интересов ничего не должно происходить.

В первую очередь триумвиры договорились вот о чем. Цезарь обязан был провести аграрный закон через сенат, а также добиться утверждения распоряжений Помпея на Востоке, чему сильно противился Лукулл. В интересах Красса по другому закону снижалась арендная плата для откупщиков, а это сулило новые и большие барыши. Аграрный же закон предусматривал раздачу земель в Кампании для ветеранов Помпея, а если бы их не хватило на всех, то землю предполагалось покупать за деньги, полученные в качестве податей с новых восточных провинций.

Разумеется, сенат встретил эти предложения в штыки и об их одобрении и проведении в жизнь не могло быть и речи. Тогда Цезарь перенес обсуждение законопроекта прямо в комиции. Второй консул Бибул старался всячески противодействовать коллеге – ссылался на неблагоприятные прогнозы понтификов и авгуров (а в такие дни нельзя было проводить заседания), прибегал и к другим уловкам; в этом ему помогали и некоторые народные трибуны из партии оптиматов, пользуясь своим правом вето. Но несмотря на активное противодействие, Цезарь упрямо ломил по своему. Его главный оппонент Катон, открывая секрет полишинеля, говорил о противозаконных действиях не только одного Цезаря, а всего триумвирата, этого, как выразился один из современников, ученый и писатель Варрон, «трехголового чудовища».

В день голосования на Форуме произошла форменная свалка. Сюда явились заинтересованные в этом ветераны Помпея с кинжалами под плащами, и это стало решающим аргументом. Катона они, как котенка, просто вышвырнули с Форума, а второй консул Бибул вынужден был спасаться бегством. Как это похоже на действия Бонапарта, когда он выкинул из зала заседаний депутатов, не захотевших утвердить его первым консулом Франции.

Чтобы аграрная реформа неукоснительно проводилась в жизнь, была создана специальная комиссия, которую и возглавили заинтересованные лица – Красс и Помпей.

Ну а второй консул Бибул в знак протеста против произвола заперся у себя дома и не появлялся в должности до конца годовичного срока. Шутники говорили, что этот год, пятьдесят девятый, был годом не Цезаря и Бибула, а Юлия и Цезаря. Дело в том, что летоисчисление тогда велось по консульствам – говорили, что те или иные события происходили в консульство того-то и того-то. Подобно тому, как мы теперь говорим, что это было при Сталине, а при Брежневеве жить стало легче, чем при Хрущеве и так далее.

Так вот, в консульство Цезаря был принят еще один важный закон – об ужесточении ответственности наместников за лихоимства в провинциях, для которых была установлена определенная сумма налогов и податей, и управленец обязан был строго отчитываться во всех денежных делах. Ранее проконсул или пропретор, получая на год какую-либо провинцию, старался за это время выжать из нее максимум, обрекая на нищую жизнь самих провинциалов, да и следующий наместник уже с трудом выколачивал для себя золотишко.

Эта ситуация с годовичным наместничеством триумvirат не устраивала. Они решили увеличить срок губернаторства до пяти лет, полагая, что наместники вынуждены будут развивать экономику в подвластных им регионах и добиваться стабильных доходов.

Надо ли говорить, что сенат бурно протестовал против этих нововведений Цезаря. И он, мастер интриг и махинаций, решил скомпрометировать оптиматов. Он нашел продажного доносчика (а им оказался все тот же Луций Веттий, в свое время обвинявший Цезаря в связях с Катилиной) и подговорил его объявить о подготовке покушения на Помпея, при этом тот должен был назвать имена заказчиков предполагаемого преступления. «Но, – как пишет Светоний, – одно или два из этих имен были названы напрасно и только возбудили подозрение в обмане; он разочаровался в успехе столь опрометчивого замысла и, как полагают, устранил доносчика ядом».

Вот еще один штрих к портрету нашего героя.

Конечно, Цезарь не без удовольствия подышал бы дымом погребального костра на похоронах Помпея, он прекрасно понимал, что этот самый влиятельный в Риме человек – союзник ему лишь на время, пока ему это выгодно. Поэтому он постарался поскорее осуществить спланированную, видимо, заранее матримониальную комбинацию. Помпей, возвращаясь с Востока, узнал, что его жена Муция изменила ему с Цезарем. При этом, говорят, он тяжело вздохнул и назвал обидчика Эгистом. Эгист, как известно, был любовником Клитемнестры, жены Агамемнона. Что имел в виду великий полководец, называя Цезаря Эгистом? Быть может, предчувствовал, что ему, как и Агамемнону, павшему от руки Эгиста, грозит опасность со стороны Цезаря? Наш любвеобильный герой соблазнил Муцию не без задней мысли. Ему нужен был развод Помпея, чтобы женить его на своей дочери Юлии. Это должно было послужить залогом долгосрочного союза. Даже если политические дела Помпея пойдут хорошо в отсутствие Цезаря (а ему предстояло после консулата наместничать), он не вдруг сможет отказаться от договоренностей, подкрепленных и родственными отношениями. У Цезаря в расчетах всегда был дальний прицел.

Помпей почему-то соглашается на предложение консула и в пятьдесят девятом году женится на его дочери. И все

же он ревниво и с большой долей зависти смотрел на энергичного, решительного, умного и удачливого Цезаря, чувствуя внутри себя, что этот «Эгист» станет ему кровным врагом, и подспудная нелюбовь, даже ненависть к Цезарю, чуткая и подозрительная, всегда жила в душе Помпея.

Стал рогоносцем и Красс. Цезарь спал с его женой Тертуллой тоже не бескорыстно. Широкой огласки эта связь не получила. В этом случае Цезарю было необходимо, чтобы Тертулла влияла на мужа в нужном направлении (чтобы он не скупился и был сговорчив), да и в психологическом плане он чувствовал определенное превосходство над Крассом.

Сам же Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, избранного консулом на следующий год. В этом тоже был свой расчет. Ему было нужно, чтобы его преемник в делах управления государством придерживался бы предложенной триумвирами программы.

Кальпурния, впрочем, останется Цезарю верной женой до конца его дней, она смотрела сквозь пальцы на его донжуанство и длительную связь с Клеопатрой, родившей ему к тому же сына Цезариона, но об этом позже.

Должен был сыграть свою роль по замыслам Цезаря и Клодий, виновник его скандального развода с Помпеей. Он не стал с ним ссориться из-за этого (дескать, все мы мужики одинаковы, все мы норовим залезть в чужую постель), увидев в нем очень удобное оружие в политических играх. Пользуясь своей консульской властью и влиянием, а также поддержкой Помпея и Красса, он провел Клодия в народные трибуны, имея в виду и еще одну цель: обезвредить своего политического противника Цицерона. Клодий ненавидел его за то, что тот после того памятного праздника Доброй Богини свидетельствовал против него в суде. Поэтому он стал преследовать Цицерона с обвинением, что тот без суда казнил катилинарцев. В конце концов он добился того, что известного оратора и философа, проконсула со званием «Отца отечества» изгнали-таки из Рима.

Другой серьезной проблемой был и Катон, непримиримый и ни в чем не собиравшийся отступать твердолобый консерватор, которого ничем очернить, а тем более обвинить не представлялось возможным. Никакая грязь к нему не приставала, он был кем-то вроде святого, ни один житель Города даже в голову не мог себе взять, что Катон хоть в чем погрешил против римских законов, обычаев предков или, боги свидетели, имел какие-либо корыстные помыслы.

Для Цезаря Катон был больше чем политический противник и преграда на пути к первому месту в государстве, он был его соперником и на пути к бессмертию, к божественности. Он был непогрешим и тем велик. Вспомним Плутарха: «Чем меньше он стремился к славе, тем более к ней приближался». В нем было то, чего не было ни у кого из тогдашних прожженных политиканов – чистота помыслов и искренняя вера во всемогущество закона и римской демократии. Можно сказать, Катон был оплотом республиканской морали, знаменем и верой в то, что справедливость в мире все-таки существует.

Цезарь пытался скомпрометировать Катона всеми способами. Он вступил в любовную связь с его сводной сестрой Сервилией, которой в ту пору было уже тридцать девять лет. Она была вдовой и матерью того самого Брута, который вместе с другими заговорщиками примет участие в ритуальном убийстве Цезаря в сенате, но об этом в последней главе. Несмотря на годы, Сервилия нравилась Цезарю, и он, домогаясь ее, подарил ей жемчужину стоимостью шесть миллионов сестерциев. Об этом сплетничал весь Рим, однако никто этому не удивлялся, – консул ни в чем не скупился и проматывал деньги легко, изумляя всех щедростью. За год своего консульства он истратил все, что добыл, наместничая в Испании.

Роман с Сервилией случился у него еще до свадьбы с восемнадцатилетней Кальпурнией, поэтому можно предположить, что он, быть может, раздумывал о браке с сестрой Катона. Но зная, что Катон на это наверняка не пойдет

и от этого не уймется, – ведь отверг же он matrimониальные предложения Помпея, а к нему он был более благосклонен, чем к Цезарю, – решил этого не делать.

Досужие античные биографы предполагают даже, что у Цезаря с Сервилией была связь еще в молодости; в год консулата он ее просто возобновил, и плодом того давнего романа является Брут. Они выводят это из предсмертных слов Цезаря. Увидев среди обступивших его убийц и Брута, он произнес: «И ты, дитя мое?» Стало быть, предполагают они, Брут вполне мог быть сыном Цезаря от Сервилии.

Такая версия, быть может, и не лишена оснований. Цезарь не порывал с Сервилией очень долго и состоял с ней в переписке. В связи с этим рассказом упущенный автором эпизод, когда Цезарь своим выступлением в сенате пытался вывести из-под удара катилинарцев. В тот момент ему принесли записку. Он ее внимательно прочел и продолжил свою речь. Катон, подозревавший Цезаря, как мы знаем – не без оснований, в связях с Катилиной, подумал, что записка от него или как-то с этим заговором связана. Поэтому потребовал, чтобы Цезарь зачитал полученную записку. Претор (он тогда был в этой должности) сказал, что это письмо личное и ему не хотелось бы его озвучивать. Но Катон настаивал. Цезарь с насмешливой улыбкой посмотрел на Катона и зачитал. Записка была от Сервилии. Пришлось великому моралисту выслушивать вместе со всем сенатом любовные излияния своей сестры. Впечатляющая, наверное, была сцена. Катон на этот раз не сдержался и оскорбил своего злейшего врага неприличными словами. Сервилия, как это публично выяснилось, была также равнодушна к знатному волоките.

Десять лет спустя, после консулата, уже во время гражданской войны, он сделал ей еще один подарок, но уже в скрытой форме. Он постарался, чтобы богатая усадьба ушла с аукциона к Сервилии за бесценок. Это дало повод Цицерону состричь: «Сервилия купила это поместье еще дешев-

ле, чем все думают: всего за одну Третью». Суть этого каламбура в том, что дочь Сервилии звали Терция, в переводе с латыни – Третья. Цицерон, быть может, и не без оснований, дал понять, что этот подарок предназначался уже не Сервилии, а ее дочери Терции, похожей, естественно на мать в молодости, и лысый вертопрах вполне мог за ней и приударить.

А о том, что он был записным бабником, мы уже говорили, об этом свидетельствуют все источники. Помимо вышеуказанных связей, у него были многочисленные мелкие интрижки. Известны его шашни с Постумией, дамой из очень знатной семьи, а также с Лолией и с другими. Тут не было точных политических прицелов, но Цезарь знал, что женщинам всегда нравятся героини-любовники и они всегда благотворно влияют на общественное мнение через своих мужей. О его романах с провинциальными красотками известно мало, зато о его страстной любви к Клеопатре написано так много, что нами также будет посвящена этому отдельная глава.

Но мы несколько отвлеклись. Так вот, Катон настолько раздражал Цезаря и он так страстно его ненавидел, что в иные моменты ему изменяла выдержка и разум уходил из-под контроля логики. Так было и на том заседании сената, когда ему должны были утвердить на пять лет провинцию Галлию. Конечно, Катон заявил, что это противоречит конституции, что по закону проконсулу назначается провинция только на год, взывал к господам сенаторам отстаивать вместе с ним законность, а не плясать под дудочку этого честолюбца и его марионеток Помпея и Красса. Регламента, повторим, древние не знали, поэтому Катон мог часами упражняться в красноречии.

Не понимал этот идеалист, что находится, по меткому выражению Цицерона, «не в государстве Платона, а среди подонков Ромула». В конце концов Цезаря взбесила эта бесконечная болтовня строптивного и совершенно неуправляемого Катона. Он подозвал ликторов и приказал им снять

Катона с трибуны. Как это снять? – не поняли они. Чего тут непонятного, – рассердился консул, – подойти, снять с трибуны и отвести в тюрьму.

Но едва ликторы подхватили Катона под руки и стали уводить, все сенаторы встали и двинулись за ним следом. За стенами курии к сенаторам присоединился и простой народ. В молчании и без ропота шли они следом за Катонем в сторону Мамертинской тюрьмы. Вот какова была власть этого человека.

Цезарь быстро сообразил, что перегнул палку, и тотчас же вдогонку послал трибуна, чтобы он приказал ликторам вести Катона не в тюрьму, а домой, – дескать, уважаемый сенатор Катон слишком переутомился от невоздержанно долгих речей и ему надобно отдохнуть.

Этот случай заставил нашего героя глубоко задуматься о том, что же нужно римскому народу, чего же он хочет: хлеба и зрелищ, как это всегда и считалось, и все политики угождали ему именно в этом, или, как это показывает сегодняшнее шествие за Катонем, людям все же не хватает справедливых и честных руководителей? Они хотят чувствовать себя в правовой безопасности? Но не только, мог с горечью констатировать наш герой, – им нужны Катоны, много Катонов, которые самоотверженно блюли бы законы и гарантировали эту самую правовую безопасность.

А вот этого Цезарь допустить никак не мог. Он обязан был победить Катона. Он обязан был любой ценой избавиться от него, но отнюдь не с помощью яда или кинжала, – он должен был быть уничтожен, будучи избитым в каком-либо неблагоприятном деле, чтобы он выглядел в глазах народа таким же, как и все прочие – взяточником, по крайней мере, или, на худой конец, взяточдателем. А ведь такой прецедент в биографии рафинированного Катона был: во время выборов консулов на пятьдесят девятый год, чтобы прошел вместе с Цезарем ставленник оптиматов Бибул, он не гнушался подкупа избирателей, были такие сведения. И что же? Народ даже ухом не повел, когда Цезарь заик-

нулся об этом. Кто? Катон? Разве? Что-то мы не слыхали об этом. Нам как-то не известен ни один человек, кто бы взял у Катона взятку.

Вот так-то. Народ обелял и без того чистого и неподкупного Катона. Что ж, думал Цезарь, не получилось запихнуть его в тюрьму, не получается изобличить его в чем-либо неблаговидном, тогда его надо просто под каким-нибудь предлогом убрать из Города, иначе они тут с Цицероном и ненадежным Помпеем, готовым в любую минуту отвернуться от тестя, смогут и власть перехватить, поставив тем самым общество на грань гражданской войны, чего Цезарь искренне не хотел. Он насмотрелся в юности ужасов сулланского проскрипционного режима и пришел к выводу, что власть надо брать не силой оружия, а интригами, силой матримониальных комбинаций и любовных отношений, победами над чужеземцами на полях сражений в далеких провинциях, а священная римская кровь не должна служить разменной монетой в борьбе за власть. Это было его искренним убеждением, и все же гражданской войны ему избежать не удалось.

И Катона по законопроекту Клодия услали на Кипр под предлогом именно его безупречной честности. Там были злоупотребления по финансовой части, да и местное население готово было взбунтоваться из-за притеснений римских чиновников. Дело в том, что Кипр достался Риму от египтян за долги. Вот Катону, что называется, и карты в руки – ведь он ради финансовых ревизий изучил бухгалтерию, когда еще был квестором. На свои деньги он выкупил тогда старые бухгалтерские документы со времен Суллы и вынудил доносчиков, получавших деньги казенных, внести их обратно в государственную казну. Вот и пускай теперь разберется на Кипре, пусть его там и видят в образе беспристрастного судьи, а тут в Риме без него как-то спокойнее.

Катон справился с возложенной на него задачей блестяще: войну предотвратил, собрал для государства значитель-

ную сумму и уладил все экономические споры. Однако на пути в Рим на корабле возник пожар и все финансовые документы сгорели. Этого было достаточно, чтобы Клодий выдвинул против Катона обвинение, что, дескать, он сам все сжег, чтобы скрыть те суммы, которыми якобы обогатился.

Но Клодия и слушать не стали. Катон в глазах римлян был вне всяких подозрений. И к тому же обвинял-то кто? Клодий! Совратитель, святотатец, лжец и мошенник Клодий! И с каких это пор порок обвиняет добродетель?

Клодий, надо сказать, был не такой уж мелкой и простой фигурой в политической тусовке того времени. Многие историки считают его просто верным агентом Цезаря, которого держали в Галлии постоянные войны. Он сам был, подобно Катилине, не чужд высших политических амбиций и с попустительства триумвиров завел себе нечто вроде гвардии из плебса. Клодий со своими молодцами просто терроризировал Рим. Его шальным выходкам поначалу удивлялись, а потом стали и бояться. Хуже всего было то, что после отъезда Цезаря в Галлию Клодий вообще распоясался. Быть может, он полагал себя тут полномочным заместителем проконсула Гая Юлия, коль скоро стал встречать даже и во внешнюю политику. Еще до своего трибуната он рвался послом в Армению, а когда Помпей, с триумфом вернувшийся с Востока, привез в качестве заложника молодого принца Тиграна, он устроил ему побег, чем сильно разгневал всемогущего Помпея. Он стал искать своего рода противовес против Клодия и нашел его в лице другого народного трибуна Милона, такого же разряда молодца.

Клодию удалось провести несколько очень важных законов. В первую очередь надо назвать более чем популистское постановление об отмене ежемесячной платы за хлеб, раздаваемый городскому плебсу; кроме того, были восстановлены запрещенные с шестьдесят четвертого года клубы бедноты, так называемые квартальные коллеги.

Ну а закон против должностных лиц, виновных в казни римских граждан без судебного разбирательства, был направлен прямо на Цицерона.

«Отец отечества» попытался было обратиться за помощью к Помпею и Пизону, тестю Цезаря, избранному консулом на пятьдесят восьмой год вместе с Габинием. Но все они отказали в поддержке несчастному Цицерону, и он в грязной одежде ходил по улицам Рима, всем жаловался на свою судьбу и искал сочувствия у знакомых, но все боялись хоть в какой-то степени поддержать великого оратора, в свое время казнившего катилинарцев.

Еще до своего отъезда в Галлию Цезарь предложил Цицерону место легата в своей войске. Похоже, Цезарь был не прочь убрать Цицерона более мягким путем, нежели изгнание по закону Клодия. Цицерон тогда отказался. Ему вовсе не хотелось менять комфорт и удобства римской жизни на суровые лагерные условия в далекой Галлии. Для триумвиров, надо сказать, он уже не был серьезным политическим оппонентом, был уже отыгранной фигурой, но тем не менее его многочисленные связи и демагогические способности внушали опасения, поэтому его удаление из Рима в любом случае было им на руку.

Цицерон вынужден был удалиться в изгнание. Его дом в Риме был сожжен, а на его месте Клодий намеревался воздвигнуть храм Согласия. Загородные виллы оратора были также разграблены.

Клодий торжествовал. После своих громких политических побед он возомнил себя истинным вождем народа и стал открыто выступать и против триумвиров – предложил даже кассировать законы Цезаря. Его популярность среди городской бедноты, облагодетельствованной бесплатными раздачами хлеба, сделала его действительно лидером большинства римского населения.

Для триумвиров, в первую очередь для Помпея, он стал представлять уже серьезную опасность, грозившую смутой.

ГЛАВА IV

КАТУЛЛ И КЛОДИЯ

Сестру Клодия также звали Клодией. Женщины во времена поздней республики носили лишь родовое имя по отцу, например, сестру Гая Юлия Цезаря звали так же, как и его дочь, – Юлией.

Вообще-то Клодий происходил из старинного рода Клавдиев, но для того чтобы избраться в народные трибуны, надо было перейти в плебейское сословие, что он и сделал путем усыновления, и таким образом аристократическая фамилия Клавдий трансформировалась в простонародную Клодий.

Клодия была женой Метелла Целера, консула шестидесятого года, предшественника Цезаря на этом посту. По части любовных походов у нее с братом было много общего. Цицерон называл ее «всеобщей подружкой», потому что за ней волочились очень многие, привлеченные ее красотой, образованностью и славой ветреной матроны, что было присуще не только ей одной. Вспомним хотя бы жену Цезаря Помпею, которая не оказалась на должной высоте по части подозрений. Впрочем, супружеская измена – дело обычное во все эпохи, но в разные времена к этому по-разному относились. И в этой связи здесь уместно будет рассказать об эволюции женской эмансипации в древнеримском обществе, неизбежным следствием чего стало и падение нравов.

Во времена Катона Старшего, скажем, женщины отличались суровой патриархальной нравственностью. И не мудрено: изменившая мужу жена могла поплатиться за это собственной жизнью. Девушки тогда получали то же образование, что и юноши. Их не учили пению, игре на музыкальных инструментах, стихосложению, утонченному этикету и тому подобному, что стало нормой в эпоху поздней республики. Таким образом, у женщин вырабатывался мужественный, энергичный, крепкий характер.

Древние греки вообще отказывали женщинам в равноправии. Платон, к примеру, писал, что общество, куда дурной кравчий влил слишком много свободы, отчего оно пьянеет и теряет рассудок, подобно бунтующему рабу или женщине, желающей быть равной своему супругу. А Перикл внушал афинянкам, что женщины должны стремиться к тому, чтобы о них не говорили ни плохого, ни хорошего.

Римлянки, быть может, вследствие своего излишне мужественного характера, всегда норовили оборвать эту узду. Во времена Катона Старшего они добивались чуть ли не бунтом права носить золотые кольца и украшения, пурпурные платья и кататься на колесницах. Катон Старший не без горечи говорил: «... во всем свете мужчины управляют женщинами, а мы, владея над всеми мужчинами, управляемы своими женами».

Ну а ко времени падения республики женщины уже активно вступали во все государственные дела и во многом определяли политические приоритеты. А если мы шагнем дальше и посмотрим на достижения эмансипации в эпоху Империи, то увидим, к примеру, что жена Августа Ливия была фактически соправительницей своего мужа, а уж Агриппина не только правила за своего мужа Клавдия и затем за сына Нерона на первом этапе, но и стремилась принимать императорские почести, за что в конце концов и поплатилась. Нерон оказался юношей с норовом и не стал терпеть властолюбия матери, отправив ее в мир иной с помощью кинжалов своих верных гвардейцев.

А в эпоху Антонинов жены императоров уже официально получали титул «мать сената и народа». Женщины стали настолько вмешиваться в мужские дела, что сенат вынужден был решать вопрос о том, следует ли заместителям брать своих жен в провинции, потому что именно они провоцировали взяточничество, казнокрадство и прочие лихоимства.

Эмансипации, надо сказать, в Древнем Риме более позднего периода было, пожалуй, даже больше, чем теперь. Император Гелиогабал, к примеру, составил так называемый «малый сенат» (*senaculum*), где заседали жены сенаторов и иных первых лиц государства. Они даже имели свой церемониал, ранги, знаковый этикет, отличавший одну даму от другой (у одной должен был быть выезд на лошадях, у другой на мулах, у кого-то носилки сверкали золотом, у кого-то серебром, а у третьей изукрашивались слоновой костью; у высших сановниц обувь украшалась бриллиантами и так далее). Появились также не только женщины-адвокаты, но даже и женщины-атлеты и гладиаторы!

Ну а уж что касается нравов... Сенека писал, что женщины дошли до того, «что имеют мужей только для возбуждения ревности в своих любовниках...»

Трудно сказать, была ли замужем Клодия с этими целями, во всяком случае этот влиятельный сановник из древнего рода Метеллов не оправдал ее надежд в этом смысле и слишком был сам ревнив и пристрастен, поэтому она, как поговаривали, его отравила. Так или иначе эта незаурядная женщина вошла в историю Рима не как его жена и отнюдь не из-за политической буффонады своего брата, а как возлюбленная поэта Валерия Катулла под именем Лесбии.

Теперь немного расскажем о великом латинском поэте. Отец его был богатым всадником в провинции, и у него в Риме был собственный дом. И он отправил в Рим сына для того, чтобы тот занялся чиновничьей карьерой, однако Валерий Катулл предпочел литературную и достаточно в этом

преуспел: еще при жизни он имел славу величайшего лирика, и его стихи имели поклонников и поклонниц среди самой высшей знати поздней республики.

По приезду в столицу Катулл оказывается среди группы «неотериков», как их обозначил Цицерон, литераторов, в основном поэтов, провозгласивших новые приоритеты в поэзии. До них, возродивших принципы так называемой александрийской поэзии, в Риме главенствовала литература полисной классики, пришедшей на латинскую почву из Греции, и в своих классических формах комедий, трагедий, образцов красноречия, философских и морализаторских текстах доминировала довольно долго.

Ярким примером и образцом может служить написанная гекзаметром поэма Лукреция Кара «О природе вещей», излагающая естественно-научную часть философской системы Эпикура. Поэт хочет, по собственному признанию, «представить это ученье тебе в сладкозвучных стихах пизрийских, как бы приправив его поэзии сладостным медом». Совершенно очевидно, что это произведение, созданное по канонам архаического художественного стихосложения, символизировало собой кризис жанра, и это хорошо видели современники Лукреция поэты-неотерики Валерий Катон (не путать с Марком Порцием Катонем, политическим противником Цезаря), Кальв, Цинна и великий Катулл.

Неотерики, то есть «новые поэты», выступили со своей литературной программой, построенной, впрочем, не на каких-то римских современных новациях, а опять же обратились вспять, к грекам – Каллимаху и более поздним представителям александрийской поэзии, расцвет которой приходился на третий век до Рождества Христова.

В чем же была в таком случае новизна для римского читателя, достаточно образованного, чтобы знать стихи Каллимаха и его последователей? Новое – это хорошо забытое старое, это мы все хорошо знаем, и вот это старое, обновленное и реставрированное, пахнущее свежим словом и чувством, и привнесли неотерики в литературу Рима, до

того серьезную и скучную, описательную и направленную в лучшем случае на демагогические нравственные ценности, которые давно набили оскомину.

При этом не надо забывать, что эпоха, в какую жили неотерики, была в буквальном смысле революционной, а всякие катаклизмы требуют своих героев от литературы, и если они не являются на призыв сами, подобно Владимиру Маяковскому, их извлекают из своих нор политики и принуждают петь дифирамбы новой власти. Ничего хорошего, как правило, из этого не получается, – смешно, например, смотреть на лозунги и плакаты во славу пролетариата в исполнении русских художников-декадентов.

Но тут был несколько иной случай. Реакцией на смену политических декораций и вместе с ними и общественно-го действия, известного как крушение республики, стал уход в себя, аполитизм и, как сейчас говорят, самокопание. Литературоведы, изучающие этот период римской литературы, чаще всего используют термин субъективизм. В отличие от бытовавшего в прежней литературе объективизма. Это весьма спорно и можно привести много примеров того и другого в более раннем периоде латинской литературы, но у нас иные задачи и иная тема. Поэтому скажем, что новые поэты были склонны к малым формам (элегии, наброски и тому подобное), их они оттачивали весьма изящно и напускали зачастую греческого таинственного тумана, в котором не знаток эллинистической литературы и мифологии ничего бы не рассмотрел. Эти стихи были обращены в первую очередь к людям просвещенным и утонченным. Неотерики ставили на первое место чувства и переживания человека, и талант Катулла нашел здесь весьма благоприятную почву.

И неистовая страсть поэта к Клодии послужила для его огромного таланта той питательной средой, которая и сотворила в конечном итоге великого лирического поэта. Мы заговорили тут о Катулле и его возлюбленной не только, разумеется, потому, что они жили в одно время с нашим

героем, но и в связи с их личными отношениями, носившими скорее второстепенный характер, как в жизни Цезаря, так и Катуллы.

Катулл в политику не лез, у него было отношение к ней обскурантское, поэтому Цезарю был малоинтересен и не опасен ни с какой стороны, однако поэт своими нападками на его окружение невольно бросал тень и на него – ошметки грязной брани попадали и на его белоснежную тогу, и ему это, конечно, не нравилось. Были и прямые выпады.

*«Чудно спелись два гнусных негодяя,
Кот Мамурра и с ним похабник Цезарь!
Что ж тут дивного? Те же грязь и пятна
На развратнике римском и формийском.
Оба мечены клеймами распутства,
Оба гнилы и оба полузнайки,
Ненасытны в грехах прелюбодейных,
Оба в тех же валяются постелях,
Друг у друга девчонок отбивают.
Чудно спелись два гнусных негодяя!»*

Тем не менее Цезарю, в большой степени человеку культуры, знатоку и собирателю произведений изобразительного искусства («Резные камни, чеканные сосуды, статуи, картины древней работы он всегда собирал с увлечением», – пишет Светоний), не чуждого литературы, было очевидно, что Катулл обладает очень большим поэтическим талантом, а Цезарь никогда не отталкивал от себя способных людей. Это была одна из его лучших черт. Он всегда старался приручить такого человека и, если получалось, уговаривал его работать на себя. Впрочем, Катулл для Цезаря был совершенно бесполезен – романтик, лирик, безобидный диссидент, кусающий сильных мира сего лишь потому, что подозревает их как соперников на любовном фронте. Так что Цезарь в конце концов с ним примирился и даже дал в его честь обед.

А для Катуллы ничего в мире не существовало, кроме Клодии, – он был так страстно в нее влюблен, что вообще потерял голову и тем самым доставлял ей массу хлопот. Была ли она действительно аморальной преступницей, какой ее описывает Цицерон, либо ангелом, какой ее видел Катулл, сказать трудно, но не подлежит сомнению, что была она женщиной ветреной, как и большинство прекрасной половины человечества, искусной в любви и ею владела непомерная страсть к деньгам, комфорту и развлечениям. Ее образ жизни был в Риме хорошо известен, и оскорбительные надписи в ее адрес появлялись, говорят, даже в нечистых общественных местах – туалетах и банях.

Страсть поэта к знаменитой римской куртизанке и дала миру шедевры любовной лирики. Давайте откроем томик стихов Катуллы и выберем хотя бы пару совершенных его творений, в тонких психологических нюансах передающих высокое чувство любви:

*«Смех рокочущий этих губ. А мне-то
Каково терпеть! Чуть, бывало, встречу
Лесбию – душа вон из тела. Слово
Вымолвить трудно.*

*Нем язык. Дрожжа бормочу. Под кожей
Тонким огоньком пробегает трепет,
И в ушах звенит и в глазах темнеет –
Света не вижу.»*

Или:

*«Спросишь, Лесбия, сколько поцелуев
Милых губ твоих страсть мою насытят?
Ты зыбучий сочти песок ливийский
В напоенной отравами Кирене,
Где оракул полуденный Аммона
И где Батта старинного могила.*

*В небе звезды сочти, что смотрят ночью
На людские потайные объятия.
Столько раз ненасытными губами
Поцелуй бесноватого Катулла,
Чтобы глаз не расчислил любопытный
И язык не расплетничал лукавый.»*

И нельзя конечно же не вспомнить его знаменитое краткое стихотворение:

*«И ненавижу ее и люблю. «Почему же?» – ты спросишь.
Сам не знаю, но так чувствую я – и томлюсь.»*

Ненавидеть свою возлюбленную поэту было за что. Она изменяла ему так часто, как ей хотелось, и Катулл насчитал в ее постели триста любовников (надо полагать, это гипербола). Некоторые из них невольно попадались на острый язычок поэта и он хлестал их словами без жалости. Мишенями злых эпиграмм становятся Мамурра, саперный офицер Цезаря, разжиревший на войнах в Галлии, и народный трибун Ватиний, автор законопроекта, по которому Цезарь получал на пять лет в управление провинцию Галлию, человек, ничего не делавший даром, как это отмечает тот же Цезарь. А молодого преуспевающего адвоката Целия Руфа, которому любвеобильная Клодия не отказала в своих ласках, до этого поэт считал «другом и братом», а теперь:

*«...словно грабитель подполз ты и сердце безжалостно
выжег,
отнял подругу мою, все, что я в жизни имел...»*

И он называет его «подлым предателем и вором», а ее, Лесбию, поддавшуюся соблазну, «чистейшей девушкой». Страдания и муки поэта безмерны, он готов ради любимой, что «женские все волшебства соединила в себе», на

любые жертвы, подвиги и безумства, а она просто издевалась над ним и помыкала, как рабом, лишь иногда даря редкие мгновения сладостных встреч, убаюкивая затем его страсть туманными обещаниями.

Как это знакомо каждому страдальцу от несчастной любви! В конце концов Катулл начинает понимать, что женские клятвы и заверения «надо записывать в воздухе или быстротекущей воде» и советует самому себе избавиться от наваждения.

Всему Риму, конечно, было известно об этой скандальной связи блудливой богатой патрицианки и провинциального поэта из Вероны, тем более он не скрывал своей страсти, а наоборот, оповещал о ней в стихах, – не только читал их своим друзьям, но ходили они и в списках. Цезарю, разумеется, также хорошо было все известно о безумствах модного стихотворца, однако как он к этому относился, сказать трудно, но, зная любвеобильную и широкую натуру Цезаря, можно предположить, что он не без интереса наблюдал за этой потешавшей столицу историей, но едва ли сочувствовал бедному поэту в его терзаниях. Для него женщины всегда были средством, а не целью, за исключением, быть может, Клеопатры.

А кем был для Клодии Катулл? Почему она не порывала с ним и даже после смерти своего мужа давала ему обещания выйти за него замуж? Как и большинство куртизанок, она была женщиной образованной, умной и утонченной, высоко ценившей поэтическое слово и иные изыски культуры, поэтому ничего удивительного, что в хороводе ее любовников появился и модный поэт. Но ее поразила глубина его чувства, на какое не был способен ни один из ее бесчисленных поклонников. Возможно, она хотела прозреть и очиститься в этом светлом источнике и стать Музой этого незаурядного человека, а масштаб его творческого дарования она хорошо видела, но...

Но она не смогла изменить своему образу жизни, ее страстная натура жаждала новых наслаждений в черед

бовных приключений, и Катулл был в этой погоне камнем преткновения, да и укором. А кроме того, она была все-таки дамой из высшего общества и, давая поэту легкомысленные обещания стать его женой, едва ли всерьез собиралась замуж за небогатого провинциала.

Так это все и продолжалось. Катулл впадал в тоску и друзья-неотерики пытались отвлечь его от пагубной страсти вечеринками и походами в театр, который был одной из составляющих того образа жизни, какой вели знатные молодые люди. Помимо обычного времяпрепровождения на бегах и кровавых зрелищах с гладиаторами и дикими зверями, а это было любимым развлечением всех римлян, обычно ходили и на театральные представления.

Каким был театр в то время? Что видели на подмостках римские театралы, каким был репертуар? Наиболее плодотворным драматургом описываемой эпохи был Акции, создавший более пятидесяти пьес, в основном это переложения греческих трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, и они были злободневны в то время, когда тирания наступала на республику, причем написанная на римском материале трагедия «Брут» была в ту пору актуальной и востребованной в политическом контексте.

Но серьезная драма с ее патетическим возвышенным стилем стала уступать место легковесным комедиям, вошедшим в историю театра под названием «ателланы» и «мима». Эти жанры были особенно любимы Суллой, и они прижились на римской сцене. Авторы этих грубоватых драматургических поделок населили сцену уже чисто римскими персонажами, причем из низших слоев общества. Это могли быть трактирщики, проститутки, неудавшиеся политики и прочие. Зритель видел здесь эротику, обжорство, уличные драки и тому подобные мизансцены; высмеивались в спектаклях и власть имущие, причем как их псевдообразованность и влечение к греческой утонченности, так и политическая близорукость.

О содержании этих пьесок можно судить и по их названиям: «Дочь, родившаяся после отца», «Падчерица», «Золотка» и тому подобные. Теперь это называется сериалами, а в прошлые века именовалось мелодрамой.

Первый каменный театр в столице выстроил Помпей в пятьдесят пятом году. Это событие было обставлено помпезно в национальных, если можно так сказать, традициях: с травлей диких зверей, причем на арену было выпущено рекордное число львов – пятьсот, а также впервые были показаны сражения со слонами, что римляне видели впервые, и это им очень понравилось.

«Золотая молодежь» и падкий до зрелищ бездельничавший плебс были, конечно, рады новинке, где можно было весело провести время, но блюстители строгих римских принципов жизни, такие как Катон, отнеслись к этому новшеству с осуждением. Все беды, уверяли они, от безделья и изнеженности, которые и ведут к утрате нравственных устоев. В старые добрые времена строгость и простота, исконные римские добродетели, были оплотом нравственности, а потому и порядка в государстве. Ведь взять тот же театр. Наши достойные предки, говорили сторонники римской патриархальности, смотрели представления стоя на разборных трибунах вокруг простенькой временной сцены, и не знали они этого разгула на стадионах, в цирках, тавернах, театрах и прочих сомнительных местах, где можно провести день-деньской в безделье и удовольствиях.

Что и говорить, в этом была своя правда. Суровость и простота действительно были залогом побед римского оружия в завоевательных войнах. А история Рима, это, по сути, хронология постоянного и неуклонного захвата новых территорий. Истины ради следует посмотреть и на историю любой другой европейской империи, да и нашей страны.

Завоевательная политика была на протяжении веков главным для правителей делом. Империя жила за счет завоеванных территорий, в какой бы форме ни шла экспансия.

Но вместе с победами римляне принесли в свой гигантский по тем временам мегаполис много чуждых обычаев и культов из Греции и особенно с Востока, где изнеженность, лень, склонность к безделью и удовольствиям являются своего рода нормой. А у нас в Риме, говорили моралисты, это усиленно насаждается и культивируется, что и ведет к упадку нравственности и дисциплины. Чуть не ежедневно теперь в столице происходят свары, склоки, целые побоища устраивают соперничающие шайки того или иного кандидата. Ни одни выборы не проходят честно, подкуп избирателей стал нормой и так далее.

Что касается шаек, то имелись в виду прежде всего Клодий и его соперник Милон, причем все знали, что оба они марионетки. Строптивный Клодий безобразничает, зная, что Цезарь ему все простит, как простил даже измену жены, а Милон был просто рожден самим Помпеем как оружие против зарвавшегося Клодия.

После того как Клодий организовал побег Тиграна, Помпей твердо решил положить конец его бесчинствам. Союзником в этом деле он решил сделать изгнанного Цицерона, поэтому начал кампанию по его возвращению. Этого хотела также и сенатская олигархия, поэтому за то, чтобы «Отец отечества» вернулся в столицу, проголосовали все сенаторы, кроме, разумеется, Клодия. В ответ на такое решение он устроил очередное побоище на Форуме с множеством убитых и раненых, при этом брат Цицерона Квинт лишь чудом избежал гибели.

Сенат поддержало и народное собрание, и Цицерон вернулся в Рим буквально триумфатором. Огромная толпа приветствовала его криками и проводила на Капитолий, где изгнанник возблагодарил богов за свое счастливое возвращение. Затем он выступил в сенате и народном собрании с благодарственными речами. При этом он не скупился и на похвалы самому себе, расценивая свое возвращение при ликовании всего народа даже выше, чем триумф победоносного полководца. Он говорил, что в его полуторугодо-

вое отсутствие в Риме царила анархия, все институты государства без него зачахли и так далее и даже, представляете, урожай не родился! Позже он писал:

«Чье отсутствие более остро чувствовала курия, кого оплакивал Форум, кого не хватало трибунам. С моим отъездом все стало вдруг заброшенным, диким, безмолвным, преисполнилось горя и печали».

Как видим, у великого оратора была завышенная самооценка, он не понимал, что в его отсутствие политическая ситуация слишком сильно изменилась, и он уже давно не является сколь-нибудь значимой фигурой по сравнению с триумвирами. Помимо Помпея и Красса, укрепивших свои позиции с помощью вооруженных отрядов и звонкой монеты, успешно воевавший в Галлии Цезарь призывал к себе на зимние квартиры в Северную Италию своих агентов влияния, где их тоже щедро одаривал, говоря словами Плутарха «овладевал и самими согражданами при помощи денег, захваченных у неприятеля. А Помпей ничего не замечал».

Этими подачками кормился и Клодий, ставший уже открыто выступать и против Помпея, когда тот попытался вступить за его врага Милона. Помпею к тому же не давали спокойно спать победы Цезаря в Галлии, поэтому он хотел было двинуться на завоевание Египта, но сенат ему этого не позволил. Приходилось воевать в Риме с наглым Клодием, обвинявшим Великого во всех смертных грехах, в том числе и за плохое снабжение Рима продовольствием, а Помпей был ответственным за это.

В столице тем временем не прекращались кровавые разборки, и Цицерон мог с горечью констатировать, что его мечты о мирном сосуществовании сословий и приоритете, как он выражался, «тоги над мечом», остаются, увы, лишь пустыми фантазиями.

И ему остается заниматься лишь адвокатурой. Одним из громких процессов, где Цицерон выступил в качестве защитника, было обвинение Целия Руфа, тоже, как мы помним, адвоката, в попытке отравления возлюбленной Ка-

тулла Клодии. Из речи Цицерона на этом процессе мы узнаем много пикантных подробностей о распутной жизни известной куртизанки не только в столице, но и на модных курортах, где она открыто предавалась грязным развлечениям и торговала собой. Походя доставалось тут и брату распутницы.

Но тот не оставался безответным и стал говорить о гневе богов на Цицерона, посмеявшегося возводить дом на месте, посвященном бессмертным. Напомним читателю, что на месте разрушенного дома знаменитого оратора на Палатине Клодий намеревался возвести храм Согласия, но по возвращении Цицерон получил компенсацию от государства за причиненный ему урон и стал восстанавливать свой дом на прежнем месте. Марк Туллий ответил в том смысле, что богохульнику Клодию лучше помолчать о гневе богов после того, как он их оскорбил в праздник Доброй Богини. Но у Клодия были аргументы и покруче словесных: он попытался с помощью своих молодцов вновь разрушить недостроенный дом Цицерона.

Лишь после этих оскорблений и столкновений Цицерон в какой-то степени отрезвел от оваций и осознал, что «трудно поверить, до чего вероломны главари». Ему теперь действительно приходилось выбирать, с кем идти – с Цезарем или Помпеем? И особенно остро эта проблема встала после смерти Красса в Парфии, где он погиб в сражении.

Об этом расскажем чуть подробнее. В пятьдесят шестом году, когда истекли пятилетние договоренности между триумвирами, они вновь собрались в городе Луке и договорились вот о чем. Консулами на будущий, пятьдесят пятый год, должны были стать Помпей и Красс, после чего они получали на пять лет управление провинциями: Сирией – Красс и Испанией – Помпей. А Цезарю на тот же срок продлевались полномочия в Галлии.

Помпей в Испанию не поехал, остался в столице, предоставив управление провинцией своим легатам, а Красс, ревнующий к славе Помпея и Цезаря на военном попри-

ще, не дождавшись конца своих консульских полномочий, отправился на Восток. Как оказалось, не за военной славой и богатой добычей, а на собственную погибель.

Взаимоотношения Рима и Парфии всегда были в основном дипломатическими – оба государства были достаточно сильны и независимы, и их противостояние на Востоке очень походило на недавнее между СССР и США. У парфян была прекрасная армия, в основном конница, и они не раз побеждали римлян. Поэтому и Сулла, если говорить о первом веке, и Помпей старались договариваться с парфиянами во время своих восточных кампаний, торгуясь теми или иными царствами или территориями. В пятьдесят четвертом году, когда Красс объявился на Востоке, у римлян было мало поводов обижаться на парфян и тем более навязывать им войну. Но Крассу, как уже сказано, страстно хотелось доказать своим коллегам по триумvirату, что он тоже не лыком шит.

Поначалу военная кампания складывалась для римлян неплохо: были одержаны первые победы и захвачено несколько крепостей в Месопотамии. Но со стороны парфян это было военной хитростью. Проигрывая в первых сражениях, они заманивали Красса, как азартного игрока, вглубь бескрайних пустынь своей страны.

Измотав по безводному зною пешее римское войско, они навязали Крассу генеральное сражение под городом Карр, где одетая в стальные доспехи конница врагов наголову разбила римлян. В сражении погиб и сын полководца. Сам он мог уйти через горные перевалы в Армению, но парфяне навязали ему якобы мирные переговоры, на которые Красс, чувствовавший возможный подвох, сразу не пошел, однако измученные солдаты принудили его к переговорам с полководцем парфян Суреной. Плутарх его описывает так: «Огромный ростом и самый красивый из всех; его женственная красота, казалось, не соответствовала молве о его мужестве – по обычаю мидян, он притирал лицо румянами и разделял волосы пробором».

Во время переговоров Красс был предательски убит. Его отрубленная голова была доставлена ко двору парфянского царя.

В этой бессмысленной и совершенно не нужной Риму войне погибло около сорока тысяч человек, тысячи попали в плен и оказались в рабстве. Кроме того, были утрачены территории, ранее завоеванные Помпеем. В Иудее вновь вспыхнуло восстание. Евреи не простили вторичного разграбления Иерусалимского храма. Поначалу это сделал Помпей, а затем по пути в Парфию и Красс.

И любопытная закономерность: оба они лишились своих голов в самом прямом смысле. Голова Красса каталась, как мяч, по пиршественному залу во дворце парфянского царя, а голову Помпея, желая угодить Цезарю, отрезали египтяне, и мы об этом еще расскажем. Вообще-то в те времена голова полководца была главным военным трофеем.

Бесславная гибель Красса в пустынях Месопотамии принесла Риму не только потери на Востоке, но и еще большую смуту в самом Городе. Триумvirата более не существовало, и борьба между собой Цезаря и Помпея становилась неизбежной. Причин к тому и поводов было множество, и одной из них стала смерть во время родов Юлии, жены Помпея и дочери Цезаря. Эта женщина обладала прекрасным характером и женским дипломатическим даром, позволявшим ей благотворно влиять на отца и мужа, не допуская сильного обострения их непростых отношений как соперников на политической арене.

Другой немаловажной и как бы отправной причиной открытого противостояния стали бесчинства и беспорядки в столице, грозившие перерасти в полную анархию. Клодий и Милон превратили Рим в арену вооруженной борьбы и почти парализовали выборы высших магистратов – они не могли состояться из-за всего этого в течение семи месяцев пятьдесят третьего года.

Клодий выдвигал свою кандидатуру в консулы, а Милон – в преторы. Оба вожака в угоду толпе провозглашали

более чем демократичные программы, агитируя за себя не только словом, но деньгами и оружием. В результате консульские выборы превратились в побоище, в котором пострадали и оба действующих консула.

Развязка наступила в начале пятьдесят второго года, когда соперники случайно встретились на Аппиевой дороге. Клодий ехал в Рим с небольшой, человек в тридцать, вооруженной свитой, а попавшийся навстречу Милон ехал в повозке с женой, в сопровождении внушительной охраны, превышающей Клодиеву десятикратно. Глубоко презиравшие друг друга вожаки разминулись было без перепалки, но один из сопровождающих Милона гладиаторов затеял-таки ссору с окружением Клодия. Когда тот подъехал узнать, из-за чего шум, ему нанесли удар то ли копьем, то ли мечом. Раненого Клодия отнесли в ближайшую таверну, куда явился Милон и приказал добить раненого соперника.

Тело Клодия при огромном стечении народа было выставлено на Форуме. Затем сторонники Клодия перенесли его в Гостилиеву курию, место заседания сената, где сложили погребальный костер из переломанных скамей и кресел. Вместе с Клодием в результате сгорела и курия.

Начались страшные беспорядки. Разнузданная чернь и рабы занялись беззастенчивым грабежом. В это время вернулся в Рим Милон и стал настаивать на проведении консульских выборов. При этом он роздал каждому избирателю по тысяче ассов и был уверен в своей победе. Но противная сторона не давала ему спуска. Сторонники убитого Клодия пытались даже поджечь дом Милона.

Словом, наступила полная анархия, и с этим надо было что-то делать. Нужна была крепкая рука, которая бы навела порядок. Сенат решил вручить всю власть Помпею. Он был назначен консулом без коллеги, то есть фактически диктатором. Против этого не протестовал даже Катон, почитавший, что лучше такая власть, чем безвластие.

С помощью солдат Помпей быстро разогнал разнузданную толпу и порядок в городе был восстановлен. После

этого начались процессы над виновниками беспорядков. Был привлечен к суду по настоянию Цезаря и один из главных смутьянов Милон. Защищать его вызвался Цицерон, наивно полагая, что раз Милон – человек Помпея, то диктатор заинтересован в оправдательном приговоре. Но он глубоко заблуждался. Цицерон дальновидностью не отличался и поэтому не понимал, что Милон был нужен Помпею лишь как противоядие против Клодия, человека Цезаря. А раз Клодий уничтожен, то и Милон в сложившихся обстоятельствах Помпею был совершенно не нужен, даже наоборот – свершая акт справедливого возмездия в отношении убийцы, он укреплял свои позиции, как беспристрастный руководитель.

Помпей даже взял на себя представительство в суде. И когда Цицерон явился на Форум, чтобы оправдывать своего подзащитного, он увидел войска и «Помпея, сидевшего на возвышении, словно посреди военного лагеря». Великий оратор до того перетрусил, что, как пишет Плутарх, «голос его прерывался, руки и ноги дрожали». Стоит ли говорить, что Милон был осужден на изгнание, а его имущество было распродано за долги.

Казалось, Помпей в этот период был недостижимым соперником для кого бы то ни было, в том числе и для Цезаря. Он обладал всей полнотой власти как консул без коллеги, проконсул Италии и главноуправляющий по снабжению Рима продовольствием. Обе последние синекуры он получил не без помощи Цицерона, так что не зря старался, вытаскивая оратора из ссылки. По лукскому соглашению имел он власть и над Испанией.

Стремясь еще более упрочить свое положение и укрепиться на будущее, Помпей добивается принятия законов о продлении своих полномочий в этой стратегически важной провинции на очередные пять лет, при этом власть Цезаря на тот же срок в Галлии не продлевалась. А по соглашению в Луке полномочия проконсула заканчивались первого марта сорок девятого года; и по тем же догово-

ренностям он становился консулом на сорок восьмой год. Таким образом, в течение десяти месяцев, с марта по конец декабря сорок девятого года, он становился частным лицом и мог быть привлечен к суду по любому поводу: за злоупотребления властью, ошибки, подкупы и упущения во время наместничества. Враги Цезаря уже предвкушали сладкую месть, когда он явится из Галлии весной сорок девятого года в качестве беззащитного соискателя консульской власти.

Подобная перспектива Цезаря никоим образом не устраивала, и он через доверенных лиц в столице пытается путем щедрых взяток и соблазнительных обещаний сенаторам и должностным лицам изменить ситуацию в свою пользу. Но большинство сената к Цезарю расположено не было. Все помнили его диктаторские замашки во время консулата, когда он добивался принятия своих законов, не считаясь с мнением сената, да и все вопросы решал единолично, отстранив практически от должности второго консула Бибула. Помпей был более приемлемой фигурой для господ сенаторов. Он хоть и обладал всей полнотой власти в период до гражданской войны, все же старался казаться «первым среди равных», не ссорился с аристократами и проводил выгодные для себя законы и постановления именно через сенат, который был ему нужен и как мощное оружие против Цезаря.

Наиболее сильные и радикальные политики Цицерон и Катон были удалены из Рима путем назначения наместниками в провинции. Первый получил Киликию, а другой – Сицилию. Цицерону, конечно же, очень не хотелось покидать столицу, и он медлил с отъездом, да и добирался до места службы непозволительно долго. Поначалу он объехал все свои восемь поместий в Италии, заехал в Афины, и лишь к концу лета пятьдесят первого года, а выехал он в конце зимы, прибыл в свою провинцию, где постарался показать, что не будет противоречить своим теоретическим установкам, сделанным им в труде «О государстве».

Его правление, к великому удивлению киликян, резко отличалось от методов его предшественников. Он снизил

налоги, отменил действие Юлиева закона, по которому наместника должны содержать за свой счет аборигены, а кроме того, удивил их тем, что «никого не наказал розгами, ни с кого не сорвал одежды, в гневе никогда не сквернословил, не унижал и с позором не наказывал» (цитата из Плутарха).

Словом, он оказался справедливым и мягким правителем, чем снискал себе любовь. Не обошлось, правда, и без войны, чего Цицерон побаивался. Но парфяне, собиравшиеся было напасть на Киликию, этого не сделали, а усмирение бунтующих горных племен он поручил своему брату Квинту, который служил до этого у Цезаря в Галлии, где и поднабрался военного опыта. За эту победу Цицерон был провозглашен императором и, таким образом, получил право на триумф.

Тем временем Помпей, которому стукнуло пятьдесят восемь лет, женился на молоденькой Корнелии, вдове сына Красса, погибшего в Месопотамии, дочери Метелла Сципиона. Она была образованной, прекрасно музицировала и была, как пишет Плутарх, «лишена несносного тщеславия». Помпей справил пышную свадьбу и, видимо, был счастлив с молодой женой, годившейся ему в дочери.

Народ по этому поводу брюзжал, что консулу в такое трудное время доверили единолично управлять государством, а он вздумал жениться и сибаритствует в банях; недовольны были и тем, что Помпей стал переделывать римскую конституцию под себя и выгораживать своих новых родичей. Дело в том, что его тесть Сципион оказался замешанным в чем-то неблаговидном, однако Помпей уговорил судей не возбуждать процесса; более того, за пять месяцев до окончания своего консульского срока, он берет тестя себе в соварищи, то есть делает его вторым консулом. Не только на улицах, но и в стенах сената стали возникать разговоры о чрезмерной власти Помпея. Этим воспользовались цезарианцы и выступили с рядом предложений, суть которых сводилась к тому, чтобы оба – Помпей и Цезарь – были уравне-

ны в правах. Предлагалось разоружиться обоим, либо дать Цезарю, как и Помпею, новое пятилетнее наместничество в Галлии, тем самым как бы продолжить состояние холодной войны или статус-кво, бывшее до гибели Красса.

Помпей об этом и слышать не хотел. Всеми своими действиями он показывал, что Цезаря не боится, более того, считает его ничтожеством, с которым ему, Помпею Великому, стыдно и тягаться. Когда ему говорили, что у него нет войска, в то время как у Цезаря за Альпами стоят десять закаленных в боях легионов и лично ему преданных, то он со смехом говорил:

«Стоит мне только топнуть ногой в любом месте Италии, так в тот же час из-под земли появится и пешее и конное войско».

Что давало прославленному полководцу такую уверенность в своих силах? Дело в том, что наместник Сирии Бибул, обеспокоенный возможным вторжением парфян, потребовал подкрепления, и сенат постановил выслать туда два легиона, один из которых должен был дать Помпей, а другой – Цезарь. А так как Помпей в свое время дал Цезарю легион для войны в Галлии, он и потребовал, чтобы этот легион был отправлен на Восток. Таким образом, Цезарь лишился сразу двух легионов. Они были отправлены в Капую для дальнейшей переброски в Сирию, при этом Цезарь от своих щедрот выдал каждому солдату по двести пятьдесят драхм. Офицеры, которые привели эти войска из Галлии, говорили, что армия галльского наместника измотана бесконечными сражениями и очень недовольна своим полководцем, поэтому вряд ли пойдет за Цезарем, случись гражданская война. Некоторые историки полагают, что они так говорили с подачи Помпея, готовившего таким образом почву для открытого военного противостояния; он хотел покончить с Цезарем с помощью оружия, надеясь на свой полководческий талант и испанские легионы; к тому же в Капуе стояли присланные соперником войска, так и не ушедшие в Сирию.

Между тем сторонники Цезаря не прекращали попыток мирным путем в сенате договориться о политическом равноправии Помпея и Цезаря. Больше всех старались народные трибуны Гай Курион и Марк Антоний, огромные долги которых оплатил Цезарь; на его стороне оказался и консул Павел, изменивший, по Плутарху, Помпею за полторы тысячи талантов. О Гае Курионе, одаренном политике, который настолько продуманно и тонко проводил в жизнь линию Цезаря, что казался беспристрастным судьей в деле враждующих соперников, один из современников писал:

«Самым деятельным и пламенным поджигателем гражданской войны и всех бедствий, непрерывно следовавших за нею в продолжение двадцати лет, стал народный трибун Гай Курион – человек знатный, красноречивый, отважный, промотавший свое и чужое имущество и стыд, гениально безнравственный, наделенный даром слова на пагубу республики, не способный никакими средствами, никаким стяжанием утолить свои желания и прихоти».

Не правда ли, как похожа эта характеристика на образ Катилины, данный Саллюстием, и на портрет Клодия в изображении Цицерона. Это к тому, какими людьми окружал себя Цезарь, точнее сказать – пользовался.

Не менее красноречивый Цицерон был также должен Цезарю солидную сумму в восемьсот тысяч сестерциев, поэтому уговаривал Помпея примириться с Цезарем. В своем письме к другу Титу Помпонию Аттику, датированным десятым числом декабря пятидесятого года, он пишет, что встретился с Помпеем и тот «говорил со мной так, словно в предстоящей войне нет сомнений: никаких оснований для надежды на согласие». Его очень беспокоила эта все более накалявшаяся обстановка. Он прекрасно понимал, что «мы имеем дело с чрезвычайно отважным и вполне подготовленным человеком», причем он не без оснований опасается, что исход «будет в пользу той стороны», имея в виду Цезаря. Об этом он пишет тому же адресату днем раньше. Цицерон долго колеблется: к кому прикнуться? Цезарь так-

же пишет к нему с соблазнительными предложениями и уверяет его в своей миролюбии и надеется «свидеться... и воспользоваться твоим советом, дружеским расположением, авторитетом и всесторонней поддержкой». Это он уже писал весной сорок девятого года, когда двигался на Рим, покинутый в страхе помпеянами. В ответ из своей Формийской усадьбы Цицерон пишет, что готов «как друг мира и каждого из вас и как наиболее способный поддержать, благодаря тебе, согласие между вами и согласие между гражданами». В конце концов Цицерон, следуя своим убеждениям, а не трезвому расчету, выбирает Помпея, которого считает более демократичным и неспособным погубить республику.

В конце концов Куриону удастся добиться своего. Его предложение о том, чтобы оба соперника отказались от власти и войск, прошло в сенате, за него проголосовало, вопреки всяким прогнозам, подавляющее большинство, лишь двадцать один голос из четырехсот был против. Когда Курион пришел с этой вестью в народное собрание, его встретили «рукоплесканиями, осыпав венками и цветами».

Однако консул Марцелл заявил, что он не может равнодушно смотреть, как десять легионов переходят Альпы и угрожают мирному отечеству, и принимает единоличное решение благословить на войну того, кто будет сражаться за родину. В сопровождении сенаторов он явился к Помпею и разрешил ему набирать новые легионы для борьбы с Цезарем.

Но дело с набором шло туго, воевать против своих никому не хотелось, и простой народ не понимал, зачем нужна эта война, лучше бы примирились, ведь терпели же они друг друга все последнее десятилетие. Таким образом, когда Цезарь покинул Галлию и двигался к Риму, у Помпея, кроме присланных Цезарем двух легионов, другого войска практически не было, и когда язвительный на язык некто Фавоний посоветовал Помпею топнуть ногой, чтобы у него тут же появилось «пешее и конное войско», Великому при-

шлось отговариваться неосознанностью граждан, не желающих защищать отечество.

Цезарь делает еще одну попытку избежать гражданской войны. Он присылает в сенат письмо с Курионом, который проделал путь от Равенны до Рима в трое суток, по тем временам просто стремительное передвижение, где соглашается всего лишь с двумя легионами остаться до консульских выборов наместником лишь Предальпийской, то есть ближней к Италии, Галлии, а Заальпийскую с восемью легионами готов передать очередному наместнику. Цицерон пытается уговорить Помпея согласиться на эти условия (худой мир лучше доброй ссоры), и Великий вроде и готов был согласиться, но не хотел, чтобы Цезарь командовал хоть каким-то войском, пусть даже и двумя легионами.

И тут даже был возможен дальнейший торг, однако господа сенаторы просто на дух не переносили галльского выскочку, заявившего, что никому не удастся спихнуть его с первого места на второе, а тем паче на последнее. Поэтому с подачи консула Лентула народные трибуны Антоний, Курион и еще один сторонник Цезаря Гай Кассий, были изгнаны из курии с угрозами расправы. Опасаясь за свою жизнь, они в одежде рабов вынуждены были бежать из Рима к своему сильному покровителю.

Для Цезаря это был подходящий повод начать решительные действия: он намерен восстановить в должностях законно избранных народных трибунов.

Войск у него в Равенне было немного, всего полтора легиона и три сотни кавалерии, поэтому с такими силами надо действовать стремительно, чтобы если не победить, то напугать. Это была излюбленная тактика Цезаря – быстрота, стремительность, внезапность. И это всегда приводило к успеху. Плутарх сообщает, что он «за неполные десять лет войны в Галлии взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами врагов, из которых один миллион уничтожил на поле боя и столько же захватил в плен». Если эти цифры верны,

остается лишь удивляться масштабу учиненных нашим героем кровопролитий. Напомним современному читателю, что воевали в те времена исключительно холодным оружием.

Но о войне в Галлии мы расскажем в следующих главах.

Так вот, Цезарь тайно посылает отряд храбрых и смекалистых солдат и центурионов на штурм ближайшего к границе города Аримина (теперешний Римини), а все остальные бывшие в наличии войска отправляет без лишнего шума к границам Италии. Тут же высылает за Альпы приказ, чтобы подтягивались и остальные легионы. Сам же разыгрывает такую комедию. Целый день старается быть у всех на виду и занимается обычными делами, а вечером устраивает многолюдный ужин; в разгар пира уходит с немногими офицерами и обещает гостям, что скоро вернется. В условленном месте его ожидает нанятая у мельника повозка и он мчится на ней вдогонку войскам, но в наступившей ночи, когда погасли факелы, он заблудился, и лишь к рассвету вышел к реке под названием Рубикон, которая и являлась собственно границей между Италией и Галлией. Здесь он догнал своих воинов и остановился. Как рассказывают, долго колебался. И даже предлагал сподвижникам вернуться, говоря, что стоит перейти речку – и война. Страшная гражданская война.

И вдруг, как пишет Светоний, явилось видение: высокий красивый человек играл на свирели, и к нему стали сходить пастухи с ближайших пастбищ, солдаты и, конечно, трубачи, военные музыканты. Красивый человек внезапно вырвал у трубача трубу, подал сигнал к наступлению, прыгнул в воду и поплыл к противоположному берегу. Тогда Цезарь воскликнул:

«Вперед! Нас зовут знаменья богов отомстить несправедливым противникам. Жребий брошен!»

А любопытно: была ли это заранее подготовленная инсценировка Цезаря или это анекдот от Светония?

ГЛАВА V

ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ

Теперь, дорогие читатели, мы с вами будем получать информацию из первых рук. До сих пор мы писали о нашем герое с чужих слов, доверяя Плутарху, Светонию, Диону Кассию, Аппиану, Саллюстию, Цицерону и другим историкам и очевидцам, а теперь мы заглянем в сочинения великого полководца, где он сам о себе повествует в третьем лице: Цезарь распорядился, Цезарь приказал, Цезарь решил, Цезарь промолчал и так далее. Весьма удобная форма рассказа, если надо скрыть истину. Не так стыдно. От себя скрыть правду невозможно, мы лжем самим себе в редкие минуты самообмана, поэтому говорить о себе в третьем лице чрезвычайно удобно: можно сколько угодно лгать или что-то скрывать, а у читателя складывается впечатление полной объективности, – ведь не будет же автор искривлять зеркало истории, описывая события как бы со стороны, включая самого себя в общую картину происходящего.

Обилие имен, названий племен, географических названий, этнографические подробности еще более усиливают правдоподобие. Факты и только факты беспристрастно излагает автор, при этом он как бы издали смотрит на события, которые сам же планирует, провоцирует и воспроизводит в действительности, каковая и предстает в его изложении абсолютно истинной. Такова иллюзия. Конечно, те

факты и события, которые могут бросить тень либо превратно истолкованы, намеренно опускаются, а если при этом до определенной степени теряются логические и смысловые связи – что ж, читатель вправе сам додумать или развить тот или иной эпизод истории.

Отсюда и стиль повествования. Автор, видимо, хорошо усвоил советы Аристотеля, писавшего, что «достоинство стиля заключается в его ясности». Все изложено четким, намеренно простым языком без метафор, сравнений и блужданий в поисках нужного словосочетания. Кажущаяся утрата субъективности пишущего в третьем лице автора дает читателю ощущение полного тождества с происходящим. Действительность возникает на страницах вполне зримо, будто это кадры кинохроники.

Причем никакой идеологической тенденциозности. Впрочем, она постоянно проступает изнутри и движется по страницам как бы не подвергаемая никаким сомнениям истина – величие и интересы Рима превыше всего. И автор, полководец Гай Юлий Цезарь, действует и воюет только ради этого. Такое создается впечатление или, во всяком случае, должно создаваться у читателя. Он не должен замечать действия Гая Юлия Цезаря, направленные к его личной выгоде – военной славе и обогащению, верным инструментам и колее, по которой он движется к первому месту в государстве.

Современники относились к его «Запискам о галльской войне» по-разному. Друг Цезаря и его военный соратник Авл Гирций оценивает «Записки» очень высоко и говорит, что они «не столько дают, сколько отнимают материал у историков». Другой военачальник Азиний Поллион, писавший стихи и исторические книги, полагает, что «они написаны без должной тщательности и заботы об истине: многое, что делали другие, Цезарь напрасно принимал на веру, и многое, что делал он сам, он умышленно или по забывчивости изображает превратно». Так свидетельствует Светоний. Он же приводит суждение и Цицерона: «Записки,

им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая простота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения».

Быть может, Марк Туллий Цицерон, как писатель, и завидовал в этом Цезарю. Его стиль резко отличается от Цезарева. У него все насыщено эгоцентризмом, его Я всегда на первом месте, он постоянно стремится убедить читателя в своей необыкновенной мудрости, которую черпает в своих обширнейших знаниях. Тексты пестрят бесчисленными цитатами, подталкивая читателя копать вместе с автором в каше его ощущений, желаний, разбираться в тонкостях его чувств, сомнений, которые тут же преодолеваются безошибочным выбором позиции, с которой он милостиво разрешает читателю глянуть на найденную с таким трудом истину. Этому же служат и яркие метафоры, колкие остроты в длинных, чуть не на страницу, предложениях. Ему важно было при этом допустить читателя в свою сложную мятущуюся душу, разогреть его воображение бутафорскими декорациями цветистого слога, чтобы окончательно убедить в своей созвучной литературным красотам правоте.

Но обратимся к обозначенной в этой главе теме. Для этого вернемся в Рим во времена первого триумvirата. Политические позиции триумvirов были во многом разными, но они вынуждены были объединиться в личных интересах каждого, при этом скрепили свой союз и матримониальными связями, что давало повод Катону негодовать, что эти люди, пользуясь сводничеством, добиваются высшей власти и распределяют между родственниками должности и провинции. Сенат, не любивший Цезаря, назначил ему, словно в насмешку, после консулата не какую-нибудь провинцию, а наблюдение за лесами и пастбищами, то есть слабенькую синектуру, нечто вроде министра сельского хозяйства.

Но под давлением триумvirов, ставших реальной властью в государстве, был принят проект закона, внесенного

народным трибуном Публием Ватинием (это тот, что задаром ничего не делал, один из объектов поэтической сатиры Катулла), по которому Цезарь получал Предальпийскую Галлию и Иллирик сроком на пять лет с правом набора трех легионов. Эти провинции предназначались Метеллу Целеру, но он умер, как поговаривали, не без помощи своей жены Клодии, о которой мы рассказывали в предыдущей главе. Помпей и Красс настояли, чтобы сенат присовокупил к этому еще и Нарбонскую Галлию с правом набрать еще один легион.

Итак, пятьдесят восьмой год можно назвать началом длившихся более девяти лет галльских войн, которым посвящены «Записки» Цезаря, и они начинаются такой фразой:

«Вся Галлия разделена на три части. В одной живут бельги, в другой аквитаны, в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами».

Давайте глянем на карту Галлии. Это нынешняя Франция, Бельгия, часть Голландии, Швейцарии и левобережье Рейна. Мы видим, что на этой обширной территории три названных Цезарем народа поделены на множество племен. Тут жили эдуи, гельветы, аллоброги, батавы, диаблинты, парисии, мельды, секваны, морины, белловаки, эбуровики, кеноманы, туроны, петрокории и многие, многие другие, перечислять всех – займет полстраницы. Некоторые из этих древнеэкзотических названий будут мелькать на наших страницах по ходу повествования.

Итак, наш герой получил возможность не только обогатиться, а он, по обыкновению, был весь в долгах, но и обрести военную славу, фундамент, с которого можно начать строить дворец собственного величия.

Но вот беда. В Галлии все спокойно, и особых поводов начинать военные действия как будто и нет. Конечно, были прошлые обиды, скажем, на гельветов, полвека назад разгромивших войско консула Луция Кассия. В том злопамят-

ном сражении погиб дед тестя Цезаря, так что это в определенной степени взывало к мести.

Заальпийская Галлия была населена очень воинственными племенами, и между ними частенько бывали распри, и некоторые вожди даже наведывались в Рим, ища поддержки в войне против соседей, – так, в шестьдесят первом году в столицу пожаловал Дивитиак, вождь эдуев, с просьбой помочь ему одолеть агрессивных секванов. Но в целом, повторимся, в Галлии было относительно спокойно, и никто из вождей аборигенов не собирался тревожить границ Римского государства.

Но тут, к счастью для нашего героя, племя тех самых обидчиков римского оружия гельветов, самого храброго, как пишет Цезарь, из всех галльских племен, вздумало переселиться со своего места на другие, более хлебородные земли. Это было в обычае племен, и казалось бы, особых претензий у римлян вызывать не должно. Но они хотят пройти через Нарбонскую Галлию, так называемую Провинцию, а эта территория издавна служит римлянам не только источником продовольствия, но и буфером против непредсказуемых племен Заальпийской Галлии. У гельветов есть и другой путь – через земли секванов, но он, как пишет Цезарь, «узкий и трудный», – между Юрой и Роданом, реки, отделяющей Провинцию от остальной Галлии; по этой дороге едва пройдет одна телега, не разминуться, если пойдет встречный обоз.

Для того чтобы помешать гельветам идти по территории Провинции, Цезарь приказал разрушить мост через реку Родан. Он вовсе не хочет, чтобы воинственные гельветы, у которых в голове великодержавные планы, – он убежден, что они хотят завоевать всю Галлию, – шли через Провинцию в таком большом количестве вместе с женщинами и детьми. Ведь они будут грабить, чтобы прокормиться. Нет, он, по праву наместника, этого не позволяет.

К нему приходят послы и спрашивают: в чем, собственно, дело? Почему римляне хотят помешать им идти к морю,

в земли сантонов? У них нет злонамеренных целей в отношении римлян и племен, населяющих Провинцию. Они придут – и все. Римляне потом и знать о них ничего не будут. Идти другим путем, через земли секванов всем племенем нельзя – «узок и труден путь», а у них обоз с детьми и женщинами.

Но Цезарь не говорит им ни да ни нет. Ему надо выиграть время, чтобы набрать войско и таким образом иметь поддержку своей дипломатии, заключавшейся в данный момент в том, что он не разрешил до апрельских ид двигаться гельветам дальше.

Послы ушли ждать апрельских ид, а Цезарь занялся набором и фортификационными работами: проложил валы и прочие укрепления на реке Родан в тех мелких местах, где могли бы переправиться гельветы. Тем временем к нему подошли набранные войска, и пришедшие в апреле послы слышали от Цезаря неприятные для себя речи: пусть и не пытаются идти через Провинцию, он их не пустит, как не пустил бы никакое другое племя, а уж воинственных обидчиков римлян он опасается более других.

Гельветы сделали несколько безуспешных попыток форсировать реку на плотках и иных подручных средствах, однако быстро поняли, что им не прорвать римских укреплений, и решили договариваться с секванами, чтобы идти неудобной дорогой.

Именно это и надо было честолюбивому полководцу. Эту дорогу ничего не стоит перегородить и расправиться с гельветами. У их царя Дивикона в голове имперские амбиции, он хочет стать царем всей Галлии, и тогда уже с ним трудно будет справиться. Цезарь как бы читает чужие тайные мысли и этими фантазиями потчует читателя, соблюдая в то же время иллюзорную видимость объективного описания событий. Впрочем, он пытается это подкрепить сплетнями и доносами.

Помнится, Сервантес сравнивал лживого историка с фальшивомонетчиком.

Итак, Цезарь отправляется в Северную Италию, входившую тогда в состав провинции Предальпийская Галлия, и срочно делает набор двух легионов, а еще три легиона вызывает с зимних квартир в Аквилее, и с пятью легионами делает стремительный марш-бросок на юго-запад. Настиг он гельветов, когда они переправлялись через реку Арар. День уже кончался, но Цезарь приказал костров не зажигать, и в третью стражу, а это уже за полночь, набросился на несчастных гельветов. Победа далась легко: в наступившей темноте не готовые к сражению варвары не смогли дать достойного отпора.

Именно это и говорил на очередных переговорах с Цезарем вождь гельветов Дивикон. Но пусть Цезарь подумает, что будет, когда гельветы и не только гельветы выступят против легионов наместника в открытом сражении. Место, где это произойдет, римляне будут вспоминать со скорбью – ведь все знают, какие воины гельветы, знают это и римляне, воевавшие тут пятьдесят лет назад под командованием Кассия.

Цезарь спокойно выслушал эти наглые заявления и предложил убраться на прежнее место жительства и оставить заложников. Гельветы до похода населяли запад современной Швейцарии и переселяться их вынудила нестабильная ситуация на границах Галлии с Германией, то есть по реке Рейн.

[Говоря о Галлии, что делится на три части, Цезарь имел в виду Галлию Заальпийскую, римляне ее называли «волосатой или в штанах» (*Gallia comata vel bracata*), потому что аборигены носили длинные волосы и ходили в штанах. Так вот эта Галлия считалась свободной, она не являлась провинцией римского народа в отличие от Галлии Предальпийской, наиболее романизированной, «одетой в тогу» (*Gallia togata*) и Нарбонской (нынешняя область Франции Прованс).

И вот в этой «волосатой» Галлии была междоусобица между тремя крупными племенами – эдуями, секванами и

арвернами. Эдуи всегда искали защиты от соседей в Риме и считались «друзьями римского народа», а секваны позвали из-за Рейна германцев под командованием Ариовиста, который эдуй все-таки победил. Это было за год до консулата Цезаря, то есть в шестидесятом году. За это секваны отдали Ариовисту часть своей территории в области нынешнего Эльзаса. Видимо, именно с тех пор и немцы, и французы считают эти земли своими.

Это и вынудило гельветов уйти от греха подальше, хотя Цезарь утверждал в «Записках», что они переселялись на лучшие земли с коварными завоевательными целями.]

Но старик Дивикон отказался выдать заложников и двинулся со своими соплеменниками дальше, и Цезарю не остается ничего другого, как их преследовать и набегами своей конницы мешать их продвижению. Причем он использует для этих целей «друзей римского народа» эдуй, а их войсками командует Думнориг, очень влиятельный человек, амбициозный, претендующий на лидерство не только в своем племени; кроме того, у него жена гельветка. Так вот конница Думнорига постоянно терпит поражения от гельветов, и это начинает казаться Цезарю подозрительным, тем более что и обещанный для римской армии хлеб эдуи хоть и обещают, но не подвозят. Так что тут налицо предательство, и Цезарь намерен всерьез разобраться с Думноригом. Но за него хлопочет его родной брат Дивитиак, убежденный коллаборационист, готовый лизать пятки римлянам. Благодаря его заступничеству Цезарь не казнил Думнорига и ограничился тем, что приставил к нему своих людей, обязанных за ним следить и доносить, если он вновь удумает своевольничать и изменять римским интересам.

О судьбе обоих братьев мы еще расскажем.

В июне пятьдесят восьмого года благодаря хитрой тактической подготовке и опять же под покровом ночи гельветы были окончательно разгромлены под местечком Бибракте. В их лагере были обнаружены составленные на гре-

ческом языке списки ушедших на переселение людей. Их оказалось триста шестьдесят восемь тысяч, из них собственно гельветов двести шестьдесят три тысячи, остальные были примкнувшие к ним мелкие племена. По указанию проконсула были составлены списки оставшихся в живых и их оказалось сто десять тысяч, так что более двухсот пятидесяти тысяч оставили свои головы в этом бесславном походе. Оставшиеся вынуждены были отправиться на свою родину, в Гельвецию.

После этой победы Цезарь созвал галльских царьков на собрание, причем предупредил, что решения этого съезда им надлежит держать в секрете.

О чем шла речь на этом заседании? Основным докладчиком стал Дивитиак. Он сказал, что вся Галлия терпит неслосное притеснение немца Ариовиста, пришедшего из-за Рейна по просьбе арвернов и секванов, чтобы помочь им воевать с эдуями. И что в итоге вышло? Ариовист пришел с пятнадцатью тысячами своих воинов, разгромил эдуев и они «лишились всей знати, всего сената и всей конницы». Затем завоеватель перетащил через Рейн еще сто двадцать тысяч человек на плодородные галльские земли, и дело скоро кончится тем, что эдуям, секванам и другим племенам надо будет, подобно гельветам, спасаться от свирепого Ариовиста, который не только обложил всех непомерной данью, но и набрал заложников, а он их время от времени казнит по мелким поводам для устрашения.

В этом фрагменте «Записок о галльской войне» автор не хочет замечать противоречия. Как помним, в начале он называет гельветов самым сильным и воинственным племенем, замыслившим взять себе самые лучшие земли и коварными средствами и вооруженной силой покорить всю Галлию, опустошить земли верных Риму эдуев и именно поэтому, дескать, Цезарь и выступил против гельветов и принудил их вернуться. А вот тут вождь эдуев Дивитиак говорит, что они в одинаковом положении с гельветами (и на первом этапе, пока не вмешались римляне, эдуи позво-

лили гелльветам идти через свои земли), более того, привел в пример и поход побежденного Цезарем племени как последствие экспансии Ариовиста.

Следует отметить, что «волосатая» Галлия была довольно густонаселенной территорией вследствие плодородных земель и сравнительно мягкого климата, и здесь при значительном социальном неравенстве (была своя знать, прослойка зависимого от нее среднего класса, рабы и т. д.) уже отмечалось разделение труда – были земледельцы, скотоводы, ремесленники, торговцы. Существовали и города, точнее, поселения полугородского типа; например, Лютеция, где возник Париж, Ценаб, – нынешний Орлеан и другие. Тут проходили ярмарки, куда стекались купцы из Рима, Греции и других стран, менявших свои цивилизованные товары в основном на вожделенный желтый металл.

Обозначенное Цезарем деление Галлии на три части территориально можно определить так: на юго-западе, между Пиренеями и рекой Гарумной, нынешней Гароной, обитали аквитаны; центральную часть, граничившую на севере с реками Секваной, нынешней Сенной, и Мозелем, занимали кельты, а север Галлии «в штанах» между Сенной и Рейном был заселен бельгами, наиболее диким и нецивилизованным племенем.

Еще более дикие и вовсе не цивилизованные германцы стремились, естественно, на плодородные галльские земли.

«После этой речи Дивитиака, – читаем в "Записках", – все присутствующие с громким плачем стали просить Цезаря о помощи». Именно это он и хотел от них услышать, а то, что они плакали, так это там как будто и было принято, – разжалобить противника иной раз выгоднее, чем его победить. Только секваны не плакали, ни о чем не просили, а «с опущенной головой печально смотрели в землю». Цезарь спросил: а вы что молчите и в землю смотрите? Он спросил их об этом раз и другой, но они продолжали упорно отмалчиваться. Тогда Дивитиак объяснил римлянину при-

чину их молчания: они не смеют ему жаловаться, потому что сами же Ариовиста и позвали, позволив ему и его сородичам жить на их землях, а теперь терпят их жестокость и вероломство и не хотят говорить о притеснениях, потому что им первым от Ариовиста и достанется, если он об этом прознает.

Так стало быть Ариовист обижает даже секванов? Цезарь изображает возмущение и обещает поговорить с вероломным германцем, на которого в свое консульство возлагал кое-какие надежды, ведь не зря же через сенат прошло постановление о признании Ариовиста царем и союзником римского народа.

У Цезаря, разумеется, уже давно созрел план очередной военной кампании, однако он на этом собрании и словом не обмолвился, что собирается уламывать Ариовиста военной силой.

Так значит германец вас обижает? Хорошо, я переговорю с ним, а вы успокойтесь и не хнычьте, Цезарь вас в обиду не даст.

Однако Ариовист, когда к нему прибыли гонцы, чтобы пригласить на переговоры, ответил: «Если бы ему самому был нужен Цезарь, то он к нему и явился бы, а если Цезарю от него что-либо угодно, то он должен прийти к нему». И вообще он удивляется, что нужно римлянам в той части Галлии, которую он завоевал?

До чего наглый народ эти германцы! Галлы, впрочем, не лучше. Цезарь стерпел это, но решил еще раз пригласить Ариовиста на встречу, наказав посланникам, что если он еще раз откажется от переговоров, передать категорические требования римского проконсула: никаких переселений его сородичей из-за Рейна в Галлию; вернуть эдуям заложников и прекратить их притеснять – эдуи являются друзьями и союзниками Римской республики, и по ее законам мы обязаны их защищать. В противном случае Ариовист может нарваться на неприятности. Пусть подумает.

Вождь германцев вновь от встречи уклонился, а Цезарю просил передать, что «право войны позволяет победителям распоряжаться с побежденными, как им угодно; так и римский народ привык распоряжаться с побежденными не по чужому предписанию, а по собственному усмотрению...» Поэтому пусть римляне не мешают ему пользоваться законным правом победителя взимать дань и устанавливать свои порядки. С приходом Цезаря его доходы стали уменьшаться, а это его сильно беспокоит. Поэтому требования проконсула он выполнять не намерен, как не собирается чинить несправедливость относительно эдуев, если они будут исправно платить дань. А если римский военачальник вступится за них силой, то и этого Ариовист не боится, — его воины закалены в боях, храбры и неприхотливы. Так что пусть попробует испытать свое военное счастье.

Вместе с этим ответом к римскому полководцу пришло и другое известие, что через Рейн собирается переправляться новая орда германцев, готовых прийти на помощь Ариовисту, если римляне вздумают с ним воевать.

Так что дипломатические ходы были уже бесполезны, нельзя было терять времени, и со стремительностью, с какой он делал свои марш-броски, Цезарь двинулся на Ариовиста и опередил его, не дав захватить столицу секванов Весонтион, а город расположен стратегически идеально: его опоясывала, «точно по циркулю», река, а там, где можно было подойти к нему по суше, стояла большая гора. Если бы Ариовист здесь засел, выкурить его отсюда было бы очень непросто, да и времени это заняло бы очень много, потому что в городе было полно продовольствия и оружия.

Здесь Цезарь задержался. Надо было позаботиться о подвозе хлеба и сделать другие приготовления к войне. Во время стоянки его солдаты общались, как это и водится, с местным населением и купцами, и от них они наслушались страшных баек о грозных, рослых и здоровенных герман-

цах, жестоких и неумолимых в бою и, по рассказам галлов, совершенно непобедимых – «во время боя трудно вынести даже выражение их лица и острого взора». Пугали они римлян и непроходимыми лесами, чащами, оврагами, болотами, откуда живыми не выбирают.

У страха, как известно, глаза велики. «Золотая» римская молодежь, напросившаяся в свиту проконсула в поисках военной славы, струхнула первой, стала проситься в отпуска и писать завещания. Психологическая эта зараза стала молниеносно распространяться среди всего войска, и с этим необходимо было что-то делать.

Цезарь созвал сходку офицеров и центурионов «и в гневных выражениях высказал порицание прежде всего за то, что они думают, будто их дело – спрашивать и раздумывать, куда и с какой целью их ведут...»

Да и чего в конце концов они так панически боятся? Цезарь пока вовсе не намерен воевать с Ариовистом, он хочет с ним договориться миром, ну а если все же он «под влиянием бешенства и безумия» начнет войну, то «зачем они отчаиваются в своей собственной храбрости и осмотрительности своего полководца?» Они боятся германцев, тех самых германцев, что уже не раз испытали силу римского оружия? Вспомните хотя бы Мария, разбившего кимвров и тевтонов. Да и гельветы не раз выходили победителями в сражениях с германцами, а ведь мы с вами совсем недавно разбили их в пух и прах, так чего же бояться?

А что касается дорог, перевалов, трудно проходимых лесов и прочих превратностей, то это дело полководца, и он никому не позволит вмешиваться и давать ему в отчаянии советы – подобных дерзостей он не допустит.

Кроме того, он слышал, что купцы нагнали на солдат такого страха, что те вообще могут отказаться идти в поход. А если бы даже и не пошли, Цезарь не огорчился бы – у него есть десятый легион, в котором он уверен больше чем в самом себе. Вот с ним-то он и пойдет на врага, пре-

данный и храбрый десятый легион не подведет. И чтобы пресечь дальнейшее распространение паники, он приказывает выступить в поход уже в следующую ночь, в четвертую стражу.

Цезарь был прекрасным психологом. Он знал, что говорил. Десятый легион прислал благодарность за доверие, а другие легионы, возревновав к десятому, через своих офицеров заявили, что были неправильно поняты и без колебаний пойдут за полководцем, куда бы он ни приказал.

«На седьмой день безостановочного марша, – пишет Цезарь, – он получил известие от разведчиков, что войска Ариовиста находятся от нас в двадцати четырех милях».

Вождь германцев, узнавший также, что армия противника уже рядом, сам на этот раз предложил переговоры, но выставил условие, чтобы Цезаря в условленное место сопровождала конница.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и рассказать читателю о тогдашней римской армии. Основной контингент составляла тяжеловооруженная пехота. Каждый легионер был вооружен обоюдоострым мечом и копьем с металлическим наконечником; щит в форме полуцилиндра обивался толстой кожей, закрепленной по краям металлом. Панцирь был тоже кожаный с накладками из металла, а шлем – цельнометаллический.

Каждый легионер нес с собой и довольно тяжелую поклажу, где помимо котелка и запаса пищи, были еще и шанцевые инструменты для постройки лагеря, мостов и других сооружений. Специальных саперных частей для этих целей тогда не было, всем занимались те же солдаты под руководством военных инженеров.

К этому надо добавить всевозможные осадные машины и тогдашнюю разнокалиберную артиллерию – катапульты и другую метательную технику.

Привлекались на службу и чужестранцы, владевшие другими видами оружия, например лучники с Крита или пращники с Балеарских островов.

Флот строился обычно там, где в нем была нужда, например, когда Цезарю вздумалось покорить Британию.

Фуражом и уходом за лошадьми занимались рабы, были они и в качестве прислуги при офицерах.

А конница считалась вспомогательным войском и набиралась из союзников на той территории, где шла война. Таким образом, конница в войске Цезаря состояла из эдуев, и Ариовист, разумеется, менее опасался конных галлов, нежели коварных пеших римлян. Но Цезарь перехитрил противника: посадил на галльских коней верных ему солдат десятого легиона и отправился на переговоры.

Встреча состоялась на холме, равноудаленном от лагерей противников. Конница осталась перед возвышенностью, а полководцы в сопровождении десяти всадников каждый, оставаясь на лошадях, начали переговоры.

Цезарь прежде всего напомнил Ариовисту, что «только благодаря милости и щедрости Цезаря и сената» он получил титул царя и почетную привилегию называться другом и союзником римского народа, а затем повторил свои требования, на которые вождь германцев «дал короткий ответ». Так сказано в «Записках». Ответ, надо догадываться, отрицательный. Затем стал говорить с горячей дерзостью, что он первый завоевал эти земли в честном бою, и пусть римляне сюда не лезут, как и он не лезет в их римские провинции. А что касается того, что Цезарь, дескать, желает защитить эдуев, то тут у него серьезные сомнения. Римляне ведь не помогали эдуям в их войне с секванами, равно как и эдуи не помогали римлянам в войне с аллоброгами, так мнится ему, Ариовисту, что это чистейший блеф и предлог для войны с германцами. И если у Цезаря не хватит ума отсюда убраться, то, неровен час, его голова может упасть с плеч, чему будут очень рады многие сенаторы в Риме, они даже спляшут от радости, а уж об этом-то он знает доподлинно от своих послов в Риме. Поэтому он предлагает римскому проконсулу уйти из «косматой» Галлии и искать свое военное счастье в других местах. В этом слу-

чае Ариовист действительно станет его союзником и «отплатит ему большими услугами».

Цезарю, конечно, не в новость слышать, что кое-кто в Риме спляшет от радости при известии о его смерти. Но он сдержался и стал оспаривать исторический, так сказать, аргумент противника: не германцы первыми пришли в Галлию, а римляне, а то, что они оставили в этих краях самоуправление, то на то была воля римского народа, а не Ариовиста, который тем самым нарушил законы Римской республики.

В это время германская конница стала задираť римлян, и переговоры таким образом были сорваны.

Впрочем, Цезарь больше в них и не нуждался, и когда Ариовист предложил возобновить выяснение отношений, проконсул отказался и послал на переговоры своих людей, один из которых «был связан с Ариовистом узами гостеприимства». Оба посланца были арестованы и подвергнуты пыткам и издевательствам. Это уж и совсем развязало Цезарю руки.

Ариовист так и не понял, что его, если можно так сказать, историческая миссия заканчивается. А могла бы продолжиться. Цезарь не напрасно добился в свое консульство признания немецкого захватчика союзником республики. Он уже знал, что ему достанется в управление Галлия, и готовил почву для победоносного завоевания «косматых» народов, поэтому военная работа Ариовиста по ослаблению наиболее сильных и воинственных племен была ему только на руку. Древнее римское правило: разделяй и властвуй! В конце концов, будь Ариовист посговорчивей, он мог бы и дальше оставаться союзником, если бы, конечно, делился данью и награбленным золотом. Так нет же, он возомнил себя повелителем Галлии. Он думает, что Цезарь оставит ему эту богатую страну. Как бы не так!

Начались приготовления к сражению, которого Ариовист поначалу всячески избегал. Цезарь в течение пяти дней выстраивал свои войска для боя, но германцы предпочита-

ли мелкие конные стычки, на что они были большие мастера, причем каждого германского всадника сопровождал быстроногий пехотинец, бежавший рядом с лошадью, держа за ее гриву, при этом ничуть не уступал лошади в скорости, что римлян очень удивляло.

В конце концов Цезарь вынудил Ариовиста принять сражение, и благодаря традиционной стратегии римского боя и умелым тактическим ходам Цезаря, и тут ему не было равных, многочисленное германское войско было перебито, а их вождь с большим трудом сумел переправиться на свой берег Рейна.

«Таким образом, Цезарь окончил в одно лето две очень большие войны и потому несколько раньше, чем того требовало время года, отвел войско на зимние квартиры к секванам. Комендантом лагеря он назначил Лабиена, а сам отправился в Ближнюю Галлию для судопроизводства».

Этими словами заканчивается первая книга «Записок о галльской войне».

Однако эти «две очень большие войны» не стали последними и решающими в деле покорения Галлии. Вторая книга начинается с того, что Цезарь получает сообщение от Лабиена, что племя бельгов, могущественное и занимающее большую территорию, опасается римлян больше, чем германцев, поэтому они мобилизуют как свои силы, так и призывают к этому другие племена, в том числе и германские. Впрочем, бельги – «по происхождению германцы, которые давно перешли Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей – галлов – выгнали».

Они очень гордятся тем, что сумели дать отпор грозным тевтонам и кимврам, не позволив им опустошить свои земли.

Как только Цезарь получил это известие, тотчас вернулся в дикую Галлию. Светоний пишет, что он «не упустил ни одного случая для войны даже несправедливой или опасной, и первым напал как на союзные племена, так и на

враждебные и дикие, так что сенат однажды даже постановил направить комиссию для расследования положения в Галлии, а некоторые прямо предлагали выдать его неприятелю». Главным из «некоторых» был, конечно, Катон, который и инициировал это предложение.

В случае с бельгами было то же самое. Превентивный мощный удар в генеральном сражении силой нескольких легионов был нанесен по уже потрепанному союзными войсками противнику (верный Дивитиак постарался), и огромная армия бельгов и примкнувших к ним других племен была разгромлена, при этом, как повествует Плутарх, Цезарь «учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимы для римлян».

После чего с легкостью и быстротой была занята практически вся территория нынешней Бельгии. Свободными остались только дикие нервии, которые «категорически воспрещают ввоз вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость: эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных бельгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость; они ручаются, что никаких послов не пошлют, никаких условий мира не примут».

Да, с нервиями Цезарю пришлось туго. Его военное счастье висело на волоске. Римляне могли потерпеть страшное поражение, если бы не личная храбрость и находчивость полководца.

Вот как сам Цезарь все это описывает. Нервии взяли в союзники еще два племени – атребатов и веромандуев и ожидали подкрепления еще одного племени. Своих женщин, детей и стариков они упрятали в недоступные болотистые леса, а сами понаделали плетней из растущих молодых деревьев и кустарников, что стало непроходимым препятствием для конницы и прекрасной маскировкой для самих нервиев.

Они оказались не так просты, как могло показаться цивилизованным римлянам. Их лазутчики напросились к захватчикам в проводники и сообщили своим маршрут движения легионов и прочие сведения. Они ловко этим воспользовались, напав на врага во время постройки лагеря.

Нападение было настолько внезапным и стремительным, что «Цезарь должен был делать все сразу»: дать сигнал к сражению, приказать прекратить постройку лагеря, привести легионы в боевой порядок и так далее. Солдаты, к счастью, были обстрелянные, так что сами знали, как надо поступать в таких экстремальных ситуациях. На этот раз они столкнулись с невероятно храбрым и беспощадным противником. Да и бой был навязан не в строю, не по римской военной науке, а пресловутые плетни путали все карты и полководцу – он не видел, кто где находится, куда надо слать резервы и тому подобное, – в общем, настоящий кровавый хаос.

Нервии бились с такой самоотверженной яростью, что просто смяли хваленые римские легионы и обратили в бегство. Казалось, все было потеряно. Но Цезарь, пробившись в первые ряды сражавшихся, сам стал храбро биться наравне со всеми, чем внушил солдатам веру в победу и поднял их боевой дух. Когда на помощь терпящим поражение пришел любимый полководцем десятый легион, сражение перешло в стадию перелома. Но нервии, в отличие от римлян, не побежали, они, пишет очевидец в своих «Записках», «проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались стоя на них; когда и эти падали и из трюпов образовывались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их металлические копья и пускали назад в римлян».

Из шестидесяти тысяч нервиев в живых осталось только пятьсот, сообщает тот же источник. Сколько погибло римлян, он умалчивает. Зато сообщает о своем милосердии к уцелевшим: «Цезарь дал им полное помилование,

им самим приказал спокойно оставаться в своей стране и городах, а их соседям воспретил чинить им какие бы то ни было оскорбления и насилия».

Вот оно, милосердие по Цезарю: уж коли уцелели, разрешаю вам жить у себя на родине; вы так храбро бились, что пришлось вырезать почти весь народ, но зато вас не продадут в рабство.

Не подоспевшие к нервиям адуатуки (если бы явились вовремя, римляне однозначно потерпели бы сокрушительное поражение) вернулись с похода домой, узнав об исходе боя. Они укрылись в защищенном самой природой городе – со всех сторон были неприступные скалы, а единственный проход был загорожен бревнами и камнями. Но это варварам казалось, что они тут в безопасности и их крепость неприступна. Они не ведали, что у римлян есть осадные машины, один вид которых их так устрасил, что они сдались, но часть оружия припрятали и подняли ночью мятеж, который, конечно, был подавлен, и Цезарь продал перекупщикам рабов пятьдесят три тысячи адуатуков. А могли бы жить у себя на родине и быть свободными. Сами виноваты.

После этого Цезарь решил, что Галлия наконец-то покорена и об этом послал подробный отчет в столицу. И хоть господа сенаторы не любили Цезаря, но его блестящие победы и вместе с ними сотни тысяч дешевых рабов и груды золота, хлынувшие в Рим, затмили глаза и им, и сенат постановил отметить победы римского оружия в Галлии пятнадцатидневными молебствиями. «Отличие, – отмечает Цезарь, – которое до сих пор никому не выпадало на долю».

ГЛАВА VI

ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ (продолжение)

Однако, несмотря на одержанные над варварами победы, до полного «замирения» (именно такой термин применяет Цезарь) было еще очень далеко.

На одной из страниц своей третьей книги «Записок» он замечает: «...вообще люди от природы стремятся к свободе и ненавидят рабство».

Галлы в этом смысле не были, разумеется, исключением и не смирились с навязанной им римлянами моделью верно-подданных, по которой они обязаны платить дань, отдавать заложников и быть живым товаром на невольничьих рынках.

В зимние месяцы пятьдесят седьмого и пятьдесят шестого годов проконсулу вновь пришлось заняться ратным делом. Сначала альпийские горные племена напали на лагерь двенадцатого легиона, и римляне, неся потери, с трудом вырвались из окружения и вынуждены были искать зимние квартиры в Провинции.

А молодой Публий Красс, сын триумвира, зимовавший с седьмым легионом «у самых берегов Океана, в стране андов», решил послать своих людей за провиантом к соседним племенам, в том числе и венетам, известным как опытные мореходы. Они задержали фуражиров, их примеру последовали и другие общины и потребовали у римлян отпустить своих заложников в обмен на задержанных солдат.

Повод к очередной кровавой бойне был нешуточный, и Цезарь, разумеется, тотчас же им воспользовался, при этом послал Лабиена в Бельгию, а Красса – в Аквитанию, чтобы они держали эти крупные народы «в повиновении», пока он будет разбираться с этими морскими разбойниками венетами. На этот раз полководцу пришлось вести непривычную войну не на суше, а на воде, и для этого пришлось строить флот. Корабли противника были плоскодонными, что давало им преимущество на отмелях и во время отлива, и парусными, в отличие от римских, гребных (паруса у них служили вспомогательным средством), что тоже давало врагу превосходство в скорости и во время маневрирования.

На носках римских кораблей примерно на уровне воды были так называемые «ростры» (дословный перевод – клювы) – тараны из меди и стали, которыми дырявились корабли противника. Но этот метод не приносил результата, потому что суда венетов были из дуба, да и посадка у них была низкая. Хитроумные римляне, однако, нашли прекрасный способ борьбы: с помощью прикрепленных к шестам серпов они перерезали крепившие снасти канаты, и когда корабль терял управление, брали его на abordаж, ну а дальше все было в личной храбрости и умении вести рукопашный бой. Победа вновь оказалась за Цезарем, и он приказал побежденных продать в рабство в назидание тем, кто осмелится захватывать в плен мародерствующих римских фуражиров.

Молодой Красс также потешился в Аквитании ратным делом и перебил не один десяток тысяч варваров.

Цезарь произвел зачистки и на других территориях, сжигая поля и селения и угоняя скот.

В Галлии все более или менее поуспокоились, но у Цезаря никогда не переставали чесаться руки, и его алчный взор на этот раз обратился за Рейн. В консульство Помпея и Красса, то есть в пятьдесят пятом году, он решил вторгнуться и на германские земли, а поводом стало миротвор-

чество. Дело в том, что два или три германских племени, притесняемые свебами, самым могущественным народом Германии, переправились через Рейн и завладели галльскими землями. Их следовало, конечно, отправить обратно, но это слишком хлопотно, дипломатия с варварами приводит иной раз к нежелательным последствиям, поэтому он поступил как всегда – перебил в сражении.

Другие германские племена, в частности убии, также жаловались на свебов. И Цезарь решил навеститься на Рейн, куда еще не ступала нога римского legionera. Для этого был выстроен мост. Автор «Записок» дотошно описывает, к каким инженерным хитростям приходилось прибегать, чтобы всего за десять дней возвести надежную переправу через широкую с сильным течением реку.

На другом берегу к проконсулу пожаловали посольства различных племен, но когда он в знак покорности потребовал заложников, этого не дождался – все попрятались в леса. До него дошли слухи, что свебы, племя рослых и могучих бесстрашных воинов, закаленных жизнью под открытым небом и питавшихся исключительно молоком и мясом, запретивших ввоз вина в свою страну, собирают в глухомани огромную армию, чтобы прогнать незваных римлян. Рисковать на чужой территории, не имея надежных тылов, полководец не стал, – полной уверенности в победе над многочисленным врагом не было. Он не хотел, чтобы бесстрашные зарейнские варвары сломали ему имидж непобедимого полководца, поэтому приказал разорить близлежащие села и скосить на полях хлеб, затем переправился обратно в Галлию, «полагая, что им достаточно сделано для славы и пользы римского народа».

Лето еще не кончилось, и Цезарь решил использовать благоприятное время года для экспедиции в Британию, куда также еще не ступала нога римского солдата. Островитяне до сих пор свободны, не платят дани, и что хуже всего – помогают бунтующим галлам. Этому надо было решительно положить конец.

Первая попытка, можно сказать, была неудачной: римлян не очень приветливо встретили уже у берегов, не давали высаживаться и ввязывались в бой прямо в прибрежных водах. Однако, едва солдаты почувствовали под ногами твердую почву, они показали варварам всю мощь римского оружия и обратили их в бегство. «Когда таким образом, – пишет Цезарь, – мир был упрочен», он потребовал, по обыкновению, заложников. Но разыгравшаяся буря и отливы уничтожили большую часть кораблей, и прознавшие об этом британцы вновь попытались своего военного счастья, но хоть римляне вновь одержали верх, Цезарь счел более разумным вернуться на континент и подготовить вторую, более серьезную экспедицию на остров.

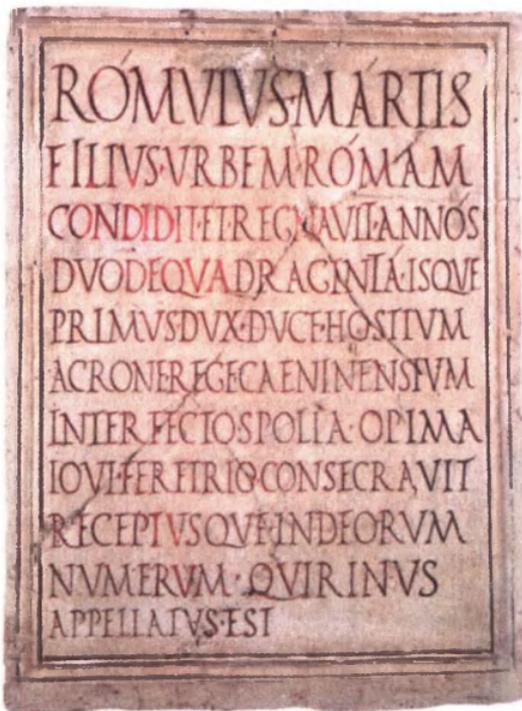
Но едва легионеры высадились на материк, как один из отрядов по пути в лагерь был атакован прибрежным племенем моринов, «которых Цезарь при своем отправлении в Британию оставил замиренными». Пришлось вновь проводить карательную акцию. Удивительный народ эти галлы! Их, как волков из пословицы, сколько ни корми, а они все в лес смотрят. Едва Цезарь куда-либо отлучался, так тут же возникали бунты и восстания. А ведь их кто-то организует.

Поэтому он решил, что во вторую экспедицию в Британию он возьмет с собой не надежных галльских царьков, и в первую очередь Думнорига – да, того самого, за кем вот уже два года ведется наблюдение. Его брат Дивитиак, кому Цезарь безраздельно доверял, к тому времени умер, а когда он был жив, проконсул, исходя из беспронимного принципа «разделяй и властвуй», как-то ненароком сказал Думноригу, что его брат, конечно, верный друг римского народа, но царем эдзев он видит не его, слепого исполнителя, а такую личность, как Думнориг.

Ну а после смерти Дивитиака ситуация стала играть в пользу Думнорига. Он хоть и слыл патриотом, а большинство эдзских князьков было склонно к коллаборационизму, ему выгодно было огласить после смерти брата этот

Этрусское молоко. Знаменитый символ города Рима

Надпись на этой мемориальной доске, найденной в Риме, начинается следующими словами: «Ромул, сын Марса, основал город Рим...»

Аппиева дорога

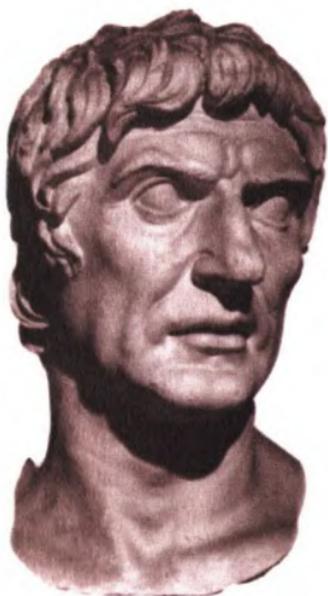
Портик Форума Цезаря

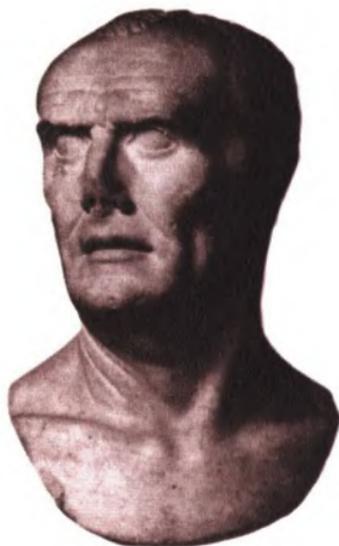
Храм Венеры-Прародительницы

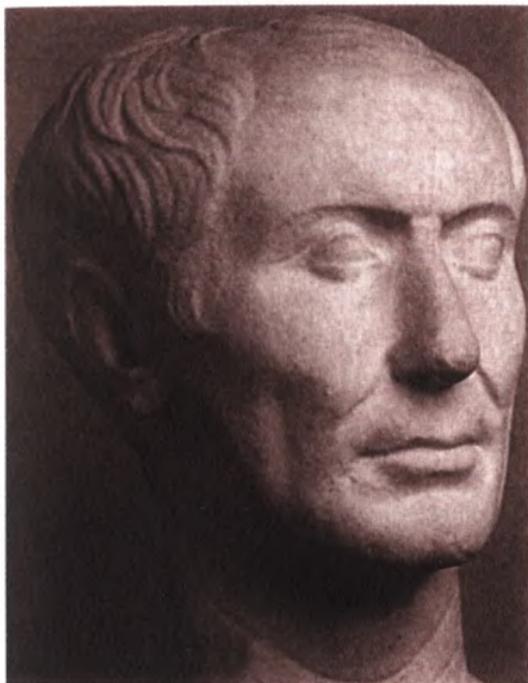
Римский Форум с руинами храма Сатурна

Луций Корнелий Сулла

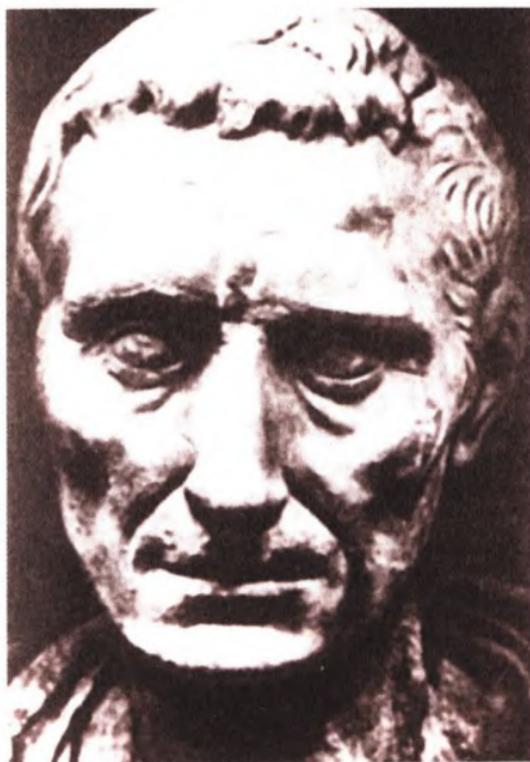

Гай Марий

Митридат

Портрет Юлия Цезаря
из Тор-д' Алье.
Туринский музей

Цезарь.
Музей Торлония. Рим

Цезарь

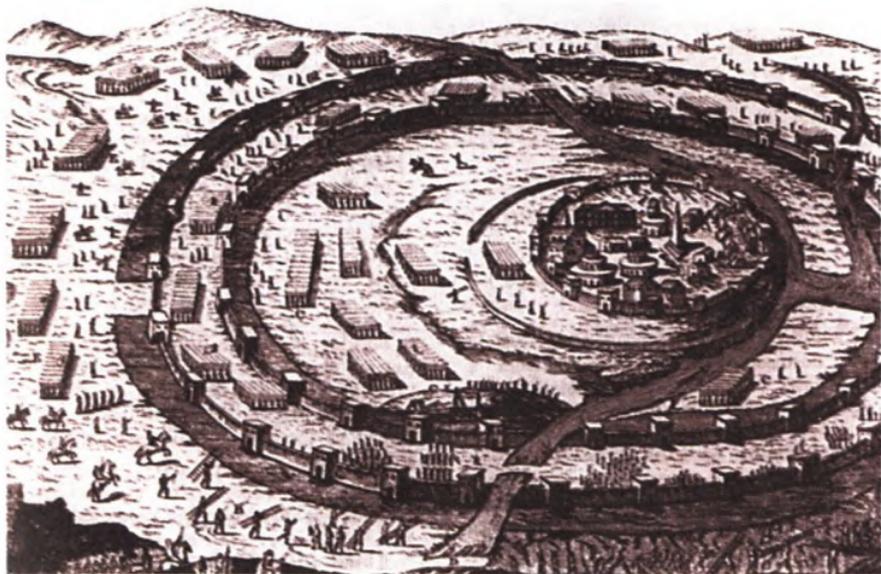
Императорская привилегия. Эта монета с портретом Цезаря была первой римской монетой с прижизненным изображением человека

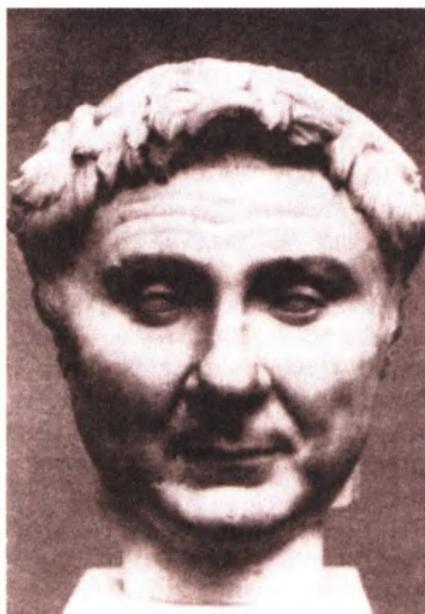
Верцингеторигс

Галльский вождь времен Гая Юлия Цезаря. Авиньон. Музей Кальве

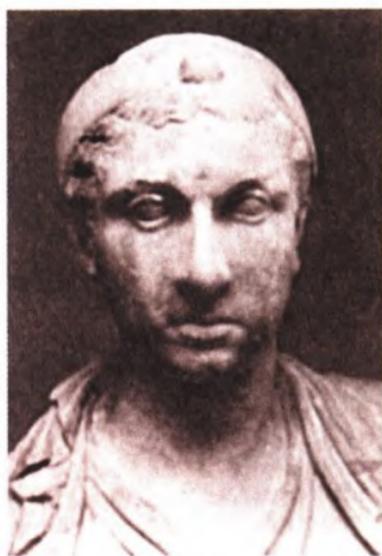
Осада Алессии

Помпей

Бюст Катона Утического

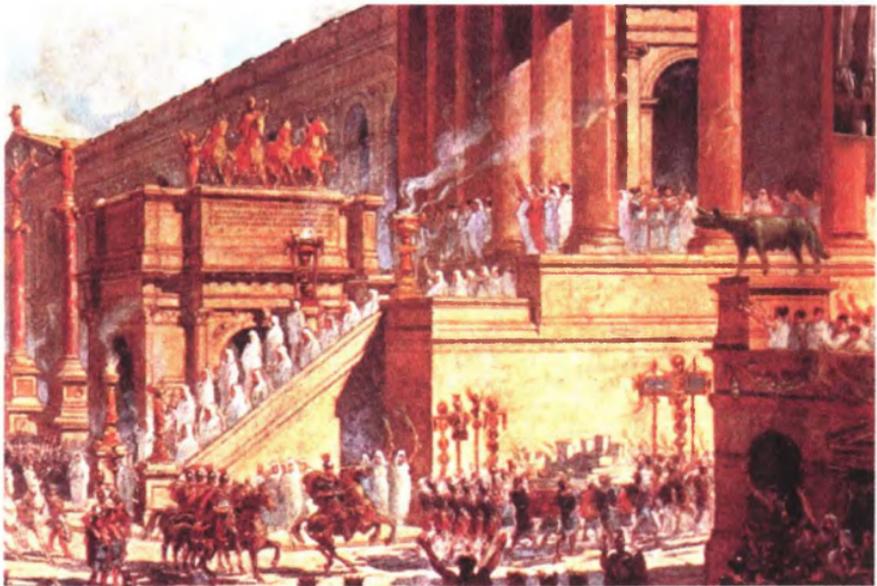
Клеопатра VII. Ватикан

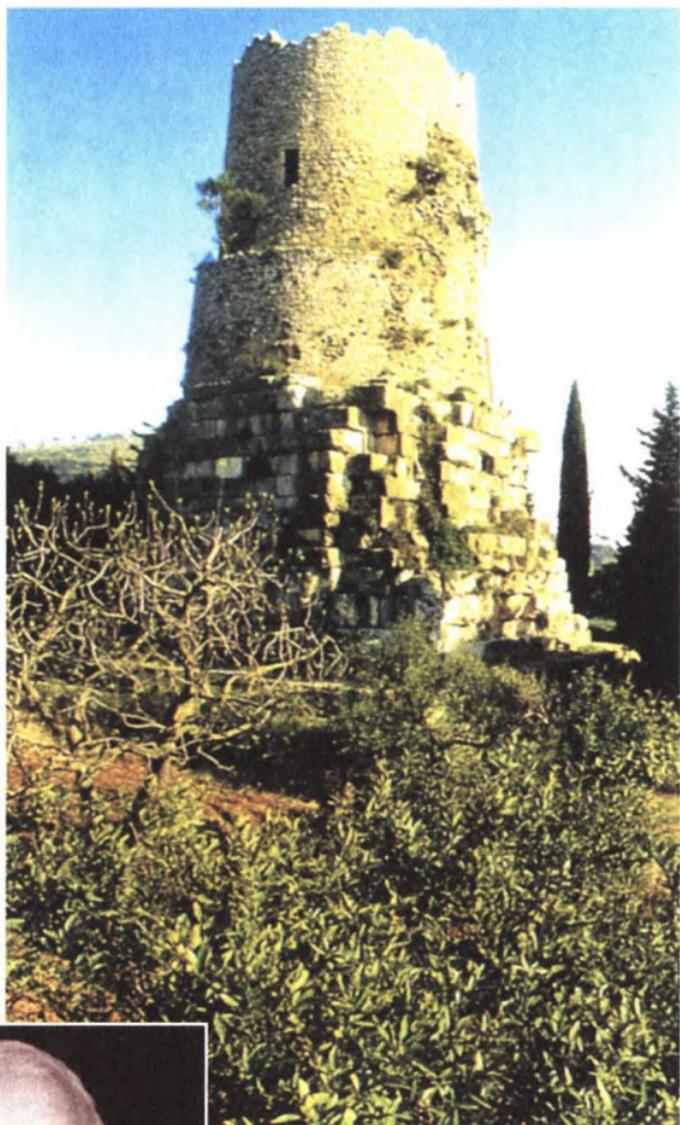
Клеопатра. Монета. Париж.
Национальная библиотека,
кабинет медалей

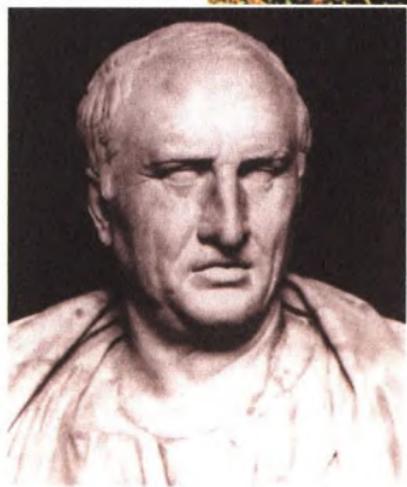
Клеопатра. Известняк. Лондон.
Британский музей

Момент триумфа. Гравюра *И. Гоффбауэра* (1919), изображающая триумфальный кортеж, шествующий по Римскому Форуму

Гробница Цицерона в Формии

Цицерон

Марк Антоний

Брут

Мартовские иды. На картине *Винченцо Камуччини* (1771 — 1844) воспроизведена сцена убийства Цезаря

Храм Фортуны Вирилис на Бычьем
рынке в Риме

Дева-весталка, одна из
жриц-хранительниц
вечного огня в храме
Весты на форуме

Реконструкция Рима времен Империи. На первом плане — часть города с Большим Цирком, на втором — Колизей

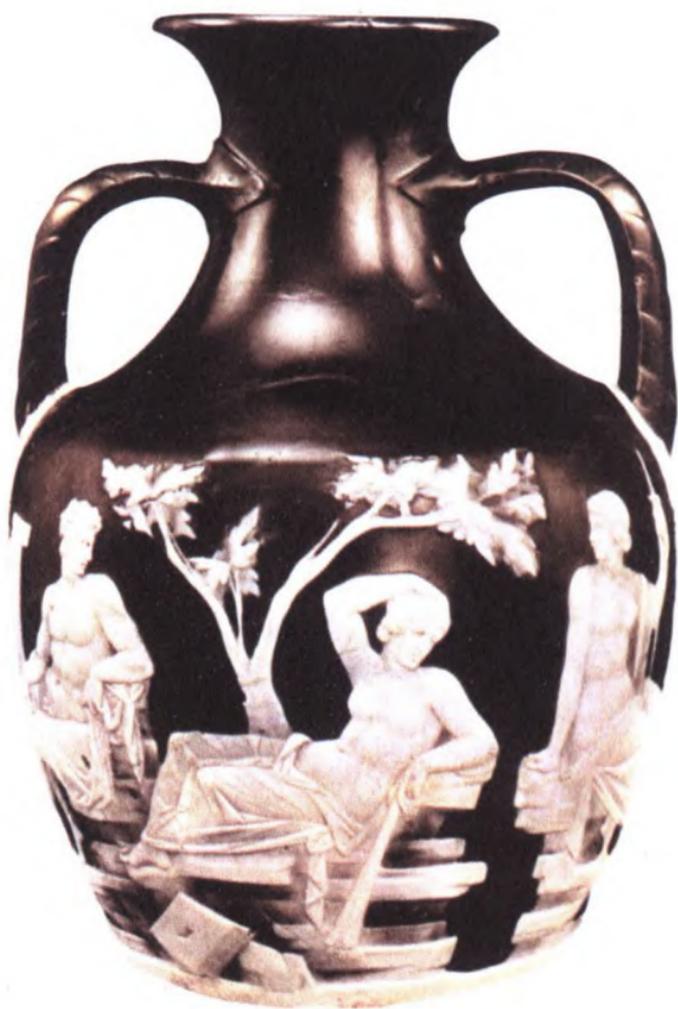
Август

Саллюстий

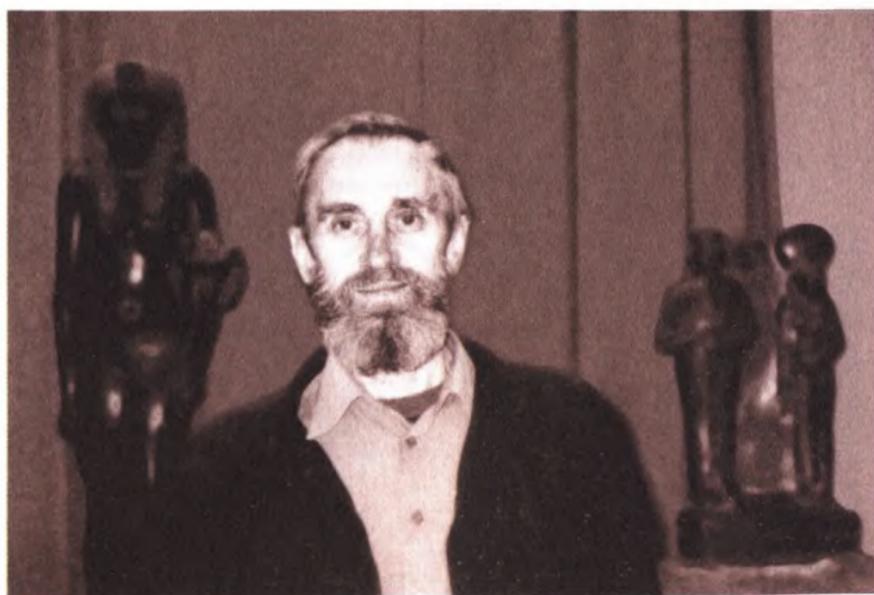
Театр Мериды. Один из сохранившихся римских театров в Мериде (Испания)

Изысканная Портландская ваза
времен Августа

Публичное жертвоприношение. Фрагмент рельефа из Рима, на котором изображены приготовления к жертвоприношению богам

Автор книги А. М. Петряков в залах Эрмитажа

разговорчик с Цезарем. Те, конечно, весьма были удивлены: как, Думнориг, за которым приставлена слежка? Не может быть! Но так как опровержения от самого главного начальника не было – не мог же он публично отказаться от своих слов, сказанных в приватной беседе, – то они крепко призадумались. Так что у Думнорига были шансы. Были. Простой народ был за него, а проституирующая элита побита невзначай сказанными словами Цезаря.

Но у проконсула были совершенно иные планы относительно Думнорига, коему были свойственны «беспокойный дух, властолюбие, отвага и большой авторитет у галлов». Он видел его насквозь и был абсолютно убежден, что стоит ему отвернуться, как Думнориг не задумываясь вонзит ему в спину нож. С такими патриотами надо держать ухо востро, хоть они в твоей власти и добросовестно проливают кровь «для пользы и славы римского народа».

Так вот когда весной следующего года экспедиция была подготовлена и построены новые корабли, более вместительные и лучше приспособленные для плавания в океане, он вместе с другими приказал и Думноригу сопровождать его в Британию. Тот стал отказываться.

А почему же Думнориг не хочет покорить в Британии?

Эдуй ответил, что он не прочь и очень даже не прочь, но он боится моря, он совершенно сухопутный человек, плавать не умеет, и при всей его очевидной храбрости, в чем Цезарь не раз мог убедиться на суше, на море он просто бесполезный червяк. Нет, он не поплывет в Британию.

Чепуха, заявил проконсул, теперь выстроены такие корабли, что любая буря им нипочем, бояться нечего.

Думнориг стал приводить другие причины, теперь уже религиозного характера, не позволявшие ему пересекать океан, на что Цезарь попросту не обратил внимания, и никакие другие доводы начальника эдуйской конницы его не убедили. Думнориг, как и многие другие вожди галльских племен, поплывет в Британию. По крайней мере, ему, Цезарю, будет там с ними спокойнее, чем без них.

Погода, впрочем, не благоприятствовала отплытию — сильный норд-вест не давал возможности отчалить более трех недель. Все это время Думнориг вел себя плохо: постоянно общался с галльскими князьками и убеждал их не плыть с проконсулом, замыслившим, по его словам, уничтожить в Британии всю галльскую знать, как ненадежную, способную к сопротивлению. Здесь, на глазах галльских народов, он не решается этого сделать. И он вел такую пропаганду все три недели, пока дул проклятый норд-вест. Цезарю, конечно, все было известно от осведомителей из числа тех же князьков.

Но вот, наконец, ветер стих и была объявлена посадка на корабли. Началась неизбежная в такие часы суматоха, и Думнориг сумел этим воспользоваться, удрав с небольшим отрядом всадников. Когда об этом доложили Цезарю, он отправил за беглецом погоню «с приказом вернуть его, если же он окажет сопротивление и не послушается, то убить».

Думнориг, когда его догнали, конечно же «оказал сопротивление, стал защищаться с оружием в руках», при этом «не раз кричал, что он свободный человек и гражданин свободного государства».

Свободный человек! Варвар не может быть, по римским понятиям, свободным человеком, тем паче гражданином государства. Какого, спрашивается, государства? Эдуйского? Разве такое есть? Есть пока еще не до конца покоренная Дальняя Галлия, римская провинция со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами и, разумеется, весьма куцыми правами местного населения, которые в любой момент могут быть урезаны вплоть до продажи в рабство. Об этом-то Думноригу было известно, и его предсмертные слова — это чистейший идеализм, недалекие мечтания дерзкого провинциального князька.

Его прирезали на глазах его же людей. Те и пальцем не пошевелили, чтобы встать на его защиту. Они были поумнее: плетью обуха не перешибешь, надо жить и действо-

вать в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Этой житейской мудрости простого обывателя свободолюбивый патриот Думнориг, похоже, был начисто лишен.

Вот такая история, читатель. Она вам ничего не напоминает в нашей современной истории? Не будем наталкивать на факты, их более чем достаточно, взять хотя бы самые свежие с точки зрения историка события в Югославии или Ираке.

Итак, Цезарь оставил на материке верного своего славного помощника Лабиена с тремя легионами, чтобы он тут смотрел в оба, а сам с пятью легионами на восьмистах кораблях отправился в Британию.

Но берега туманного Альбиона вновь оказались негостеприимны для завоевателя. Едва он высадил войско на берег и начал боевые действия, как разыгравшаяся буря выбросила все корабли на сушу и «эскадра понесла большой урон». Пришлось солдатам потрудиться, чтобы вытащить весь флот на берег и обнести его валом.

Военные действия в незнакомой лесистой местности шли из рук вон плохо; потому, как признает сам полководец, что «наша пехота со своим тяжелым вооружением не вполне пригодна против подобного врага, так как она не в состоянии преследовать отступающих и не решается выходить из строя». Похоже, Цезарь столкнулся здесь с партизанской тактикой рассыпного боя, которого римская армия, привыкшая сражаться в строю, не знала. Враги мелкими группами выбегали из леса и нападали на легионы, а не шли сражаться стенкой на стенку. С этой тактикой Цезарь ничего поделать не мог по им же самим изложенным причинам.

Почему же гениальный полководец не перенял эту тактику ведения боя у британских кельтов? Посчитал для себя унижительным, не достойным, не цивилизованным? Но не только его гордыня тому причиной. Ломка традиций в такой косной структуре, как армия, дело непростое, требующее времени на перевооружение, переобучение и так далее, – а для Цезаря армия была постоянно необходимым

инструментом, и в условиях войны у него не было возможности заняться серьезной реконструкцией. Да в общем-то и большой нужды не было – от добра добра не ищут, – ведь победы следовали одна за другой. Любопытно, что и с изобретением смертоносного огнестрельного оружия европейские армии вплоть до наполеоновских войн сражались в сомкнутом строю.

Итак, экспедиция в Британию, можно сказать, не удалась, но прибавила Цезарю дополнительную славу завоевателя – он действительно потрепал там прибрежные племена, наложил на них дань и убрался на материк под предлогом волнений в Галлии. Он оставил в «Записках» описания самого острова и некоторые этнографические зарисовки о том, что британцы не едят из религиозных соображений зайцев, гусей и кур, питаются в основном молоком и мясом, одеваются в шкуры и земледелием себя не утруждают; они «красятся вайдой, которая придает их телу голубой цвет», волосы носят длинные, но бреются, оставляя усы.

Да и вообще, если верить Светонию, то он сплавал в Британию лишь потому, что надеялся найти там жемчуг. А эти матовые шарики очень высоко ценились в столице. Вспомним пресловутую жемчужину, которую Цезарь подарил своей любовнице Сервилиии, стоимостью шесть миллионов сестерциев; если учесть, что фунт золота стоил четыре тысячи сестерциев, то прикиньте, сколько она «весила» в золотом эквиваленте.

Галлия между тем вновь начала бурлить и наполняться интригами, изменами, заговорами и мятежами. Она уже не была прежней изобильной и цветущей страной. Хоть племена между собой враждовали всегда, но таких масштабных разрушений городов, потрав полей, такого повсеместного хищного грабежа, какой учинили римляне, Галлия не знала.

Мощная волна вооруженных восстаний прокатилась по всей стране, причем в качестве союзников к галлам присоединялись и зарейнские германцы. В некоторых сражени-

ях легаты Цезаря терпели жестокие поражения и войска несли большие людские потери. После этого Цезарь был вынужден изменить политику кнута и пряника по отношению к племенным лидерам. Многие из них разделили судьбу Думнорига. Запуганная знать покорно платила дань, но обездоленный народ уже не хотел подчиняться царькам, которых проконсулу приходилось тасовать, как старую колоду. Ему приходилось быть в курсе всех интриг десятков разных племен, вникать в их непростые взаимоотношения, думать, как поступить с тем или иным – себе на уме – князьком, но все было, по большому счету, напрасно – мятежи вспыхивали постоянно, и их приходилось подавлять с еще пушей жестокостью. Галлия стала казаться выжженной пустыней с развалинами городов. То, что можно было сохранить, было вывезено галлами в леса, чтобы самим не умереть с голоду. Никому не хотелось кормить десять римских легионов и платить к тому же дань звонкой монетой, да и свобода ведь, по определению Цезаря, это всеобщее достояние и к ней стремятся все, кто ее не имеет.

На этом фоне у галлов появляется лидер нового типа из племени арвернов по имени Верцингеториг. Этот молодой человек был сыном, как пишет Цезарь, того, кто «стоял некогда во главе всей Галлии, но за свое стремление к царской власти был убит своими согражданами».

Напомним читателю, что автор этих строк Гай Юлий Цезарь был убит уже своими согражданами именно за это. Удивительно, что история ничему не учит даже таких гениальных ее творцов, как герой этой книги.

Верцингеториг оказался очень способным и дальновидным политиком. Он осознал, что те методы борьбы с завоевателями, что до него вели его соплеменники, изначально обречены на провал по многим причинам, но главным, помимо разобщенности, было отсутствие общего плана и верной стратегии ведения войны против захватчиков.

Стратегию и методы он отчасти позаимствовал у Цезаря. Стал брать заложников у тех народностей, что вступа-

ли в его армию, где была установлена жесткая дисциплина. Войско вождь вербовал не с помощью царьков с их продажным окружением, а среди самого народа, лишённого крова и пропитания, которому нечего было терять, — они пробавлялись лишь грабежами и воровством друг у друга того, что удалось утаить от захватчиков. Дисциплина строилась не только на патриотизме, но и подкреплялась жестокостью. Если уши плохо слышали приказание начальника, а глаза плохо видели цель, то такие уши обрезались, а глаза выкалывались. Таким образом, ему удалось создать неплохую армию, которая строго подчинялась приказам.

Еще один способ ведения войны был позаимствован у завоевателя: принцип выжженной земли. Поля сжигались дотла, если не было возможности собрать с них хлеб и увезти. Все города и деревни, где бы неприятель мог отдохнуть и пограбить, также превращались в руины.

И все же большой и хорошо укрепленный город Аварик, который Верцингеториг также намеревался спалить, его сподвижники уговорили оставить, ссылаясь на неприступность, — он был окружен рекой и непроходимыми болотами, к нему можно было подойти только в одном хорошо защищенном месте. К этому нетронутому городу и стянулись войска Цезаря в надежде найти здесь пищу и добычу.

У Верцингеторига хоть и не поднялась рука разрушить Аварик, все же остался горький осадок от того, что он поступает вопреки своей логике и совершает стратегическую ошибку. Он прекрасно знал, что все ранее защищаемые галлами города расщелкивались противником как орехи и они доставались ненасытным римлянам вместе с женщинами, продовольствием, накопленным золотом и другими ценностями. Но он надеялся, что на этот раз сможет противостоять римлянам, применяя их же методы. Если легионеры подкатывали осадные башни и так называемые «галереи», то защитники делали подкопы и все сложные технические осадные приспособления оказывались погребенными в провалах.

Сам он вместе со своим войском не находился в самом городе, а поблизости, не давая оголодавшим солдатам противника никакой возможности добыть еду в окрестностях. Все попытки найти пропитание в ближних и даже далеко расположенных селениях пресекались вездесущей конницей Верцингеторига, несмотря на то что Цезарь прибегал ко всевозможным хитростям: менял направление, высылал команды фуражиров по ночам и так далее.

Проконсул оказался в невозможном положении. До этого ему не доводилось иметь таких неразрешимых проблем с продовольствием. А Аварик стоял насмерть. Дисциплина и самоотверженность были там на высоте. Полководец описал поразивший его эпизод осады: защитники, лившие на осаждавших горячую смолу и сало, поражались стрелами, но на их месте появлялись другие и делали то же дело. Казалось, они были просто неистребимы. Верцингеториг мог с полным правом говорить своим сподвижникам, что «изнурил голодом большую победоносную армию».

И он было дрогнул. Собрал сходку и сказал, что не может больше видеть, как его верные солдаты изнурены голодом и безуспешными попытками взять Аварик. И предложил прекратить осаду и уйти. И что же он услышал в ответ? Нет, сказали солдаты, ни за что они не уйдут отсюда, пока не возьмут город. Если они уйдут, это станет для них просто позором, и не только для них, но и для всего римского народа. Цезарь был очень тронут такой преданностью и горд, что сумел за шесть лет воспитать такую армию. В начале войны его легионеры боялись даже рассказней о грозных германцах, а теперь перед ним дисциплинированные, доблестные, бесстрашные, закаленные в бесчисленных схватках солдаты, готовые ради Юлия Цезаря на любые подвиги и лишения. Он был так растроган, что подарил им Аварик. Если город будет взят, сказал он, то будет отдан им на полное разграбление. Он отказывается от своей проконсульской доли.

В конце концов и у осажденных закончились припасы, и они, по приказу Верцингеторига, решили покинуть город под покровом ночи. Но женщины... ох уж эти женщины! Они подняли вой, что их хотят оставить вместе с детьми на ужасные насилия врагам, и не хотели отпускать защитников из города. Но распоряжения молодого вождя надо было исполнять. Глаза и уши дороже бабьих истерик. Тогда проклятые бабы дали знать врагам, римлянам, что их мужья затеяли бежать. Вот такое случилось, прямо скажем, предательство со стороны слабого пола.

Римлянам удалось-таки усыпить бдительность осажденных, и во время проливного дождя легионеры ворвались в город. И началась резня. При этом, как свидетельствует полководец, «солдаты не дали пощады ни дряхлым старикам, ни женщинам, ни малым детям».

Из четырех тысяч осажденных восемьсот все же уцелели и благополучно прорвались к своим. Верцингеториг на другой день собрал собрание и сказал: ну вот, видите? А что я вам говорил? Цезарь возьмет любую крепость, и Аварик не мог быть исключением. У римлян есть хитроумные машины, против которых мы бессильны. Мы должны воевать другим способом. Вот если бы мы сожгли Аварик, тогда враг был бы уже повержен, он не смог бы от голода даже доползти до своей Италии. Но не надо отчаиваться, утешал он своих, наше дело правое и, значит, победа обязательно будет за нами. При этом надо помнить, что на войне бывают ошибки и нельзя ждать каждодневных успехов. Наше спасение состоит в единстве, уверял он своих, и только в единстве. Если нам удастся объединить все галльские племена в один союз, то победить нас никому не удастся. И не города надо строить и защищать, как это мы делали раньше, а надо учиться у римлян строить военные лагеря. Вы посмотрите, как много они трудятся, прежде чем поселятся в своей временной крепости, откуда они могут стремительно наступать, а при нужде успешно обороняться. Ну и так далее.

Присутствовавшие на собрании единогласно и с шумом одобрения встретили слова своего лидера, и Цезарь, объективности ради, констатировал, что «в то время как неудачи полководцев обыкновенно умаляют их авторитет, влияние Верцингеторига, наоборот, от понесенного поражения только стало со дня на день увеличиваться».

И это действительно так. К нему стали примыкать не только постоянно воюющие с римлянами племена, но и те, что считались «замирёнными». Верцингеториг и тут продолжал копировать стратегию своего врага. У него были золотоносные рудники, и он покупал себе сторонников среди колеблющихся князьков, а также среди уже готовых коллаборационистов.

Для Цезаря стало просто шоком, что эдуи, представляете, эдуи, его верные и обласканные вассалы, тоже оказались предателями! Он потребовал от них десять тысяч пехоты и всю конницу для борьбы с зарвавшимся Верцингеторигом, а они повели этих солдат его врагу! И они пришли бы к восставшим, не прояви Цезарь быстроту, когда узнал, что эдуйская пехота идет не туда, куда надо. Он, слава богу, сумел перехватить колонну, однако пора было делать выводы. Правда, с эдуями он сам был отчасти виноват: не на того поставил. На место правителя эдуев было два претендента, и надо было ставить того, кто будет более зависимым от римлян, а он выбрал того, у кого и без Цезаря были все права на трон. Он-то и начал втравливать свой народ в новую кампанию против благодетеля.

Цезарю, однако, пришлось сделать хорошую мину при плохой игре. Когда послы эдуйской верхушки пришли оправдываться, он сказал им «со всей ласковостью, на какую был способен: из-за глупости и легкомыслия черни он не намерен принимать какие-либо крутые меры против всей общины и лишать эдуев своего обычного благоволения». Еще бы он рискнул принимать суровые меры против эдуев, единственных союзников, когда практически все галльские племена стекались к Верцингеторигу.

После сдачи Аварика галлы сломали мосты на реке Элавер, чтобы противник не смог переправиться на другой берег и подойти к столице арвернов Герговии, куда римляне все же двинулись другим берегом, надеясь найти переправу или брод. Оба войска двигались по разным берегам на виду друг у друга, поэтому Цезарю пришлось пойти на хитрость, чтобы переправить свои войска: он спрятал пару легионов ночью в лесу и рассредоточил своих солдат так, чтобы галлам с другого берега казалось, что римляне в полном численном комплекте. Утром обе армии двинулись дальше, а оставшиеся легионы занялись постройкой моста на старых сваях.

Таким образом римлянам удалось перейти на другой берег и подойти к Герговии. «Осмотрев местоположение города – он лежал на очень высокой горе и все подступы к нему были трудны, – Цезарь оставил всякую мысль о штурме и даже к блокаде решил приступить только после полного урегулирования продовольственного дела». Оно и понятно: под Аварином его солдаты наголодались, и он не хотел еще раз подвергать их такому испытанию.

Осада в той или иной степени протекала благополучно, причем Цезарю приходилось отвлекаться на Верцингеторига – он занял удобные позиции перед городом и постоянно тревожил своей конницей осаждавших. Цезарь пытался с помощью фортификационных работ и сложной осадной тактики приблизиться к воротам, и в свое время он подготовил бы штурм, но его неразумные солдаты, можно сказать, испортили ему весь праздник. Когда первая линия обороны в определенный момент была сломлена, а для следующего этапа осады необходимо было подготовиться, его солдаты «вообразили, что для их храбрости не существует ничего непреодолимого» и, несмотря на звуки трубы об отбое и приказы офицеров, часть солдат прорвалась таки к воротам. В городе тут же началась паника, при этом женщины выскочили на стену, стали трясти голой грудью, швыряли солдатам одежду и золото, умоляя их пощадить,

не делать того, что в Аварике. Более того, чтобы еще слабее умиловить нападавших, некоторые из женщин слезли со стены и стали тут же отдаваться под добродушный хохот солдатни.

На шум прибежали защитники города и с остервенением оскорбленных самцов двинулись на врага и смяли его. В это же время войска Верцингеторига напали на другие подразделения римлян, и в результате сражения прославленный полководец был вынужден с горечью констатировать, что «наши, теснимые со всех сторон, были сбиты с позиции и потеряли сорок шесть центурионов». Это только центурионов, а солдат «без малого семьсот». О количестве раненых не сообщается.

На другой день он собрал сходку и сделал своим солдатам строгий выговор. Ну какого черта они полезли без приказа к воротам крепости? Что им там надо было? Захотелось баб? Ну и что вышло? Он, конечно, восхищен их героизмом и храбростью, но еще раз предупреждает категорически, чтобы без приказа никуда не лезли и не считали бы себя умнее его, Цезаря, гениального полководца.

Герговия так и осталась не взятой, войска прославленного Цезаря оказались побитыми, и ему ничего не оставалось делать, как, скрепя сердце, признать свое поражение и отступить, тем более эдуй окончательно переметнулись к восставшим, и надо было спасти казну, запасы хлеба, заложников и лошадей для конницы, находившихся в эдуйском городе Новиодуне.

Но этого он сделать не успел. Эдуй захватили город, перебили стражу, поделили между собой деньги и лошадей, а хлеб, что могли увезти – увезли, а остальной, чтобы не достался римлянам, потопили в реке. А заложников отправили в эдуйскую столицу Бибракте, где вскоре состоялся общегалльский съезд. Здесь присутствовали представители всех племен Галлии от Пиренеев до Рейна, за исключением трех, два из них сохранили верность Риму (ремы и лингоны), а третье – треверы воевало с германцами. Об-

суждался план дальнейшего и окончательного изгнания римлян из Галлии, при этом на лидерство в военном командовании пытались претендовать недавно переметнувшиеся к восставшим эдуи, но авторитет Верцингеторига был так велик, что он был вновь провозглашен главнокомандующим. Он сказал на съезде, что будет придерживаться прежних методов: в генеральное сражение не ввязываться, сжигать поля и усадьбы и, пользуясь конницей, препятствовать римлянам добывать фураж и пропитание.

А положение Цезаря на тот момент можно было назвать просто критическим. Ему не оставалось ничего другого, как уйти из Дальней Галлии, которую он за истекшие шесть лет так и не сумел покорить, несмотря на бесчисленные победы и всевозможные дипломатические хитрости. На военном совете легаты советовали ему немедленно двинуться в Провинцию, чтобы не допустить заразу восстания и на эту старую римскую вотчину. Но Цезаря беспокоила судьба легионов Лабиена, стоявшего под Лютецией (Парижем). Он решил с ним соединиться в городе Агединке. Лабиен, получивший приказ Цезаря, сумел переправиться на левый берег Сены и нанести серьезное поражение галлам. Когда обе армии соединились, Цезарь принял решение об отступлении в Провинцию. При этом, зная о превосходстве галльской конницы, он посылает эмиссаров за Рейн, чтобы привлечь в свою армию германскую кавалерию. Как ни странно, немцы пришли и воевали затем не за страх, а за совесть (может и потому, что галлы всегда были и оставались врагами германцев вплоть до нынешних времен, во всяком случае во Вторую мировую войну они были по разные стороны).

Верцингеториг ликовал. Его верная тактика ведения войны дала замечательные плоды: обескровленный и потрепанный враг уходит с его родины. И у него возник соблазн после того, как эдуи и другие вновь примкнувшие к нему племена значительно увеличили его и без того внушительное войско, потрепать еще раз прославленные легионы

Цезаря и не дать им уйти в Ближнюю Галлию живыми и здоровыми. Теперь он решил, что у него достаточно сил и для генерального сражения, которого он прежде, следуя своему плану, старательно избегал.

И это было серьезной ошибкой. Было решено напасть на отступавших римлян во время марша, когда войска растянута и отягощены обозом. Галльские всадники поклялись «не принимать в дом и не пускать к детям, родителям и женам никого, кто два раза не проскачет сквозь неприятельскую колонну». На другой день Верцингеториг разделил свою конницу на три отряда, два из которых напали на римлян с флангов, а третий ударил в лоб. Цезарь также поделил всадников на три эскадрона для активного противодействия врагу, а пешее войско выстроилось в каре вокруг обоза. Отличилась в этом сражении и, можно сказать, принесла победу римлянам германская конница. Немцы вышибли галлов с прилегавших возвышенностей и при поддержке легионеров обратили врага в бегство. Верцингеториг вместе со своим пешим войском вынужден был укрыться в расположенной поблизости крепости Алесия. Тут он почему-то изменил своим принципам: жечь города и не замыкаться в крепостных стенах. Но ситуация была не из лучших: надо было спасать войска.

Итак, в августе пятьдесят второго года Верцингеториг был осажден в Алесии, где припасов было ровно на месяц, если иметь в виду его восьмидесятитысячное войско, но там было и местное население – женщины, дети и старики, и у них тоже имелись желудки.

Теперь посмотрим на Алесию сверху: это плато овальной формы, омываемое двумя притоками Бренны, возвышавшееся над равниной отвесными уступами высотой двести пятьдесят метров. Взять штурмом такие высокие, сооруженные природой «стены» практически невозможно, все осадные приспособления в этом случае оказывались совершенно бесполезными, и, кроме блокады, других вариантов у Цезаря не было. При этом надо

было иметь в виду, что к Алесии должны были стянуться на выручку Верцингеторигу значительные войсковые группировки.

Исходя из этого, Цезарь придумал действительно гениальный ход: он сделал двойную линию укреплений. Первую против возможных вылазок осажденных, а вторую – против ожидаемого подкрепления. Таким образом легионы оказались защищенными с двух сторон и в то же время запертыми между двух окружностей. Перед внешней линией укреплений, за валами, хитроумные латиняне понаделали замаскированных ям с острыми кольями и прочими приспособлениями и ловушками, давая им иной раз поэтические названия – «могильные столбики», «лилии», «олени» и так далее. Говоря современным языком, все поле перед валом было заминировано.

Цезарь в своих «Записках» довольно подробно описывает фортификационное устройство своих укреплений, занимавших в окружности одиннадцать миль. Эти отчасти сохранившиеся на территории современной Франции сооружения строили не покладая рук солдаты Цезаря, а у него тогда было одиннадцать легионов, стало быть около пятидесяти тысяч человек.

Едва римляне начали строить укрепления, осажденные тут же сделали вылазку и атаковали конницей. Но и на этот раз германцы оказались на высоте и при поддержке пехотных войск Цезаря загнали врага обратно в их лагерь, расположенный рядом с крепостью.

Верцингеториг вынужден был осознать, что ему не прорваться без помощи извне, поэтому пользуясь тем, что укрепления римлян были еще не сплошными, под покровом ночи отправляет свою конницу с поручением как можно скорее подтянуть к Алесии подкрепления.

Возникает вопрос: а почему галльский главнокомандующий, вопреки своей стратегии, остался в Алесии, а не ушел из нее вместе с конницей, раз у него была такая возможность? Вероятно, у него были на то свои соображения,

но именно это его и погубило. Если бы он сам организовал снятие блокады, результат, быть может, был бы иным.

Но подмога не торопилась. Сами понимаете, племен много, у каждого свои амбиции, интриги, так что в месячный срок ополчение собрать не удалось. А когда четверть-миллионная армия галлов подтянулась наконец к Алесии, осажденные были изнурены голодом настолько, что вынуждены были изгнать из города гражданское население в надежде, что римляне сочтут их пленными и накормят, но Цезарь приказал не допускать их до своих укреплений, и эта толпа стариков, женщин и детей оказалась между стенами города и валами Цезаря. Их не пускали ни туда, ни сюда, и они постепенно усеивали это пространство своими трупами.

Полчища варваров с яростью ринулись на римские укрепления, но несмотря на их многократно превосходящие силы, им не удалось прорваться к расположенным на близлежащих холмах римским лагерям. Множество людей было поранено в ловушках, о которых мы писали.

Картину противостояния под Алесией в сентябре пятьдесят второго года схематично можно изобразить так: в середине крепость, похожая на усеченный конус, затем первая – малая – окружность укреплений Цезаря, а между конусом и окружностью голодное гражданское население, частью уже мертвое, а оставшиеся еще не теряют надежды за грамм зерна стать рабами. Вторая – большая окружность – это очень длинные по протяженности укрепления с «минными» полями перед ними. Между этими окружностями – войска Цезаря.

Подошедшие на выручку галлы пытаются взломать большой круг, а осажденные – малый, и, таким образом, идет сражение. «Цезарь, выбрав удобный пункт, видит с него, что где делается: где наших теснят, туда он посылает резервы». Наиболее уязвимой оказалась идущая по склону часть укреплений, и именно там начинается главная схватка. «Идет большая резня». Эту фразу Цезарь повторяет в

своих «Записках» достаточно часто. Полководец это прекрасно видит и приходит туда сам, в результате большой круг начинает как шар надуваться и теснить наседавших галлов. Они не выдерживают яростной атаки регулярной армии и обращаются в бегство. И если бы не утомление воинов и наступление темноты, еще многие варвары простились бы с жизнью под ударами мечей римских солдат, больших мастеров колоть и рубить.

Верцингеториг после этого сокрушительного поражения собрал остатки своих войск в крепости и сказал, что «начал войну не ради своих личных выгод, но ради общей свободы». Поэтому пусть соотечественники решат: выдавать его врагам живым или мертвым. Соотечественники решили спросить об этом Цезаря. Тот приказал выдать живым. Тогда великий галльский вождь, единственный, кто смог противостоять завоевателю на равных, одел свои самые лучшие одежды и на боевом коне выехал из крепости. Перед сидевшим на возвышении проконсулом он спешился и опустился на колени. Его заковали и отправили в Рим, где он еще долгих шесть лет будет дожидаться в тюрьме триумфа Цезаря; он пройдет среди других знатных пленников в процессии перед колесницей триумфатора, а затем его, следуя обычаям Рима, удавят.

Пленных под Алесией было захвачено так много, что Цезарь от своих щедрот подарил каждому солдату по рабу. Все были довольны. И седьмая книга «Записок о галльской войне» заканчивается такими словами: «На основании донесения Цезаря об этой победе в Риме назначается двадцатидневное молебствие». На пять дней дольше, чем предыдущее.

Собственно говоря, эти записки, как полагают историки, и были написаны после этой победы, когда он зимовал в городе Бибракте. Следующая книга, восьмая, повествующая о дальнейшем «замирении» Галлии, уже написана не им самим, а его легатом Гирцием, и мы лишь вкратце остановимся на событиях в Галлии в пятьдесят первом и пятидесятом

годах, ориентируясь уже на Гирция. Его стиль, конечно, не идет ни в какое сравнение с Цезаревым, и автор восьмой книги о войнах в Галлии уже в первых строках признает «красоту и обработанность» сочинений своего патрона и просит читателя даже и не сравнивать в этом смысле себя с писателем Цезарем. Что касается «обработанности», то едва ли наш герой занимался редактурой. Она ему была не нужна. Прежде чем что-либо занести на бумагу, точнее на волшебные дощечки, он точно формулировал это в голове, и это чувствуется в каждой строке его сочинений.

После такого поражения галлам, казалось бы, следовало смириться, принять условия победителя и стать еще одной дойной коровой, то бишь провинцией, римского народа. Но галлы, в отличие от привычных к рабству и подчиненному положению восточных народов, которые в результате завоевательных войн лишь меняли господина, отличались непокоряемым свободолюбием и ни под каким видом не хотели быть рабами.

Убедившись, что сколько бы они ни собирали людей для войны, а под Алесией их было двести пятьдесят тысяч, римляне все равно их победят силой оружия и стратегии, они решили поднимать восстания одновременно в разных местах, надеясь, что врагу будет не разорваться, и именно это может стать путем к свободе.

Вот об этих локальных сражениях, в той или иной мере значимых, и рассказывает Гирций. Наиболее ярким эпизодом, пожалуй, последним в галльских войнах, можно считать осаду Уксеелодуна. Племя кадурков, оборонявшее этот город, могло выдержать долгую осаду – у них было достаточно хлеба и оружия. Но Цезарь очень торопился, срок его полномочий в Галлии уже истекал и, зная о происках Помпея, не желавшего себе никаких соперников, он стремился как можно скорее закончить «замирение» и ехать в Рим.

Полководец был очень раздосадован таким оборотом дела. Крепость взять было никак нельзя, а долгую блокаду

он себе позволить не мог. Был придуман хитроумный план: крытую галерею подогнули под стены крепости, где был источник, снабжавший водой осажденных, скрытно провели подземные работы и «обесточили» водоносную жилу. Осажденные сдались не столько от жажды, сколько из убеждения, что источник внезапно иссяк не иначе как по воле богов.

Цезарь, как свидетельствуют древние историки, был склонен к милосердию. Хотя автору не совсем понятно, что же древние считали милосердием, если миллион убитых галлов во время девятилетней войны не служит свидетельством жестокости?

Во всяком случае, Цезарь побежденных обычно продавал в рабство, иных миловал и, взяв заложников, отправлял на прежнее место жительства, и лишь вожаков казнил; но в этом случае с кадурками он, вопреки обыкновению, по мнению древних, проявил жестокость: приказал всем защитникам Уксеелодуна отрубить правую руку. Представь себе, читатель, эту картину.

Впрочем, уходя из Галлии, ему не хотелось тут новых волнений, поэтому он прибег к тактике задаривания насажденных им царьков, надеясь на хотя бы временную преданность.

Отправляясь в Рим, он оставил вместо себя главным тут Тита Лабиена, что, как покажет уже ближайшее будущее, оказалось ошибкой: Лабиен перевернется на сторону Помпея, когда вспыхнет гражданская война.

ГЛАВА VII

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Цицерон писал, что «она гражданская в том смысле, что родилась не от разногласий среди граждан, а от дерзости одного падшего гражданина». Имеется в виду, конечно, Цезарь. Но объективности ради, если исходить из анализа источников, надо сделать вывод, что Помпей встал первым на тропу войны, демонстративно не выполняя тех обязательств, которые были приняты в Луке.

Событийную канву, предшествовавшую переходу Цезаря через Рубикон, мы уже очертили в четвертой главе. После взятия Аримина в начале сорок девятого года войска «падшего гражданина» стремительно двигаются к Брундизию, где находится Помпей со своим войском. Гражданская война развязана, хотя итальянские города сдаются Цезарю без боя. В Риме паника, все бегут в Капую, полагая, что на столицу идет новоявленный Сулла. В этой суматошной спешке консул Лентулл не успел вывезти даже государственную казну.

После того как почти вся Италия оказалась в руках Цезаря, Помпей принял решение покинуть Апеннинский полуостров. В Брундизии, где была морская гавань, он спешно собрал флот и удерживал некоторое время город от атак Цезаря. На кораблях были установлены башни, с которых метательными снарядами отражались попытки противника взять город. Все улицы были перерыты рвами и сдела-

ны непроходимыми еще и вбитыми заостренными кольями. Этим выигрывалось время для того, чтобы сделать все необходимые приготовления к бегству.

Когда, наконец, все было готово к отплытию, брундийцы, как пишет Цезарь в своих «Записках о гражданской войне», «возмущенные притеснениями со стороны помпеевых солдат и оскорбительным обращением самого Помпея», дали знать Цезарю сигналами из своих домов, что флот отплывает; предупредили они и о перерытых и «заминированных» улицах, и провели солдат к гавани обходными путями. Однако было уже поздно, удалось захватить лишь пару кораблей противника.

Преследовать неприятеля Цезарь не мог, кораблей не было, поэтому он направился в Рим. Было объявлено заседание сената, куда явились те, кто либо не успел, либо не захотел бежать вместе с Помпеем.

В своей речи к сенаторам Цезарь подчеркивал, что не хотел для себя никаких исключительных полномочий, а лишь в соответствии с законами и договоренностями с тем же Помпеем добиваться консульства, а не диктатуры, которая де факто была предоставлена сенатом Помпею. Он напомнил и об оскорблении и изгнании из Рима народных трибунов, а также и о том, что постоянно предлагал мирные переговоры.

Исходя из сложившейся ситуации, он предлагал сенату совместное правление, «но если они из страха будут уклоняться от этого, то он не станет им надоедать и самолично будет управлять государством». Вот так. Без обиняков.

И все же он предложил послать к Помпею переговорщиков, чтобы миром договориться о разделении власти, но никто не хотел ехать, потому что Помпей заявил перед отъездом, что того, кто останется в столице вместе с Цезарем, он будет считать своим врагом. Словом – «кто не с нами, тот против нас».

Убедившись, что сенаторы боятся Гнея Великого больше, чем его, он решил не терять даром времени и ехать в Испа-

нию, где были сосредоточены основные воинские контингенты противника. Необходимо было обеспечить тылы, прежде чем преследовать Помпея, находившегося уже в Греции.

Решил он прихватить и государственную казну, хранившуюся в подземельях храма Сатурна, но ему в этом хотел помешать народный трибун Метелл, резонно апеллировавший к законам и понятиям, что деньги государства не на то собирались, чтобы тратить их на междоусобную войну.

Цезарь на это сказал, по Плутарху, что «оружие и законы не уживаются друг с другом», и послал за людьми, чтобы взломать двери. Когда Метелл вновь попытался противодействовать, Цезарь посоветовал народному трибуну подорожить своей жизнью. «Знай, мальчишка, – сказал он, – что мне гораздо труднее сказать это, чем сделать».

Это изречение позже частенько будет повторять Нерон.

Итак, Цезарь присвоил пятнадцать тысяч слитков золота, тридцать тысяч слитков серебра и тридцать миллионов сестерциев звонкой монетой. Быть может, он считал их своими? Ведь за время Галльской войны он отправлял в казну немалые суммы. Но так или иначе, у него теперь были деньги для войны с помпеянами в Испании, куда он незамедлительно и отбыл.

Туда уже перебрался через Пиренеи из Нарбонской Галлии его легат Фабий с тремя легионами. Противник в Испании располагал семью легионами, но, на счастье Цезаря, они были рассредоточены: тремя командовал Луций Афраний в Ближней Испании, Марк Петрей находился в Дальней Испании с двумя легионами, а в Лузитании стоял тоже с двумя легионами Варрон.

На пути в Испанию Цезарю надо было пройти через Массилию (нынешний Марсель), но горожане закрывают перед ним ворота, заявив, что не намерены участвовать в распре, они лишь союзники Риму, и пока Помпей и Цезарь между собой не разберутся, а они оба одинаково массилийцами почитаемы, они не пропустят никого из соперников и будут соблюдать нейтралитет.

Это было, конечно, уловкой, потому что командовал обороной города злейший враг Цезаря Домиций Агенобарб. Он был, кстати, прапрадедом императора Нерона, и о нем Светоний пишет, что «человек он был слабый духом, но грозного нрава». Он был назначен сенатом преемником Цезаря в Галлии и на пути в Брундизий Цезарь осадил его в Корфинии; опасаясь плена, Агенобарб принял яд, но отравка оказалась слабой. Завоевав Корфиний, Цезарь его помиловал и отпустил, взяв обещание, что он не будет больше путаться у него под ногами, но Домиций вновь объявился в Массилии, куда привел боевые корабли.

Цезарь решил осадить город, но сделать это весьма трудно, если посмотреть на расположение Марселя. Для блокады необходим был флот, поэтому полководец приказал строить в Арле корабли, а сам попытался сделать то же, что и при осаде Аварика, но на сей раз эти попытки потерпели неудачу, да и времени у него не было, надо было спешить в Испанию на помощь Фабию, который застрял где-то возле Илерды. Он поручает вести осаду Массилии как с суши, так и с моря, и едет в Испанию.

Он появился там летом сорок девятого года и сразу попал в очень скверную ситуацию, подстроенную на сей раз не столько врагами, сколько погодой, – страшные проливные дожди принесли на реки большой паводок, что в тех краях не редкость и до сих пор, и построенные Цезарем мосты превратились просто в плавающий сор, добычу океана. Войска оказались отрезанными от поставок продовольствия, что должны были идти из Галлии. Положение Цезаря было настолько критическим, что его враги праздновали уже победу.

Узнавшие об этом колебавшиеся сенаторы стали покидать Рим и уезжать к Помпею. Так же поступил и Цицерон. Он долго сомневался и никак не мог принять решения, на чью сторону встать. Он говорил: «От кого бегу – знаю, а к кому – нет».

Однако Цезарь выстроил новые мосты и тем самым не только решил проблему снабжения своей армии, но и по-

лучил новые стратегические возможности для войны с Афранием и Петреем.

Ситуация меняется не в пользу противника еще и потому, что Цезарь сумел расположить в свою пользу местных князьков, ранее преданных Помпею, – щедрость и фортуна Цезаря завораживали всех. Кроме этого, хитроумный полководец путем новых фортификационных работ попытался отрезать противника от снабжения, и помпеянцы сделали попытку уйти в другую область Испании. До спасительных гор, где конница Цезаря не смогла бы их настичь, оставалось каких-то пять миль, но стремительным маршброском противник успел перекрыть путь к отступлению. У цезарианцев была настолько выигрышная позиция, что в случае сражения они без труда могли победить. Это видели все, даже рядовые, и они рвались в бой и требовали от полководца сигнала и команды.

«Но Цезарь стал надеяться достигнуть своей цели без сражения и без потерь, раз ему удалось отрезать противника от продовольствия: зачем же в счастливом бою терять кого-либо из своих? Зачем проливать кровь своих заслуженных солдат? Ведь задача полководца – побеждать столько же умом, сколько и мечом. Жалел он и своих сограждан, которых пришлось бы убивать; и он предпочел одержать победу так, чтобы они остались невредимыми...» Это цитата из «Записок о гражданской войне».

Поэтому вместо ожидаемого Афранием и Петреем губительного для них сражения Цезарь отошел от выгодной позиции и расположил свой лагерь рядом с лагерем противника.

Он знал, что делал. Когда полководцы противника стали делать заградительный вал, чтобы можно было беспрепятственно брать воду, и оба ушли из лагеря, солдаты стали ходить друг к другу в гости и брататься. Цезарь этому не препятствовал, а наоборот, поощрял. Его милосердие было высоко оценено солдатами соперника, они наперебой благодарили цезарианцев за то, что они не стали их

убивать в явно проигранном заранее сражении. Более того, они легко поддавались агитации цезаревых солдат, чтобы переметнуться к более щедрому и удачливому полководцу. А им, по большому счету, было все равно, на чьей стороне воевать. И они готовы были это сделать, но их беспокоила лишь судьба своих военачальников Афрания и Петрея. Если Цезарь, говорили они, даст гарантию, что он их помилует, то они с превеликим удовольствием... Даже офицеры, а среди них и сын Афрания, склонны были встать под знамена Цезаревой фортуны.

«Цезарь, по общему признанию, пожинал теперь великие плоды своей вчерашней мягкости, и его образ действий встречал со всех сторон полное одобрение».

Но не со стороны легата Петрея. Если Афраний известие о солдатском братании воспринял без особого возмущения, то Петрей раскипятился, приказал казнить обнаруженных в лагере цезаревых солдат (их спрятали и ночью дали спокойно уйти) и привел всех еще раз к присяге Помпею. Таким образом, противостояние продолжилось, но ненадолго.

Отрезанная от снабжения испанская армия помпеянцев стала перебегать к Цезарю большими массами, и полководцам пришлось идти на переговоры.

Во время встречи Цезарь стал выговаривать Афранию и Петрею свои претензии к Помпею, под знаменами которого они решили сражаться. Это Помпей, говорил он, стоял под Римом, облеченный диктаторскими полномочиями, и все его действия были направлены именно против него. С этой целью попирались традиции и законы: ему, завоевателю Галлии, не позволили, как всем победоносным полководцам, с триумфом вернуться в Рим и лишь после этого распустить свое войско, как это всегда и делалось. Ему не дали также баллотироваться в консулы и раньше установленного срока послали в преемники неблагодарного Домиция Агенобарба. Перечислив все свои обиды на Помпея, Цезарь сказал, что мог бы воспользоваться испанскими легионами Помпея

в своих целях, – он уверен, что солдаты с радостью пойдут за ним, – но он лишь хочет лишить Помпея вооруженной силы. Поэтому предлагает распустить войско, а им самим уйти с Пиренейского полуострова. Это соглашение состоялось в августе сорок девятого года.

Теперь, по окончании кампании в Испании, Цезарь отправился заканчивать осаду Массилии. Там в его отсутствие морскими операциями командовал Децим Брут, а сухопутными – Требоний. Оба воевали успешно, хотя Требонию долго не удавалось подвижными таранами и подкопами прорвать оборону и взять город. Но блокада сделала свое дело, и в конце сорок девятого года город сдался. И тут тоже проявилось великодушие победителя: он не стал устраивать резню, как это обычно бывало в Галлии, а просто лишил город всех его полисных привилегий: права чеканить монету, иметь войска, флот и так далее.

В это время в Плаценции вспыхнул мятеж в войсках Цезаря, получивших приказ идти в Брундизий для дальнейшей их переброски в Македонию, где Помпей уже успел собрать внушительные силы. Солдаты требовали обещанного жалованья и роптали, что устали воевать, – они девять лет проливали кровь в Галлии, а теперь и на родине их втянули в кровавую разборку, которая неизвестно когда закончится.

Цезарь не стал подавлять бунт военной силой, а сам приехал из Массилии и в своей речи к солдатам сказал, что война затягивается не по его вине, а что касается денег, то разве мало они получили в Галлии? Кроме того, они клялись ему в верности на всю войну, а теперь хотят бросить его на полпути. И тут же обвинил их в неподчинении командирам и объявил, что наиболее распоясавшийся девятый легион он накажет по закону предков, то есть казнит каждого десятого. Тотчас же раздались вопли о пощаде, а центурионы бросились ему в ноги.

Тогда он приказал выдать зачинщиков, а их оказалось сто двадцать человек; казнены были, таким образом, две-

надцать, причем среди этой дюжины оказался и невинный солдат, и по приказу полководца казни был предан оклеветавший его центурион.

Этот эпизод описан у Аппиана, а у Цезаря в его «Записках о гражданской войне» он не упоминается. Каждый пишет свою историю со своей точки зрения.

В конце ноября сорок девятого года после сдачи Массилии Цезарь приезжает в Рим. Его провозглашают диктатором, но он пробыл в этой экстраординарной должности всего одиннадцать дней. Ему была необходима полная легитимность своей власти при борьбе с Помпеем, поэтому он добился избрания консулом вместе с Сервилием Исавриком, сыном военачальника, у кого Цезарь в юности начинал военную службу.

Для кампании против Помпея ему нужны были деньги, и он не погнушался для этой цели изъять из храмов сокровища, и всю золотую утварь переплавил в денарии с надписью «Цезарь» (*Caesar*).

Сенат предложил Цезарю примириться с Помпеем и послать к нему переговорщиков, но Исаврик, второй консул, по неясным причинам этому воспротивился. Впрочем, и так было ясно, что Помпей ни на какие мирные переговоры не пойдет. Слишком велики у него были амбиции – ведь он реально правил государством, был в нем первым человеком и делить власть с Цезарем не намеревался. Обладая в Македонии крупными силами, он надеялся на верную победу над узурпатором, каковым считал соперника, несмотря на консульскую легитимность его власти.

А это был весомый козырь в руках Цезаря – он теперь как руководитель государства шел усмирять мятежников именем римского народа. Это придавало ему силы не только в Италии, но и на сопредельных территориях, где союзники и правители формально независимых государств вынуждены были в контексте международного права и этики поддерживать все же Цезаря, ибо Помпей на тот момент был всего лишь частным человеком.

Цезарю следовало поторапливаться, потому что Помпей стягивал силы со всех сторон, и его военное могущество увеличивалось со дня на день. Кроме выведенных из Италии пяти легионов, к нему примкнули уже в Македонии бежавшие от войск Цезаря сицилийцы, а также критские и македонские оккупационные легионы. На подходе были два легиона из Азии и добровольцы из Испании под командованием разбитого Цезарем Афрания. Из Сирии выступили еще два легиона под командованием тестя Гнея Великого Метелла Сципиона. И просто пощечиной Цезарю стало предательство Лабиена, также переметнувшегося к Помпею.

Почему же Лабиен так поступил? Ведь, казалось бы, он обязан Цезарю всем – и военной карьерой и высоким положением. Корень причины лежал отчасти в том, что завоеватель Галлии был страшным эгоцентристом, и это сквозит на каждой странице его «Записок». Он хоть и говорит о себе в третьем лице, но никого не подпускает и близко к своей славе, солнце его побед светит в полную силу только ему и никому больше. Он еще допускает, что какой-то лучик или отсвет падает на того или иного легата, он иногда даже сдержанно похваливает того или другого, но чаще говорит о них как о марионетках: как тот или иной выполнил его поручение, такова ему и цена. Это, пожалуй, главное. Он постоянно оставлял своих соратников в тени. Они были всего лишь винтиками в его военно-политической машине. Для Лабиена, талантливого полководца, имевшего достаточно много побед и без непосредственного руководства Цезаря, это было нетерпимо, ему хотелось хоть в какой-то степени чувствовать себя на равных с прославленным полководцем, умалявшим заслуги своего окружения. Помимо этого не надо забывать, что демократические начала были в основе всей общественной и политической жизни республики, в том числе и военной, – очень часто вопросы о наступлении или отступлении, стратегии и тактике ведения кампаний или отдельных сражений принимались коллегиально.

Но к этому мы еще вернемся в последних главах, а теперь глянем на военно-политическую ситуацию, для нашего героя в то время неблагоприятную. Во-первых, посланный в Африку с двумя легионами верный Курион потерпел от сторонников Помпея и царя Юбы сокрушительное поражение, при этом сам Курион, как пишет Цезарь в «Записках», мог спастись, когда стало ясно, что все потеряно, но «Курион твердо заявил, что после потери армии, вверенной ему Цезарем, он не вернется ему на глаза, и погиб в бою с оружием в руках». А ведь Курион не блистал нравственными качествами. Вот уже иной случай: верность господину до гробовой доски. И таких было большинство. Лабием оказался единственным, кто предал легендарного полководца. Говоря набившими оскомину, но в данном случае подходящими словами, Цезарь так хорошо «закалял сталь», что она ломалась, но не гнулась.

Цезарь на этом фоне очень спешил, и уже через декаду после приезда в Рим приступил к переброске своих войск в Грецию. Но кораблей в главной морской гавани Брундизии почти не осталось после бегства Помпея; пришлось консулу переправить лишь половину своей армии, причем флот противника, курсировавший вдоль побережья, чтобы помешать возможной высадке врага, проморгал это событие, ибо, как хвастливо пишет автор «Записок о гражданской войне», «Цезарь показался у материка раньше, чем мог прийти даже слух о его приближении».

Командовал флотом Помпея Бибул. Десять лет назад Цезарь исполнял вместе с ним консульские обязанности, и, как помним, Бибул в знак протеста против самоуправства напарника заперся у себя в доме и демонстративно не участвовал в управлении государством, и о нем ходили в ту пору такие стишки, приписываемые Катутулу:

*«В консульство Цезаря то, а не в консульство Бибула было:
В консульство Бибула, друг, не было впрямь ничего».*

После этого прокола Бибул наладил строгую сторожевую службу по всему побережью, не пропуская ни одной бухточки или другого удобного места для швартовки кораблей. Он так рьяно нес службу, что, несмотря на суровую зиму, сам жил на кораблях и за всем лично доглядывал.

Следующий отрывок под номером девять в третьей книге «Записок» посвящен гражданскому подвигу жителей города Салоны, осажденных помпеянами. «Они обратились к крайнему средству: дали свободу всем взрослым рабам, обрезали волосы у женщин и сделали из них веревки для метательных машин». Они не только выдержали осаду, но и, улучив удобный момент, прорвали блокаду и нанесли поражение помпеянам, обратив их в бегство. Вот такой любопытный эпизод помещен здесь Цезарем с целью убедить читателя, на какие невероятные жертвы шли ради его правого дела даже греческие женщины. А древние говорили: «Небо украшают звезды, женщин – волосы, а мужчин – бороды».

Цезарю необходимо было выиграть время для того, чтобы дождаться эвакуации оставшихся в Италии войск, поэтому он еще раз решил пойти на мирные переговоры со своим соперником. Посланцем стал попадавшийся дважды в плен к Цезарю помпеевский префект Вибуллий Руф, который должен был передать Помпею следующее: «Оба они должны, наконец, отказаться от своего упорства, положить оружие и больше не испытывать военного счастья». Аргументы приводились такие: Помпей выдворен из Италии, потерял обе Испании, Сицилию, Сардинию, а Цезарь тоже потерпел поражение в Африке. «Поэтому им пора пощадить друг друга и государство».

Для Помпея стало полной неожиданностью известие о высадке войск Цезаря на Балканах – он предполагал, что за отсутствием плавсредств противник пойдет в Грецию сухим путем. Обеспокоен он был и тем, что македонские города открывали перед соперником ворота, как перед главной законной верховной властью Рима.

А на переданные Вибуллем предложения своего врага он ответил: «Зачем мне жизнь, зачем мне гражданские права, если дело будет иметь такой вид, что ими обязан милости Цезаря?»

После получения этих тревожных вестей Помпей поспешил к Диррахию, где были сосредоточены запасы продовольствия и оружия, не останавливаясь даже по ночам. Цезарь также устремился туда же, намереваясь раньше противника овладеть этим важным пунктом, и они, как пишет Аппиан, «как бы состязались в беге». Помпею удалось все же первым достичь Диррахия.

Оба полководца разбили свои лагеря неподалеку друг от друга и не стали предпринимать никаких военных действий. Цезарь по причине нехватки войск, а вот почему Помпей при большом численном перевесе не счел нужным дать сражение – остается неясным. Некоторые историки в качестве причин указывают на его излишнюю осторожность и обычную медлительность, а также возраст – ему было уже пятьдесят восемь лет. К тому же стояла зима, и по устоявшейся традиции римляне не затевали в это время года военных кампаний, так что вероятней всего архетип сработал.

Оставшаяся часть войск Цезаря не могла переправиться из Италии по двум причинам: беспокойное зимнее море и безупречная сторожевая служба Бибула. Он, кстати сказать, сам попал в затруднительное положение: так как побережье было в руках противника, ему было не сойти с кораблей и не запастись водой, едой и дровами. Поэтому Бибул запросил перемирия, надеясь этой хитростью выйти из безвыходного положения. Цезарь без труда разгадал замысел своего давнего врага и не дал ему возможности побывать на суше, отчего тот заболел и умер. После его смерти флот Помпея остался без единого руководителя и не так бдительно стал нести сторожевую службу, что Цезарю, понятное дело, было на руку. Он с нетерпением ждал, когда же Марк Антоний приведет морским путем

оставшиеся в Италии легионы, но день проходил за днем, а войска все не прибывали.

В конце концов терпение его лопнуло, и он решил сам сплавить в Брундизий, что было рискованно во всех отношениях: господство противника в прибрежных водах и неспокойное море. Переодевшись в простую одежду, он в сопровождении всего трех рабов, соблюдая инкогнито, сел на небольшой корабль и глубокой ночью отправился вниз по реке к морю. В это время разыгралась буря и кормчему было не выйти из устья реки еще и по причине морского прилива. Он хотел уже повернуть обратно, но его пассажир вдруг воскликнул: «Смелее вперед! Ты везешь Цезаря и его счастье!» Но стихия оказалась сильнее фортуны Цезаря. Пришлось вернуться.

Тогда у Цезаря явилась мысль прибегнуть к уже испытанному в Испании средству разложения армии противника путем солдатской дипломатии. На берег реки Апс, разделявшей лагерь противников, вышел легат Цезаря Ватиний и завел с помпеянцами разговор о том, что все они римские граждане и незачем им проливать кровь друг друга. Надо просто сесть за стол переговоров и все решить. Цезарь давно этого хочет, и им тоже следует надавить на Помпея, который не пускает даже посланников в свой лагерь. Он не желает, видите ли, разговаривать с римскими гражданами, а когда воевал с пиратами, не гнушался общаться с этим отребьем. Однако Тит Лабием, хорошо знавший хитрые уловки своего бывшего шефа, заявил с другого берега: «Никакого мира у нас быть не может, пока нам не доставят головы Цезаря». И разогнал копьями своих солдат намечавшийся митинг.

Давайте еще раз подумаем: какую непрощаемую обиду нанес Лабиему наш герой, чем так уж сильно оскорбил, что недавний соратник обратился в непримиримого врага? Об этом умалчивает как Цезарь в своих «Записках», так и другие источники. А объяснить это, как мы уже пытались, ущемленным честолюбием и республиканскими идеалами,

явно недостаточно еще и по той причине, что Лабием прекрасно видел, что Помпей недалеко от Цезаря в своих планах сделать республику своей наложницей.

Итак, Цезарь дождался Марка Антония, а Помпей – нового подкрепления из Сирии. Он приказал ее наместнику, своему тестю Метеллу Сципиону идти на Балканы скорым маршем.

Цезарь, кстати, в своих «Записках о гражданской войне» темными красками описывает наместничество в Сирии Сципиона, который «за некоторые поражения, понесенные им у Амана, провозгласил себя императором» (редкий пример сарказма в Цезаревых сочинениях). Помимо законных налогов, какие он брал на год, а то и на два вперед, придумывались новые, к примеру, «пошлины с колонн и дверей» и так далее. В этом отношении все правители изобретательны. Как помним из учебников русской истории, Петр Первый брал пошлину за ношение бороды. Помимо этого, разумеется, сирийцы обязаны были поставлять провиант, оружие, лошадей, повозки и многое другое для римской армии. Очень любопытный отрывок, свидетельствующий, что римляне откровенно обирали до нитки завоеванные ими провинции. Впрочем, автор «Записок» точно так же поступал в Галлии и Испании, поэтому его возмущение не более чем лицемерие. Он негодует, к примеру, что Сципион приказал «взять из Эфесского святилища его старинные сокровища», и только приказ Помпея немедленно идти на Балканы не позволил Сципиону разграбить Эфесский храм.

Зато сокровища римских храмов ничто не спасло: как помним, Цезарь начеканил из храмового золота денариев со своим профилем. И этот человек еще сокрушается о возможном, но несостоявшемся ограблении восточного святилища, в то время как осквернил храмы в своем отечестве!

Весной попутные ветры позволили наконец-то Антонию пересечь море и достичь балканских берегов. Вот теперь у

Цезаря появилась реальная возможность померяться силами в генеральном сражении, но Помпей вовсе к этому не стремился. Тогда Цезарь решил прибегнуть к фортификации. «Это был новый, – пишет он, – и необычный способ ведения войны как по очень большому количеству редутов, по огромному протяжению, по сложности фортификационных работ, по системе блокады, так и во всех других отношениях». Легионеры Цезаря, надо сказать, воевали столько же лопатами, сколько и мечами.

Этим полководец решил лишить противника возможности подвозить продовольствие, фураж и вооружение, равно как и новые воинские контингенты. Его солдаты проделали огромную работу, окружив окопами и валами площадь в пять с половиной тысяч гектаров. К лету работы были закончены, но консул сильно просчитался, что сможет лишить противника продовольствия, его-то как раз у Помпея было достаточно, да и все необходимое к нему доставлялось морским путем. Зато войска Цезаря жестоко страдали от голода, потому что вся округа была уже полностью выпотрошена реквизициями помпеянцев, и поэтому солдатам непобедимого Цезаря приходилось питаться какими-то съедобными корешками под названием «хара». Но, сообщает тот же источник, «солдаты выносили нужду с поразительным терпением». Они при этом вспоминали, что еще труднее приходилось под Алесией и Авариком, поэтому не роптали, а даже наоборот, похвалялись своей неприхотливостью и в агитационных целях подбрасывали в лагерь Помпея испеченный из корешков хлебушек и кричали, что не снимут осады до тех пор, пока на полях растут такие корешки. Помпей сказал, когда узнал об этом: «С каким зверьем приходится сражаться». Действительно, Цезарь сделал своих солдат неким подобием роботов, беспрекословно и с радостью ему подчинявшихся. Есть такой термин в современной психологии – «радость подчинения». Его ввел в обиход, кажется, Адольф Гитлер, родной, можно сказать, брат Юлия Цезаря по части оболванивания масс.

Хоть еды у помпеянцев хватало, зато с водой Цезарь постарался создать им проблемы, как в свое время племени кадурков, тех самых, кому он приказал отрубить правые руки. Были запружены впадавшие в море реки, и солдатам противника пришлось рыть колодцы, но лето было сухое и они быстро иссыкали.

Этим Цезарь вынудил-таки противника перейти к активным боевым действиям. Скажем сразу, в сражении при Диррахии военное счастье оказалось на стороне Помпея. Сам ход сражения описан древними авторами, в том числе очевидцем его и участником Цезарем, довольно противоречиво, и до конца остается неясным, почему войска Цезаря попали в страшную мясорубку и вынуждены были обратиться в бегство. Цезарь попытался было остановить отступавших в панике солдат, но при этом едва сам не погиб от руки своего же легионера – тот хотел в страхе рубануть мешавшего ему бежать полководца, однако телохранитель успел отсечь ему руку.

Говоря о причинах поражения, автор «Записок о гражданской войне» указывает и на то обстоятельство, что бывшая в его войске галльская конница переметнулась к Помпею (ох уж эти неблагодарные галлы!), и ее начальники, аллоброги, братья Роукилл и Эг выдали противнику военные секреты, касавшиеся слабых мест обороны укреплений и караульной службы; в частности, ими было указано место, где был не достроен вал между примыкавшими к морю редутами.

Среди других причин он говорит «об обычных на войне случайностях» и о том, что «часто целые армии страдают от ошибки полководца», – вот так вскользь, обтекаемо, не называя на этот раз имени полководца, в то время как слово Цезарь встречается, как подсчитано, в его «Записках» семьсот семьдесят пять раз.

В сражении при Диррахии Цезарь потерял, по его собственным сведениям, «девятьсот шестьдесят солдат и двести человек из конницы». Сколько было взято в плен, не

упоминается. А пленников Помпей отдал на суд перебежчику Лабиему, который, по словам Цезаря, «стал называть их соратниками, расспрашивать в очень оскорбительных выражениях, имеют ли ветераны привычку бегать, и после этого казнил их на виду у всего войска».

Помпей имел полную возможность добить противника, если бы тотчас же начал преследование деморализованного и потрепанного в бою войска. Но он почему-то этого не сделал, позволив Цезарю с остатками своей армии уйти в Фессалию. Он полагал, что соперник разбит и ему уже не оправиться от поражения. Так же думало его окружение и стало уже делить портфели и должности.

Исследовавший эти события Карл Маркс говорит о «крупнейших военных ошибках» Цезаря, а о Помпее пишет, что «любой заурядный римский полководец, какой-нибудь Красс, раз шесть разбил бы Цезаря во время войны в Эпире. Но с Помпеем можно было все себе позволить».

Это подтверждает и сам проигравший эту битву полководец, сказавший в тот вечер своим офицерам, что для них все было бы потеряно окончательно, «если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать».

Несмотря на неудачу, моральный дух армии Цезаря сломлен не был, солдаты горели желанием загладить свой позор при Диррахии. В очередном историческом сражении при Фарсале они одержали блестящую победу над почти вдвое превосходящими силами противника. Оно состоялось девятого августа сорок восьмого года и выиграно было не только горячим желанием воинов отыграться и восстановить престиж и ореол непобедимости, который они снискали в галльских войнах, но и военным гением Цезаря, на этот раз проявившимся в полном блеске. Он полностью переиграл своего противника. Зная о преимуществах Помпея в коннице (семь тысяч против одной), которая попытается прорвать его правый фланг, применил необычный ход: помимо классических трех линий боевого построения он замаскировал внутри войска и еще одну – четвертую. Это

и решило исход сражения. Наткнувшись на эти шесть когорт (около трех тысяч человек), конница противника была сбита с толку неожиданностью и атакой свежих сил Цезаря.

Когда враг дрогнул и началась «большая резня», Цезарь, по Плутарху, «со стоном воскликнул: "Вот чего они хотели, вот до какой крайности меня довели!"»

Войска противника действительно понесли большие потери – погибли пятнадцать тысяч человек. В плен сдались двадцать две тысячи, они были помилованы и перешли на сторону Цезаря, при этом он не позволил, как всегда, грабить лагерь врага и отбирать у пленных личные вещи.

Помпей бежал с поля сражения на остров Лесбос. Цезарь решил его преследовать по пятам, чтобы не дать ему времени для набора нового войска. С Лесбоса Помпей направился не в Сирию, как поначалу намеревался, – ведь Восток был его завоеванной вотчиной, – а в Египет, где после смерти царя Птолемея XI, которому Помпей во многом помогал, и у них были вполне дружеские отношения, начался династический дележ власти. На престол претендовали его дети: десятилетний мальчик Птолемей XII Дионис и его семнадцатилетняя сестра Клеопатра.

Ее в то время в Египте не было, она была в Сирии, куда бежала от притеснений брата, точнее, группы влиятельных придворных, желавших править от имени мальчика.

Перед тем как высадиться в Александрии, Помпей, словно предчувствуя недоброе, цитировал Софокла: «Кто направляется к тирану, превращается в его раба, хоть если бы пришел к нему свободным». Египетская верхушка во главе с евнухом Потинном уже знала о Фарсале и ей не с руки было ссориться с Цезарем. Кроме того, они наверняка знали, что Помпей потребует от них как войск для борьбы со своим заклятым врагом, так и выплаты государственного долга, составлявшего внушительную сумму в семнадцать миллионов драхм. Поэтому, позволяя ему высадиться в Александрии, египтяне имели злой умысел.

Гнея Помпея Великого закололи прямо в лодке, которая взяла полководца с причалившего в водах Александрийской гавани корабля. На убийство мужа смотрела с палубы его несчастная жена Корнелия, овдовевшая во второй раз, – как помним, она была вдовой и младшего Красса.

Помпей погиб двадцать восьмого сентября сорок восьмого года, ровно тринадцать лет спустя после своего пышного триумфа по случаю победы над Митридатом. Днем раньше ему исполнилось пятьдесят девять лет.

ГЛАВА VIII

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

Итак, Цезарь в погоне за Помпеем оказывается в Египте, где узнает о смерти своего врага. Ему подносят голову великого полководца и его перстень с печаткой, изображающей вооруженного мечом льва. Он отворачивается и плачет. Искренними ли были слезы? Вероятно. Он изначально не хотел с ним войны, и если бы Помпей стал пленником, то наверняка мог бы рассчитывать на милосердие. Но на каких условиях?

Цезарь прибыл в Александрию с двумя легионами и семью сотнями конницы. Когда он вошел в город, перед ним, как консулом, несли фасы, и это возмутило толпу, посчитавшую, что этим умаляется достоинство царя. Начались беспорядки, спровоцированные, конечно же, правящей элитой. Цезарь срочно вызвал из Азии еще два легиона, составленных из солдат Помпея.

В Александрии он застрял надолго. Пишет, что из-за пасатов, не дававших, дескать, ему отплыть, а на самом деле, конечно же, из-за Клеопатры.

Цезарь как консул решил разобраться в династическом споре, поскольку считал это делом римского народа. Предложил обеим сторонам сложить оружие и дать ему возможность, как третейскому судье и представителю великой державы, разобраться в спорной ситуации и принять окончательное решение. Но внуч Потин, фактически руководив-

ший Египтом вместо малолетнего Птолемея, вовсе не хотел римского вмешательства, несмотря на то что умерший царь Птолемей XI послал свое завещание также в Рим, и его экземпляр хранился у Помпея. В нем было сказано, чтобы правили Клеопатра и малолетний Птолемей, как муж и жена. И это далеко не единственный случай династического инцеста у Птолемеев, как мы ниже увидим.

Этот евнух (по его приказу, кстати, был обезглавлен Помпей) вызвал стоявшие в Пелусии против Клеопатры войска в столицу и началась так называемая Александрийская война. Пришлось вести уличные бои с численно превосходящим противником, а затем сжечь неприятельский флот и запереться на острове Фарос, чтобы иметь возможность получать продовольствие морским путем. При этом пожаре, как известно, сгорела и Александрийская библиотека. В этой войне Цезарь неоднократно подвергался смертельным опасностям. Например, в битве при Фаросе, когда переполненная лодка стала тонуть, ему пришлось прыгнуть в воду и добираться до берега вплавь, при этом он греб одной рукой, держа в другой свои записные книжки, а в зубах пурпурный плащ; по другим сведениям, плащ полководца все-таки достался врагу.

В качестве заложника у римского консула находился малолетний царь, а позже к нему пробилась и Клеопатра, с которой он не расставался во время всех передраг Александрийской войны. Их знакомство произошло довольно романтично: ее тайно принес во дворец к Цезарю друг царицы Аполлодор Сицилийский в спальном мешке (в американском фильме «Цезарь и Клеопатра», если читатель помнит, она была завернута в ковер). Предосторожность была не лишней в тогдашней ситуации. Евнух Потин не хотел отдавать власть Клеопатре, надеясь стать регентом при малолетнем Птолемее. Он вообще советовал Цезарю ехать в Рим и заниматься своими делами, а долг, составивший, как помним, семнадцать миллионов драхм, обещал отдать римлянам позже.

Потин всячески интриговал против Цезаря и как мог ему противодействовал, словно предчувствуя свою смерть из-за него. Собственно говоря, Цезарю вполне могла быть уготована судьба Помпея, если бы его цирюльник не подслушал разговор, из которого становилось ясно, что Потин и военачальник египтян Ахилла сговорились убить и Цезаря, чтобы он не лез в их дела и не требовал долга. Цезарю удалось опередить намерения евнуха, и он его казнил, а Ахилле удалось скрыться к своим войскам, которыми командовал до тех пор, пока не был убит по приказу младшей сестры Клеопатры Арсиной, также претендовавшей на египетский престол. Она поставила во главе войск своего верного евнуха Ганимеда, который довольно успешно сражался с римлянами до подхода к ним подкрепления, а его привел по приказу Цезаря Митридат Пергамский, сын великого полководца.

Итак, Цезарь, как об этом свидетельствуют практически все источники, влюбился в Клеопатру с первого взгляда. Старый ловелас, а ему тогда было уже за пятьдесят, просто потерял голову. Его любвеобильность общеизвестна, но в случае с Клеопатрой все выглядит довольно странно и удивительно. Она не была, вопреки исторической молве, красавицей. Не ищите сходства, дорогие читатели, с Элизабет Тейлор, сыгравшей египетскую царицу в известном американском фильме, лучше взгляните на приведенные в нашей книге ее скульптурные изображения. Она была скорее уродлива, нежели красива: большой горбатый нос, раздвоенный острый подбородок, волевой рот являют скорее некую мужеподобность, нежели очарование женственности, какой мог плениться завоеватель мира. Говорят, она была искусна в сексе (как тут не вспомнить «Египетские ночи» Пушкина). Но кто был учителем в этом? Цезарь или она, семнадцатилетняя?

Но как бы то ни было, Цезарь, оказавшись победителем в Александрийской войне, стал в то же время побежденным чарами Клеопатры.

Десять лет непрерывных войн измотали даже такого закаленного и неутомимого воина. Да, все имеет свои пределы. Так и Гай Юлий Цезарь решил на время оставить ратный труд (а ему следовало бы идти подавлять очаги сопротивления в Африке, где обосновались сыновья Помпея и непримиримые враги победителя в гражданской войне Катон и Сципион) и отдохнуть. Хотя принято считать, что великие вообще не отдыхают и постоянно трудятся на благо государства. Цезарь был действительно упорным трудолюбом, умел делать несколько дел сразу, не давал лениться не только себе, но и своим подчиненным. Он хоть и был изнежен, как всякий воспитанный в Риме аристократ, но сумел побороть сибаритские привычки и был необычайно воздержан: вина почти не пил, в еде был неприхотлив, спал зачастую под открытым небом и так далее. Но была у него слабость, о которой пели солдаты во время триумфальных шествий:

*«Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии».*

Так что можно с уверенностью сказать, что в Галлии наш герой воевал не только с отважными галлами, но и с их женами – как вытекает из солдатской песенки, а уж солдаты все знают о своем полководце.

Египет, конечно, не стал исключением. В эту страну он рвался еще до своего наместничества в Галлии. Его манила туда помимо экономических и политических выгод еще и та самая средневзвешенная европейская культура, к которой он был равнодушен. Мы применили, быть может, не совсем обдуманное определение в отношении культуры, но оно терпимо, если говорить об Александрии, как о розе различных культурных ветров из Азии, Греции и отчасти – Рима. Ну что касается Рима, то говорить о его культуре, как самодовлеющей можно лишь с большой натяжкой, если говорить о корнях. По большому счету, алчных и

воинственных потомков Ромула мало интересовали изыски искусства. Отпрыски вскормленного волчицей царя были людьми, что называется, без тени лирических настроений – они строили в постоянных войнах свое великое государство, исповедуя очень суровые правила жизни и не позволяя себе никаких излишеств.

Но когда они стали завоевывать такие государства, как Греция, и увидели помимо совершенной архитектуры и беломраморных шедевров ваяния изящные вещи и прочие изыски художественного ремесла, то постарались перетащить это к себе, причем тащили в самом прямом смысле. Целые храмы, не говоря о статуях, картинах, вазах, серебряной и золотой посуде, меняли свое местопребывание на земле Эллады и переплывали в Рим. И в этом римляне схожи с американцами, которые также поступают с культурным наследием во всех частях света (свежий пример: Багдад и его музеи).

В связи с этим возник соблазн порассуждать о различии понятий культуры и цивилизации, и каким образом они перетекают друг в друга, точнее, как цивилизация пытается зачастую насильно внедрить художественные изыски в контекст своего благоустроенного бытия. Но почти сплошь и рядом это и не эклектические даже, а чужеродные наслоения; они несовместимы, но служат желанию изменить прямолинейность вкусов и чувств, избавиться таким образом от комплекса культурной неполноценности.

Но происходит странная вещь: прожорливая цивилизация с аппетитом и без остатка поглощает и переваривает в себе бесценные культурные ценности, нивелируя их до своего уровня восприятия, растворяет их, как те жемчужины, что расплавлял безумный Калигула, чтобы выпить их вместе с вином и, таким образом, физиологически овладеть их благоговеющей матовой красотой вместе с финансовым эквивалентом.

Гай Юлий Цезарь, как человек образованный, был не чужд культуре и в то же время, подобно Калигуле, любил

ощущать свою власть над всем, в том числе и над красивыми вещами. Трудно говорить о его индивидуальном художественном вкусе, он как-то не обнаруживается. Тогда было модно все греческое и восточное, вероятно, он этому тоже следовал. Коллекционировал красивые вещи, картины и прочее, но пользоваться этим ему было некогда, его образ жизни редко включал в себя культурный досуг, хоть он к этому стремился, ради этого и претерпевал суровые условия войны, – он хотел не просто абсолютной власти, но и видел ее в дорогом убранстве культуры в том смысле, в каком он ее понимал.

Александрия впитала в себя как эллинистические, так и восточные, малоазийские вливания, не повредив при этом собственным многовековым культурным традициям, она лишь обогатилась и приобрела утонченность, перед которой римляне, и Цезарь не исключение, преклонялись.

Что касается женщин, то у нашего героя было к ним, как мы знаем, не только физиологическое влечение. Они очень часто служили его политическим целям, и просто приходится удивляться его, так сказать, неразборчивости – уж наверняка не все жены римских политиков, включая жену Красса Тертуллу или ту же Муцию, жену Помпея, мать троих детей, были сексапильными красавицами.

В случае с Клеопатрой произошло совпадение государственных интересов и любовного влечения. Трудно сказать, пленилась ли сама юная царица плешивым сладострастником, истинным потомком Венеры, на счету которого были сотни побед на любовном фронте. Скорее всего, она вынуждена была покориться завоевателю, от которого полностью зависела, – в его власти была ее царская власть, а также и жизнь.

Конечно, на наш современный взгляд, как мы уже говорили, Клеопатру нельзя назвать красавицей (такого же мнения были и некоторые ее современники, к примеру Гораций называл ее *fatale monstrum*), но не говоря о том, что о вкусах не спорят, надо признать, что многие великие и до-

стойные мужи, если верить молве, согласны были платить жизнью за одну проведенную с чаровницей ночь. Кроме Цезаря испытал на себе ее волшебные чары и Антоний, называвший Клеопатру царицей царей, в чем, несомненно, есть большая доля истины.

Чем же она привлекала, если отвлечься от ее скульптурных изображений и профиля на монетах? Вот что пишет о ней Плутарх: «Ее облик, сочетавшийся с редкой убедительной речью, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу». Другой греческий историк Дион Кассий также говорит, что она была «образцом красоты среди женщин и находилась в расцвете молодости, голос у нее был дивный, и она умела пленить своими чарами любого...»

Стало быть, секрет ее притягательности для мужчин состоял в обаянии, грации и умении владеть речью, что в сочетании с искусным макияжем, изысканными платьями, драгоценными украшениями, прическами, духами и прочими женскими отмычками для взлома мужских сердец и давало неотразимый эффект. Эта молоденькая особа обладала к тому же и целеустремленностью, мужеством и крепким характером, позволявшим ей на равных вести войну за трон с мужчинами.

Предком Клеопатры был полководец и телохранитель Александра Македонского грек Птолемей I. Он войной покорила Египет и основал династию Птолемеев. Он эллинизировал Александрию, основал тут музей и библиотеку. Его сын Птолемей II известен тем, что построил одно из чудес света – Фаросский маяк. Он был женат на своей собственной сестре Арсиное II, и этот инцест стал началом деградации династии Птолемеев, что видно на скульптурных портретах последующих царей Египта. Правда, Птолемей V (на скульптурном портрете – полный дегенерат) женился на Клеопатре I, дочери сирийского царя Антиоха III Великого, которая родила сына, а затем отравила мужа и самостоятельно правила Египтом долгие годы.

Легендарная любовница Цезаря и Антония была уже седьмой по династическому счету Клеопатрой, и в ее жилах, стало быть, текла и сирийская кровь. Она оказалась последней правительницей Египта из династии Птолемеев.

После окончательной победы римского консула над египтянами Клеопатра уговорила его покинуть потрепанную войной и полную коварных авантюристов Александрию и прогуляться с ней по Нилу. Цезарь согласился. Накопившаяся многолетняя усталость требовала отдыха, да и ничто человеческое ему было не чуждо, поэтому он и решил дать себе передышку и провести время в обществе дивной и юной Клеопатры.

Они отправились на царском корабле в Верхний Египет, и это путешествие стало для нашего героя незабываемым. Царица сделала все возможное, чтобы покорить Цезаря и привязать его к себе окончательно. Завоеватель не мог не покориться восточной роскоши и утонченным ласкам египтянки; экзотический секс сочетался с великолепным убранством каюты, дивной изысканной кухней, танцами и всем прочим, что читатель наверняка видел в американских фильмах, посвященных судьбе великой куртизанки древности. Все это вполне могло погрузить Цезаря в нирвану, если учесть, что все последние годы он провел в суровых условиях войны, давая себе передышку лишь на зимних квартирах, где хоть и устраивались пиры, но по римскому образцу и без особых излишеств.

Ну а кроме того, Цезарь был человеком любознательным, и ему интересно было посмотреть на те красоты завоеванной им страны, что с таким тщанием и красочностью описаны Геродотом. Пейзажи действительно открывались потрясающие: после равнинной Дельты шли вдоль мутной реки укутанные прибрежной зеленью деревни с обязательными финиковыми пальмами и взору открывались величественные храмы и пирамиды. Ну а дальше, в верхнем течении, вблизи острова Элефантины на подходах к Первому Порогу, берега вдруг затвердели черным камнем,

тем самым, из которого изваяны статуи фараонов в Фивах; он же послужил и строительным материалом для величественных пирамидальных гробниц.

Что и говорить, берега в тех местах так живописны, что просто дух захватывает: пологие и округлые, отполированные водой и ветрами космические черные базальты на фоне яростных закатов и восходов африканского солнца воистину казались божественным проявлением вечности.

Любопытно, а что ворковала в гнездышке любви, плывущем по водам Нила, властелину мира любвеобильная царица? Быть может, о былом и вечном величии Египта, запечатленном в черном базальте храмов и гигантских истуканов со скипетром и державой? Может быть, говорила о том, какую необоримую силу дают правителю эти незамысловатые символы власти? Да он и сам мог видеть, как придворные беспрекословно подчиняются по мановению руки без демократических словопрений, как у него на родине. Быть может, здесь он утвердился в мыслях о пересмотре римской конституции, чтобы в государстве не осталось места выборным махинациям и популистской говорильне, в результате чего возникают гражданские войны, и лучшие сыны Ромула убивают друг друга вместо того, чтобы улучшать экономическое состояние великой державы новыми завоеваниями? Похоже, именно здесь, когда он ежедневно мог наблюдать, как четко работает отлаженный механизм исполнения повелений царицы, он вполне мог утвердиться в мысли, что монархия – прекрасный инструмент для управления государством. Управлять одному гораздо проще, удобнее и эффективнее. Власть должна быть единой и неделимой. Впрочем, это отлично понимали и на его родине такие люди, как Марий, Сулла, да и Помпей, хоть он и рядился в тогу республиканца.

Они, как пишет Светоний, «часто пировали до рассвета». И уж эти рассветы Цезарь наверняка запомнил до конца жизни. Таких романов после Клеопатры у великого за-

воевателя уже не случилось, да и заводить их у него не было времени. Разве что во время очередной войны в Африке он согрешит с женой мавретанского царя Эвнойей, но об этом мы в свое время расскажем.

Так Цезарь и доплыл в нирване и сладких грезах почти до границ с Эфиопией, и, скорей всего, еще бы задержался в волшебных объятиях коронованной чаровницы, однако всему есть предел, и первыми ему напомнили об этом его же солдаты. Им надоело сопровождать «лысого кобеля» по жаре и без всякого дела, поэтому они стали открыто роптать. Им давно хотелось домой, в родную Италию, где после триумфа им обещано долгожданное жалованье и надел итальянской земли.

Действительно, Цезарь застрял в Египте на целых девять почти месяцев, и давно пора было отправляться в Рим и начать обустраивать государство по своему усмотрению. Но тут опять случилась задержка. Надо было привести в чувство зарвавшихся восточных царьков, вновь поднявших головы на фоне затянувшейся гражданской войны.

Фарнак, сын Митридата и его наследник, во время гражданской войны державший сторону Помпея, когда последний был разбит при Фарсале и погиб от вероломных египтян, а Цезарь был занят Александрийской войной, под шумок занял Каппадокию и Малую Армению, что вызвало естественный протест римлян, считавших эти царства своими вотчинами. Поэтому один из цезаревых генералов Домиций Кальвин, наместничавший в Азии, решил навести порядок и двинулся на Фарнака, несмотря на то что тот, осознав, что зарвался, готов был на определенных условиях (он покинул Каппадокию, но хотел выторговать себе Армению) обойтись без войны. Для Домиция было большим риском идти на карательную экспедицию в гористую часть Армении всего с одним легионом (остальные два были отосланы Цезарю для войны в Египте). И тем не менее он пошел и потерпел полное поражение.

Цезарю теперь надо было не только привести в чувство зарвавшегося Фарнака, но и вернуть римскому оружию престиж непобедимости.

Когда Цезарь через Сирию добрался до расположения войск Фарнака рядом с местечком Зеле, противник запросил мира, и «послы поднесли Цезарю золотой венок, – как пишет Аппиан, – и, по своей глупости, предложили ему обручиться с дочерью Фарнака». Для римского консула это было действительно почти оскорблением. Он воскликнул: «Неужели этот отцеубийца не получит своей кары немедленно?» Тотчас вскочил на коня и ринулся с тысячью всадников в атаку. Стоит ли говорить, что была одержана победа, Фарнак бежал, потеряв не только завоеванные им малоазийские царства, но и свое кровное. Цезарь отдал его брату Фарнака Митридату Пергамскому, помогавшему ему в Александрийской войне. Вся эта кампания продлилась всего пять дней.

«Сообщая об этом в Рим, – пишет Плутарх, – одному из своих друзей, Матию, Цезарь выразил внезапность и быстроту этой битвы тремя словами: «Пришел, увидел, победил». По-латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания, создают впечатление убедительной краткости».

Да, «*Veni, vidi, vici*». Прошло две тысячи лет, а эта фразочка все еще в ходу и верно служит всяким горделивым честолюбцам.

После этой молниеносной войны Цезарь не раз говорил, что не удивляется помпеевым победам на Востоке, – легко воевать с теми, кто не умеет этого делать и поднимает лапки кверху при всякой неудаче. Попробовал бы счастливчик Помпей повоевать с галлами или с теми же германцами, которые плетут новую войну сразу после поражения. Целых девять лет потребовалось даже такому гениальному полководцу, как он, чтобы достичь кое-какого результата. А сколько раз все дело висело на волоске!

А с другой стороны: легко было Цезарю одерживать победы над слабым и запуганным противником там, где Помпей уже проделал всю главную военно-политическую работу.

Ну а теперь следовало поторопиться в Рим, где без него вновь стало беспокойно. Помимо обычных и всегда чрезвычайно острых взаимоотношений должников и кредиторов, постоянно пучивших общественное спокойствие в столице, причем самыми кричащими были, как всегда, растущая плата за жилье и цены на хлеб, добавились и новые проблемы. Столичным жителям очень не нравилось поведение оставленного на хозяйстве в Риме Марка Антония. Мало того, что он беззастенчиво грабил казну и со своими собутыльниками ежедневно предавался оргиям (Марк Антоний был неводержан как в отношении вина, так и женщин), еще и не постыдился занять дом Помпея и даже начал его перестраивать, так как, по его разумению, он был недостаточно вместителен для многочисленных гостей на его пирах. Помпей тогда казался римлянам олицетворением республиканских идеалов, и подобные поступки Антония оскорбляли их гражданские чувства. «Цезарь все это замечал, – пишет Плутарх, – однако положение дел в государстве вынуждало его пользоваться услугами таких помощников». Заметим, что услугами именно такого сорта людей он постоянно и пользовался.

Похоже, что Марк Антоний и его приятели не только пьянствовали и блудили, но и разглашали государственные тайны. Во всяком случае, хоть это в столице и было секретом полишинеля, до расположенных в Кампании легионов дошли верные слухи, что Цезарь вновь решил их послать на войну, на этот раз в Африку, куда стеклись все его недруги. Здесь оказались и Катон, и Лабийен, и Афраний, и Петрей, а возглавлял войска, как проконсул и император, Метелл Сципион, располагавший внушительной вооруженной силой из десяти легионов, не считая войск поддерживавшего его нумидийского царя Юбы.

Так вот ветераны Цезаря взбунтовались, они устали, они не хотели воевать и мечтали об обещанном жалованье и покое на итальянской земле.

Цезарь появился среди митингующих на Марсовом поле солдат как всегда внезапно. Когда он взошел на трибуну, легионеры притихли, чтобы услышать, что он будет говорить.

Они не хотят больше воевать? Хотят в отставку? Он понимает, что они устали. Понимает. Поэтому у него нет возражений. Вы уволены. Но обещанный долг отдам вам, квириды, когда буду справлять триумф после похода в Африку с другими войсками.

Он сказал: квириды! То есть граждане, а не воины или соратники, как всегда их называл. И что тут началось! Нет, орала солдат, не называй нас квиридами! Мы твои преданные солдаты и пойдем за тобой, куда скажешь! Не называй нас квиридами!

Вот! Всего одно слово не только спасло положение, но и дало Цезарю еще одно подтверждение того, что он создал не простую армию, воевавшую за идею или деньги. Его легионеры сражались не только ради добычи, но и лично за Цезаря. Они почитали за честь воевать под его знаменами, и счастливы были умереть ради его воинской славы. Можно привести много ярких примеров, когда солдаты и центурионы с радостью жертвовали своими жизнями в ратных подвигах лишь ради милостивой оценки и похвалы великого полководца.

Приведем один из таких эпизодов. Перед Фарсальской битвой Цезарь спросил центуриона Гая Крассиния о том, каковы, по его мнению, шансы на успех и каков настрой солдат. Тот ответил: «Мы победим, Цезарь, и живого или мертвого, но ты меня похвалишь». Вот так: «живого или мертвого». Похвала Цезаря ему была дороже собственной жизни. Гая Крассиния Цезарь не только похвалил, но и наградил, но, увы, посмертно. Он доблестно сражался, но и сам был убит ударом меча в рот.

Но продолжим о событиях на Марсовом поле. Цезарь во время этого гвалта спустился с трибуны, но его окружили и просили наказать виновных, но не отказываться от них

в африканском походе. Цезарь сделал вид, что колеблется, а затем взошел на трибуну и сказал, что берет их с собой, но за исключением десятого легиона – его он считал лучшим, но раз и он оказался замешанным в бунте, то Цезарь в нем больше не нуждается. «Но и ему, – сказал он, – я отдам обещанное, когда вернусь из Африки. Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной вражде друг с другом, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю».

Надо ли говорить, каким ликованием встречены были эти слова. Только солдаты десятого легиона, не осознав, что полководец просто блефует, были подавлены и умоляли наказать их, согласны были даже на децимацию, то есть на казнь каждого десятого по жребию. Но Цезарь сказал, что верит в их искреннее раскаяние, зла не держит и берет с собой в Африку вместе с другими легионами.

Цезарь был прекрасным оратором, это отмечают даже такие признанные на этом поприще соперники, как Цицерон. Но с солдатами он не слишком утруждал себя красноречием. Что он им обычно говорил? Он не пичкал их лозунгами подобно Помпею о светлых республиканских идеалах, необходимости защиты родины от узурпатора и тому подобными. Он говорил им, что они самые лучшие солдаты, самые стойкие и мужественные, самые доблестные и отважные, напоминал о прежних победах. Никто, уверял он их, не умеет воевать так, как вы, поэтому вы непобедимы и ваши подвиги бессмертны... То есть он не просто даровал им славу победителей, но давал еще и частичку своего божественного бессмертия, которое даровано только ему, потому что простые смертные когда-нибудь да ошибаются, когда-нибудь да терпят поражение и гибнут, только солдаты Цезаря, ведомые его гением, его счастьем, его фортуной никогда не будут побеждены и их военная слава поэтому бессмертна. Неудивительно, что они почувствовали

себя униженными, втоптаннами в грязь, когда вождь называл их квивитами, как и всех прочих римлян.

Сейчас это назвали бы культом личности. Действительно, фанатичная преданность солдат своему полководцу была беспредельна.

В этот приезд в Рим Цезарь в сентябре сорок седьмого года повторно получает звание диктатора. Он пробыл в столице всего три месяца. Ему срочно было необходимо отправляться в Африку, чтобы не дать возможности помпеянам сконцентрировать и упрочить свои силы для броски в Италию. Хотя едва ли войска Сципиона были морально готовы к этому. Среди них было скрытое брожение и зависть к солдатам Цезаря. Они очень бы хотели оказаться на их месте. И хоть внешне легионы африканского проконсула и выглядели внушительно, и солдаты подчинялись командирам, но внутри же были поражены заразой зависти.

Сципион, не обладавший и малой долей полководческого таланта Цезаря, решил дожидаться противника на африканской территории, хоть его окружение и советовало ему идти на Рим. Он укреплял города, строил фортификационные сооружения и так далее.

Цезарь тем временем собрал десять легионов, но у него не хватало кораблей для их переправки в Африку. Пришлось отправлять солдат с мыса Лилибей в Сицилии частями, а из этого ничего хорошего не вышло, потому что те, кто высадился первыми, не знали, где высадятся идущие следом, и поэтому войска оказались разрозненными.

Сам полководец, когда сходил на африканский берег, споткнулся, что считалось дурным предзнаменованием, но не отличавшийся суеверием Цезарь решил использовать это в своих целях: упал на землю, обхватил ее руками и воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!»

И она действительно оказалась в его руках, хоть победа далась и не просто. И она ему была сейчас нужна даже не как военная, а как идеологическая. В хорошо укрепленном африканском городе Утике окопались самые рьяные враги

под водительством Катона, самого ненавистного Цезарю человека. Остальные были ему в лучшем случае безразличны, он знал, что стоит их обласкать или подкупить, они, как и все прочие, побегут за ним.

Но Катон, знамя республики и хранитель ее идеалов, был не таков. Он был ему ровней, и мы об этом уже начинали рассуждать, и в следующей главе разоведем эту тему в совершенно драматическом ключе.

Но оставим на время Катона, оказавшегося после смерти Помпея лидером и главой антицезарианских сил. Надо сказать, что и Цицерону предлагали возглавить правительство в изгнании, но он отказался. Он предпочел спокойно наблюдать над тем, «чья возьмет».

Когда после молниеносной восточной кампании Цезарь высадился в Брундизии, среди встречавших был и Цицерон, очень опасавшийся, что всесильный теперь Цезарь, в руках которого были и Восток, и Запад, вряд ли проявит свойственное ему милосердие. Но победителю Цицерон теперь был так же безразличен, как муха, которая не жужжит и не кусает.

Так и пусть живет. Он ничем не унижил прославленного оратора и даже соскочил с коня, когда увидел шедшего ему навстречу Цицерона. Он всячески обласкал бывшего помпеянца и дал понять, что зла не держит.

Цицерон был нужен ему как человек, все еще имевший определенное влияние в кругах так называемой сенатской оппозиции. За те три месяца, что победитель Помпея находился в столице до похода в Африку, он сумел навести в Риме порядок и провел целый ряд мер по улучшению работы государственного аппарата. В частности, было увеличено число чиновников и священнослужителей. Увеличивается также и число сенаторов. Пополнившие число были, конечно, людьми Цезаря.

Но об этом мы более подробно расскажем в главе, посвященной реформам Цезаря, а теперь вернемся в Африку. Ее берега оказались поначалу настолько негостеприимны,

что конникам приходилось кормить своих лошадей морскими водорослями, смывая с них соль. В ожидании подкреплений Цезарь избегал решительного сражения, изматывая противника стремительными марш-бросками, однако стычки происходили довольно часто, и конница Лабиена и царя Юбы постоянно терзала пехоту Цезаря. В иных случаях доблестная галльская конница всего двести человек численностью теснила десятикратно превосходящую мавретанскую кавалерию.

В одном из эпизодов Лабиен и Петрей одержали верх над Цезарем и преследовали бегущего противника, хоть Цезарь и пытался повернуть знаменосцев лицом к врагу. Под Лабиеном пала лошадь и его унесли с поля боя, а Петрей прекратил преследование, сказав, по Аппиану: «Не будем отнимать победу у нашего полководца Сципиона».

Повторилась та же ситуация, что и при Диррахии, когда Помпей не стал преследовать и добивать Цезаря, полагая, что дело сделано.

Тем временем Цезарь по своему обыкновению перемаживал на свою сторону города и местных князьков, в том числе и мавретанского царя Богуда, красавица жена которого всерьез вскружила голову старому эротоману. Сведения об этом романе скупы, но можно предположить, что нашего героя после Клеопатры потянуло на еще одну смуглянку с экзотическим цветом кожи и новым любовным антуражем, непохожим на римский. Конечно, тут также преследовались военно-политические цели: ему нужны были вспомогательные войска, конница, фураж, продовольствие, и в этом ему мог помочь Богуд, и его жена не давала бы забыть об обещаниях...

Другой мавретанский царь Бокх II тоже попался на удочку бывшего катилинарца Ситтия, влиятельного и богатого римлянина, осевшего в Африке. Имея договоренности с Цезарем, он уговорил Бокха напасть на нумидийское царство, пока там не было войск царя Юбы, помогавшего Сципиону. Узнав о том, что столица Кирта под угрозой, Юба вер-

нулся в страну, что Цезарю было и нужно, – теперь нумидийская конница не тревожила постоянно его пехотинцев.

В конце января подошли десятый и одиннадцатый легионы, и теперь у Цезаря было тридцать тысяч войска против пятидесяти Сципиона. И он решил идти в наступление, но противник уклонялся от генерального сражения.

В «Записках об африканской войне» есть много ярких эпизодов, и на одном из них мы остановимся. Одно из судов с переправлявшимися в Африку солдатами Цезаря попало к врагу. Сципион, обеспокоенный тем, что из его войска солдаты массами дезертируют к противнику, решил действовать методами Цезаря, проявить милосердие к пленным и предложить им служить в своем войске. Он сказал им, что понимает их положение, – не по своей воле служат они проходимцу и губителю республики, и теперь у них есть шанс послужить правому делу в борьбе с узурпатором; если они перейдут на его сторону, он их простит, наградит деньгами и так далее.

Центурион четырнадцатого легиона (имя не указано) ответил, что он тридцать шесть лет командует центурией в армии Цезаря и считает это для себя величайшей честью, и сражаться против Цезаря считает безумием не только для себя, но и для Сципиона, которого императором он назвать не может. Чтобы он понял, с кем имеет дело, центурион предлагает выставить против него и еще девятерых его товарищей хоть целую когорту, и тогда проконсул увидит, что такое настоящее воинское искусство и доблесть.

Надо сказать, что это не чистое бахвальство. Численность легиона составляла тогда от трех до трех тысяч шестисот человек, а в каждом легионе было десять когорт. Стало быть, центурион предлагал биться десятерым против отряда в триста и даже больше человек. Если учесть, что сражались мечами, а не огнестрельным оружием, шансы на победу у смельчаков, может быть, и были. Но Сципион, конечно, не пошел на подобный эксперимент, счел себя оскорбленным и приказал тут же убить дерзкого центуриона.

Еще один эпизод, характеризующий Сципиона, таков. Как император он носил пурпурный плащ, такого же цвета были наряды и у царя Юбы, который сказал римскому полководцу, чтобы он не соперничал с ним в цвете одежды, и Сципион поменял красный плащ на белый.

И, наконец, весной в марте сорок шестого года Цезарь вынудил противника дать генеральное сражение. Оно случилось вблизи города Тапсе и описано автором «Записок» (а описание войны дано уже не Цезарем, а одним из его офицеров) примерно так. Цезарь выстроил свои войска перед валом, в то время как войска Сципиона не полностью были готовы к бою, – часть из них находилась не в строю, а была занята достройкой лагеря, где царила неразбериха. Это заметили солдаты Цезаря и стали уговаривать полководца дать команду к бою, но у того были свои соображения, и он якобы не хотел в этот час начинать битву, но несмотря на то, что центурионы стояли грудью против солдат и не давали им ринуться в атаку, они сами дали сигнал, и поэтому Цезарю пришлось дать пароль «счастье» и начать боевые действия.

По другим сведениям (Плутарх), Цезарь вообще не участвовал в этом сражении. Еще до его начала полководца сразил эпилептический припадок и его в бессознательном состоянии отнесли в безопасное место.

Но так или иначе, была одержана полная победа, причем солдаты уже не слушались команды, и, несмотря на политику своего командующего, даровавшего всегда жизнь побежденным в гражданской войне, на этот раз словно с цепи сорвались и в плен никого не брали. В этой страшной резне, по сведениям автора «Записок», у противника было уничтожено около десяти тысяч, а победитель потерял всего полсотни. Это против десяти-то тысяч! Плутарх приводит цифру потерь в армии побежденных в пять раз бóльшую. Вообще-то к этим цифрам надо относиться с крайней осторожностью.

Сципион сел на корабль и погиб в морском сражении во время бегства в Испанию. Верные военачальники Помпея

Афраний и Петрей нашли свою смерть здесь, на африканской земле. Афраний был захвачен в плен, а затем убит; Петрей вместе с царем Юбой, попав в безвыходное положение, решили найти смерть от мечей друг друга. Петрей в этом поединке убил Юбу, а сам не смог поразить себя в грудь, поэтому попросил сделать это своего раба.

Часть разбитого войска отошла к хорошо укрепленному городу Утике, где гарнизоном командовал Катон.

ГЛАВА IX

СМЕРТЬ КАТОНА И ТРИУМФЫ ЦЕЗАРЯ

Итак, у сторонников республики остался последний оплот – город Утика на берегу Средиземного моря (это на территории современного Туниса).

Когда там узнали, что сражение при Тапсе проиграно, что Сципион и Юба убежали, что Цезарь вот-вот подойдет к городу и будет его штурмовать и, конечно, осада будет недолгой – местные жители, пунийцы, наверняка откроют перед удачливым победителем ворота, как уже много раз было в таких войнах, в Утике начался полный переполох. Римские граждане – купцы, коммерсанты и прочие ринулись было бежать, но Катон всех успокоил, сказав, что эти вести, быть может, и не верны, – всем ясно, что в таких случаях страх берет верх, преувеличивает опасность и так далее. Поэтому он советует подождать до утра и не отчаиваться.

Утром Катон собрал так называемый «совет трехсот», состоявший из римских граждан, промышлявших тут в основном ростовщичеством и торговлей. Они кредитовали Сципиона, были богаты и влиятельны. Кроме того, в Утике были и помпеянски настроенные сенаторы, и они тоже приняли участие в утреннем заседании. Катон со свойственной ему педантичностью стал перечислять, сколько продовольствия и вооружения есть у них для обороны, и получилось, что с этим вроде бы все в порядке, – всего в из-

бытке. Но вот с человеческими ресурсами плохо. Разве что можно надеяться на недобитые при Тапсе части, но неизвестно, придут ли они в Утику или куда еще. Кто-то предложил отпустить на волю рабов и тем самым получить воинов. Катон подумал и сказал, что хоть предки этого и не делали, но тут положение обязывает. Впрочем, добавил он, если совет решит сдать город без сопротивления, то он поймет это правильно, но полагает, что еще не все потеряно, есть возможность бороться и, быть может, победить и так далее...

Твердость духа Катона произвела на собравшихся хорошее впечатление. Его поддержали и обещали помочь и деньгами и рабами.

Тем временем к Утике подошел большой отряд недобитых помпеянцев под командованием Марка Октавия. Он послал к Катону своего человека, чтобы выяснить обстановку в городе и договориться о разделе власти. Он колебался, не зная, заходить ли в Утику, где местное население ненадежно, или уходить в горы. Катон сказал, что не удивляется гибели всего республиканского дела, раз даже в такой ситуации властолюбие у военачальников берет верх. И все же он настоятельно советовал присоединиться к себе, а что касается жителей, то он их просто выгонит за городскую черту, что и было сделано – их согнали в некое подобие слабоукрепленного лагеря перед воротами.

Тем временем на заседании совета в храме Юпитера решимость защищать город сменилась разноголосыми сомнениями, все больше людей склонялось к тому, чтобы послать к Цезарю переговорщиков. Великодушный и удачливый полководец наверняка их амнистирует, как обычно и поступает с побежденными в гражданской войне римлянами, а ведь им, простым торговцам и деловым людям, надо в первую голову думать о бизнесе, а не о политике или патриотизме. Отпустить рабов? Это сенаторам хорошо об этом говорить, а нам, которые этими рабами и торгуют? Конечно, они высоко чтят правнука великого Катона, этого дос-

тойнейшего среди современников человека, совесть республики и неподкупного патриота, но им-то, мелким буржуазкам, зачем рядиться в тогу великого человека? И так далее в том же духе.

Когда Катону об этом донесли, он ничего не сказал, а только велел записать имена тех, кто рабов отпустил и в каком количестве, чтобы знать, сколько людей у него прибыло.

А солдаты Октавия решили штурмовать лагерь аборигенов, но те их отогнали, и тогда они ворвались в город, стали грабить дома горожан и многих поубивали. Катон пытался было остановить грабеж, но его никто не слушал, поэтому он раздал каждому солдату по сотне сестерциев, и тогда только они успокоились и ушли из города в неизвестном направлении.

После ухода мародеров совет приступил к формированию делегации к Цезарю. Она должна была добиться помилования не только для горожан, но также для Катона и сенаторов. Если Катона Цезарь не амнистирует, они тогда готовы драться и отстаивать город до последней капли крови и тому подобное. Катон понимал, что это пустые слова, и сказал, что делегацию послать, конечно, надо, но вот только он настоятельно просит не вымалывать у Цезаря амнистии для него, Катона, потому что амнистируют лишь преступников, а он себя таковым не считает, а вот Цезарь — настоящий преступник и узурпатор. А если уж говорить о хваленом цезаревом милосердии, то он также в нем не нуждается, потому что милуют побежденных, а он себя таковым опять же не считает.

Сенаторы тоже, впрочем, не рискнули дожидаться в Утике милостивой амнистии от ненавистного выскочки, зная, что ему иной раз не удастся сдерживать кровожадные инстинкты своих озверелых солдат, как это случилось совсем недавно при Тапсе. Поэтому они решили покинуть город на кораблях, и Катон этому не препятствовал и делал все возможное, чтобы они поскорее отплыли. Сам он наотрез

отказался плыть с ними, мотивируя это тем, что обязан защитить город.

С этого момента он уже твердо решил, что Цезарь ни при каких обстоятельствах не сможет проявить к нему свое грязное милосердие.

Вечером, когда отплыли сенаторы, Катон пригласил к ужину двух философов – стоик и перипатетика.

Разговор зашел о понятии свободы. Стоик сказал, что свободными людьми могут считать себя лишь люди разумные и добродетельные. А само понятие в чистом виде может быть рассмотрено и признано истинным лишь в мире идей, а не вещей.

Перипатетик возразил, что человек является продуктом природы, можно сказать, плоть от плоти мира вещей, а не идей...

Но Катон не дал ему закончить мысль и с несвойственной ему горячностью стал громко доказывать, что природа дала человеку лишь тело, а тело – это гнездилище грязи и мерзости, что природа тела и природа разума – различные понятия, и тело никогда не сможет противостоять разуму и так далее...

Перипатетик попытался защититься такой категорией, как счастье, которому никакой разум или идея не нужны. Разве у счастья есть понятие разума? Да и что такое чистый разум? Бесплотная идея, это лишь божеству может быть присуща такая форма существования, а не человеку...

Вот именно, сказал Катон, вот именно, так и следует поступать: высвободить душу из тела и становиться свободным.

Философы замолчали, осознавая, куда клонит, подобно Сократу, стоик Катон. А тот перевел разговор на другую тему: все ли сенаторы отплыли? Все, ответили ему, в городе спокойно, но на море поднимается ветер. Если будет буря, то сенаторам не позавидуешь.

На этом ужин закончился. Катон прошелся по городу, проверил посты и лег спать, взяв в постель том Платона.

Он читал «Федона». Как вы помните, речь там идет о бессмертии души, и беседа между мыслителями шла в темнице, когда Сократ был уже осужден, и чаша с ядом стояла наготове.

Пролистаем же, дорогие читатели, вместе с Катонем те самые страницы, где Сократ накануне своей казни доказывает вечность души. Телесность, чувственность, говорит он, которыми наделил нас создатель, никакого отношения к душе и истине не имеют, душа лишь тогда познает свет истины, когда перестает обретаться в теле.

Собеседники Сократа ему поддакивают, говоря, что душа человека существовала до рождения человека, стало быть, существует и после смерти.

А Сократ еще и еще раз убедительно доказывает, что душа не только бессмертна, но и неуничтожима, поэтому «когда к человеку подступает смерть, то смертная его часть, по-видимому, умирает, а бессмертная отходит целой и невредимой, сторонясь смерти».

Но куда же девается душа после того, как ее временное вместилище покоряется своей смертной природе? Та душа, говорит Сократ, которая всегда стремилась к познанию, совершенствовалась сама себя в философских занятиях, «уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное... и впредь навеки поселяется среди богов...»

Ну а душа, служившая «страстям и наслаждениям настолько, что уже ничего не считала истинным, кроме телесного», не очищенная знанием и воздержанием, воспарить не сумеет и будет обретаться «среди надгробий и могил – там иной раз и замечают похожие на тени призраки души».

Собеседники Сократа Симмий и Кебет, хоть и соглашались с доводами мудрейшего философа, но все же у них есть сомнения и они приводят пример с лирой. Ведь если этот музыкальный инструмент сломать, – говорит Симмий, – струны и дерево хоть и будут осязаемы и видны, но музыки-то не будет, и если принять за душу лиры гармо-

нию, то она едва ли будет существовать без лиры, поэтому «душа при всей своей божественности должна немедленно разрушаться, как разрушается любая гармония, будь то звуков или же любых творений художника...»

Но Сократ, перед которым стоит чаша с ядом, вводит понятие идеи и вновь доказывает в своем стиле – задавая собеседникам вопросы и отвечая на их возражения, – что душа бессмертна.

Наступает, наконец, час утраты великого мыслителя, «самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и справедливого», – так завершается это произведение Платона под названием «Федон».

Катону приписывают такие слова: «Лучше никем не повелевать, чем кому-либо служить! Без первого можно жить честно, со вторым же вообще нельзя жить».

Катон закрыл книгу и потянулся к мечу, что обычно висел у него в изголовье. Но меча не было. В чем дело? Почему нет меча, кто и зачем его взял? Он зовет раба и требует принести меч. Он в гневе. Кто посмел его обезоружить, когда враг стоит у ворот? Раб топчется на месте и не торопится принести Катону меч. Он не знает, как поступить; он получил кое-какие инструкции от домочадцев, а те – от философов, собеседников Катона за ужином, встревоженных его настроением и темой беседы.

Катон в гневе бьет раба по лицу. Да так сильно, что рука вспухает и кровоточит. На шум прибегают домочадцы и философы.

Катон набрасывается на них с упреками и бранью, негодуя, что они принимают его за невменяемого, а он тем не менее возглавляет здесь оборону против узурпатора и несет ответственность за жителей, так что пусть меч немедленно принесут. И еще он говорит им вот что: «Разве, если я захочу, я не могу удушить себя одеждой или разбить голову о стену, или броситься вниз головой, или умереть, задержав дыхание?»

Этим, как пишет Аппиан, он убедил родственников, и меч ему принесли. Успокоившись, Катон кладет оружие рядом с собой и вновь берет книгу, перечитывает некоторые места и наконец засыпает. Ночью он проснулся от боли в руке и попросил лекаря перевязать ее. Перед рассветом вновь осведомился об обстановке, и ему доложили, что все спокойно.

Он попросил его больше не беспокоить. Закрыл дверь и ударил себя мечом под грудную клетку. Удар оказался слабым – опухшая рука сплосковала. Он упал с ложа и опрокинул столик. На шум прибежали домашние. Увидели на полу Катона в луже крови. Он был жив и в сознании. Лекарь вложил вывалившиеся внутренности обратно в живот и зашил рану. Едва его оставили в покое и вышли из комнаты, он руками разодрал бинты и «как зверь, разбередил свою рану и живот, расширяя раны ногтями, роясь в них пальцами и разбрасывая внутренности, пока не умер».

Ему было сорок девять лет. И он действительно достиг бессмертия. Его честность, справедливость и стоическая мудрость до нашего времени остались легендарным эталоном. Он не дал возможности Цезарю проявить по отношению к себе его хваленое милосердие и тем самым втоптать в грязь и небытие.

Итак, Катон не дал Цезарю лишиться себя бессмертия. Когда победитель прибыл в Утику и узнал о случившемся, то был страшно раздосадован и воскликнул: «О Катон, мне ненавистна твоя смерть, ибо тебе было ненавистно принять от меня спасение».

Казалось бы, противостояние закончилось, враг повержен, но он и мертвым оставался для Цезаря соперником на пути к божественности и бессмертию. Ведь Гай Юлий так или иначе стал если и не прямым, то косвенным убийцей достойнейшего и благороднейшего из римских граждан, снискавшего себе славу на ниве справедливости, – чистой и незапятнанной кровью арены, а не на войне, подобно прославленному завоевателю. Стало быть, какие бы подвиги

не совершал Гай Юлий Цезарь, сколько бы стран и народов не завоевал, каким бы золотым дождем не осыпал своих сограждан и какими бы лаврами не увенчивался, – все равно – преступник, раз посягнул на совесть Рима, великого Катона. Так примерно могли рассуждать многие его современники. Он стал символом нового для римлян понятия гуманизма (в отличие от цезарианского пощадизма), основанного на вере в справедливость, честность и благородство. В этом смысле он как бы взрыхлил почву для семян пришедшей вскоре в Рим из Иудеи новой религии – христианства.

Примерно так, как выше сказано, воспринимала Катона и римская интеллигенция, в том числе и Цицерон, написавший хвалебную книгу о Катоне. Она привела Цезаря просто в ярость, и он, хоть и был, как всегда, сверхзанят государственными делами, все же нашел время для написания своей о благородном Марке Порции Катоне книги под названием «Анти-Катон».

Текст этот, к сожалению, утрачен, остались лишь незначительные фрагменты, но и по ним можно судить, как глубоко ненавидел Цезарь этого человека. Никто, кроме Катона не вызывал у него такого раздражения и негативных эмоций. Пытаясь любым способом очернить своего духовного антипода, он притягивает на помощь такие факты, которые его самого обливают грязью с ног до головы, но он этого, похоже, и не способен заметить. Он открыто, к примеру, признается, что сестра Катона Сервилия была его любовницей, стало быть, женщиной легкого поведения. Так вот, говорит автор, если сестра, дескать, была шлюхой, то что вы хотите от брата? Какое тут может быть благородство, честность и совесть, если они одной крови?

Просто поразительно. Неужели такой умный человек не понимает, что в этой ситуации выставляет себя в негативной роли соблазнителя сестры великого человека? Причем с корыстными, как это всегда у него и бывало, целями.

А вот еще аргумент. Всем была хорошо известна любовь Катона к своему брату Квинту. Когда он внезапно умер, причем это случилось на чужбине, Марк Катон горько оплакал смерть своего брата и, по римскому обычаю, сжег его тело и поставил на его могиле памятник из фасосского мрамора. Обошелся он Катону недешево: целых восемь талантов. А что пишет об этом Цезарь? Дескать, после того как Катон сжег тело, он просеял через сито прах своего брата в поисках золота. На кого он этими рассказами рассчитывает? На совсем уж наивного простака? Катон потратил восемь талантов на памятник, а затем стал искать какие-то крупички, чтобы возместить издержки?

Обвинил он Катона и в пьянстве. А тот, наоборот, говорил, по Светонию, что «Цезарь один из всех берется за государственный переворот трезвым».

Еще один факт, описанный Аппианом. У Катона был друг по имени Гертензий. Его жена была бесплодной, и этим его друг очень сокрушался. Тогда Катон отдал Гертензию свою жену Марцию на время, а когда она родила ребенка (от Гертензия, разумеется), взял ее к себе обратно в дом. Этому можно дать противоречивую оценку. С одной стороны, это акт самопожертвования, Катон нанес себе тем самым глубокую душевную рану, а с другой (так наверняка рассуждал Цезарь) – он сделал из своей жены, добропорядочной матроны, гетеру, тем самым оскорбил и унизил.

Напомним читателю и о наместничестве Катона на Кипре. Помните, когда он возвращался в Рим, на корабле возник пожар и сгорели деловые бумаги? Человек Цезаря Клодий обвинил тогда Катона в умышленном поджоге с целью скрыть свои финансовые нарушения и погреть на этом руки. Если Катон хоть и имел такую возможность на Кипре, как и всякий наместник, то что можно сказать об авторе пасквиля, ограбившем всю Галлию, Испанию, Египет и Африку?

Цезарь как-то сказал, что «Катону не дают покоя старые обиды», имея в виду, что в свое время он помешал Катону избраться консулом. Катон, кстати, по этому пово-

ду не слишком сильно расстраивался. Но до этого, как мы помним, своими затяжными речами в сенате он помешал Цезарю сделать два дела сразу – избраться заочно консулом и справить триумф.

Но теперь, когда он мертв, можно справить четыре триумфа сразу: галльский, египетский, понтийский и африканский. Все триумфы были отпразднованы по возвращении Цезаря в Рим с неслыханной пышностью, размахом и расточительством. Он затмил казавшиеся верхом роскоши недавние триумфы Помпея. Для каждого из шествий изготавливались детали носилок, колесницы, сбруи и прочего из одного материала: для галльского это было лимонное дерево, для египетского – акация, для понтийского в дело шел черепаший панцирь, а для африканского – само собой, слоновая кость.

Добыча, которую несли рабы на изукрашенных носилках, была такой богатой и ее было так много, что римские граждане были просто в шоке от такого невиданного ранее изобилия всего награбленного Цезарем в разных странах. В процессии вели, конечно, и знаменитых пленников, среди которых был и заклятый враг Цезаря галл Верцингеториг; в африканском триумфе зрители могли видеть малолетнего сына убитого Петреем нумидийского царя Юбы – он станет не только царем под именем Юба II, но и знаменитым писателем и ученым. В египетском триумфе самой знатной пленницей была сестра Клеопатры Арсиноя. В этом триумфе Цезарь в окружении сорока слонов, на спинах которых горели факелы, в наступивших сумерках проехал через всю столицу.

Для нашего героя наступил наконец-то настоящий праздник, ставший наградой за многолетние лишения и смертельные риски в непрекращавшихся войнах. Ради этих счастливых долгожданных дней он отчаянно дрался с галлами, германцами, испанцами и прочими бесчисленными племенами и народами, затем пришлось уничтожить и десятки тысяч своих же соотечественников в гражданской войне.

Триумфы отмечались с конца августа по конец сентября с небольшими интервалами, которые были заполнены еще более грандиозными празднованиями и пирами.

На пиру сорок шестого года за двадцатью двумя тысячами столов пьянствовали и угощались за счет победителя шестьдесят шесть тысяч человек. К каждому из столов, за которым пировали по девять человек, подавалась амфора фалернского вина, а это более двадцати литров, и кадус (бочка) хиосского вместимостью тридцать восемь литров. Этот пир на весь Рим длился не один день, и на нем, помимо прочего, было съедено шесть тысяч миног общим весом более двух тонн.

Вот такие масштабы. А какие он устраивал вечеринки! На них выступали разные хоры и балеты, пели иноземные певцы и певицы, танцевали свои танцы представители разных народов, а военный танец был исполнен сыновьями вельмож из Малой Азии.

В эти дни можно было увидеть и троянскую конную игру, и состязания атлетов на Марсовом поле, и обычные для римлян скачки в Большом цирке. А впервые столичные жители увидели такое зрелище, как навмахия, то есть морское сражение. Для этой цели на берегу Тибра был выкопан пруд, где четыре тысячи гребцов, разделенные на две флотилии, показали искусство морского боя. Помимо инсценированных во время триумфальных шествий наиболее ярких эпизодов завоевательных войн, великий полководец дал, так сказать, и наглядные бои прямо в Большом цирке; с каждой стороны сражались по пятьсот пехотинцев, тридцать всадников и двадцать слонов. Слоны для Рима были экзотикой. Впервые их увидели на улицах столицы во время триумфа Помпея. А вот жирафов римляне впервые увидели в эти памятные дни.

В память о своей покойной сестре Юлии победитель на целые девять дней занял Форум, где были устроены звериные травли, введенные в обиход развлечений римской толпы еще Суллой, но Цезарь превзошел на этот раз своих

предшественников опять же широким размахом – за время этих кровавых игр было уничтожено четыреста львов.

Впервые римляне увидели и известную в Фессалии тавромахию, предшественницу корриды: всадник на всем скаку должен был ухватить быка за рога в самом прямом смысле. Не с тех ли времен вошла в обиход и известная поговорка?

Устраивались, конечно, и обычные гладиаторские бои, но и тут Цезарь не поскупился как на количество дерущихся не на жизнь, а на смерть, так и на их вооружение и доспехи, сверкавшие на арене серебром.

Впрочем, великий завоеватель мог себе это позволить. Только в государственную казну он по окончании войн внес гигантскую сумму в шестьсот миллионов сестерциев. Помимо этого он устроил выставку награбленных им сокровищ. На столах красовались две тысячи восемьсот двадцать две диадемы из золота, весившие в общей сложности две тысячи четыреста четырнадцать фунтов (фунт равнялся тремстам двадцати семи с половиной граммам), а также навалил груды золотых монет на сумму шестьдесят тысяч талантов.

Ничего, Впрочем, удивительного в этом нет – ведь Цезарь ограбил практически всю Европу, доступную ему часть Азии и Африки. Своей фантастической добычей он решил поделиться и с гражданами, устроив бесплатные раздачи. Каждый получил по десять модиев зерна (модий равен восьми целым семидесяти трем сотым литра), по десять фунтов масла и по четыреста сестерциев звонкой монетой. Такого еще не бывало, поэтому Рим был просто опьянен щедротами Цезаря.

Не менее щедро были одарены и преданные воины, принесшие ему столько славных побед. Каждый ветеран помимо обещанной земли получил по двадцать тысяч сестерциев, каждый центурион – по сорок тысяч, а каждый трибун – по восемьдесят. Цезарь сполна расплатился со всеми, кому обещал. И все-таки нашлись среди солдат и недовольные. Они потребовали, чтобы полководец помимо денег дал им еще и то, что горожанам – хлеб и масло. Это настолько возмутило диктатора, что он приказал не-

скольких недовольных казнить, а их головы прибить к стене Регия, где вывешивали череп Октябрьского коня, то есть жертвоприношение, какое совершалось каждый год пятнадцатого октября.

Этот поступок говорит не только о жестокости. Если бы он просто казнил неблагодарных легионеров, это было бы в порядке вещей, но он пригвоздил их черепа к жертвеннику и таким образом принес человеческое жертвоприношение, чего в Риме не бывало со времен седой древности, жертвами служили обычно любые животные, но не люди. Этим он давал понять соотечественникам, что он не только их правитель, но и подобный богам хозяин их судеб.

Со свойственным ему упорством и целеустремленностью он стал после окончательной победы над оппозицией утверждать свою личность и как объект поклонения. Свои триумфы он обставил не только с большей, чем его предшественники, пышностью и роскошью, но и с такими, например, новшествами. Его колесница была запряжена не гнедыми, как было принято, конями, а белыми, а это было привилегией царей, и сам Ромул справлял свой триумф также на белых конях. Кроме того, Цезарь въехал в Рим до триумфа, что тоже являлось серьезным нарушением традиций.

Уже на другой день он освятил храм Венеры-Прародительницы, явно намекая современникам, что он является потомком богини и ему, стало быть, как и ей, следует поклоняться. Кроме этого, были введены культы Победы Цезаря и Фортуны Цезаря. Но об этом более подробно мы поговорим в следующей главе.

И хоть ликование народа во время и после этих великолепных триумфов с последующей раздачей добычи деньгами, зерном и маслом было велико, все же праздники были омрачены утратами, какие понесла практически всякая римская семья во время этих войн. Как показала произведенная в этом году перепись, число римских граждан убавилось наполовину. Вот такой страшной ценой заплатил и

Цезарь и Помпей за свои победы и удовлетворение своих честолюбивых амбиций.

Но гражданская война еще не была завершена. Разбитые в Африке помпеянцы во главе с сыновьями Помпея, Лабиеном, Аттием Варом и другими объявились в Испании. Ставленник Цезаря наместник Квинт Кассий так нещадно грабил местное население, что оно готово было принять любую помощь от кого угодно. Кассий был нелюбим и колонистами, поэтому они организовали на него покушение, после чего от его пяти легионов откололись два, так что Цезарю пришлось слать лихоимцу подкрепление, и в конце концов он заменил его Требонием.

Но это было уже запоздалое решение. Мятежные легионы перекинулись к помпеянам, в руках которых оказалась практически вся Дальняя Испания.

Цезарю пришлось вновь прервать свои триумфальные римские каникулы и отправиться в Испанию во главе девяти легионов и многочисленной конницы.

Он прибыл туда в конце сорок шестого года. У него было желание закончить эту кампанию как можно скорее, он понимал, что не может больше злоупотреблять терпением своих солдат, измотанных предыдущими многолетними войнами, их силы были уже на пределе. Правда, они получили сполна после триумфов, но им хотелось этими деньгами и наделенной землей попользоваться, а не умирать на полях сражений.

Цезарь всячески навязывал помпеянам генеральное решительное сражение на открытой местности, но Гней Помпей, возглавивший после смерти отца его дело, уклонялся от этого, предпочитая изматывать противника и заставляя его штурмовать города и заниматься прочей военной рутинной. Но вновь фортуна или случай оказались на стороне Цезаря. Помпей отошел к городу Мунду (нынешняя Монтилья), занял его и намеревался идти дальше к югу, но разлив реки Марчены остановил его, и сражение оказалось неизбежным.

Оно было ожесточенным, и чаша весов военной фортуны колебалась то в одну, то в другую сторону. В опреде-

ленный момент ряды непобедимой цезаревой армии дрогнули. Полководец хватал знаменосцев и поворачивал их лицом к врагу, орал на солдат, что они отдают победу сопливым мальчишкам (имея в виду сыновей Помпея) и все такое прочее, но это мало помогало. Тогда он выхватил у одного из солдат щит и пошел один на передовую линию. Говорят, в его щит впились десятки вражеских копий. Офицеры по долгу чести вынуждены были пойти ему на выручку, а за ними и солдаты. Таким образом, боевой дух был восстановлен, а этот бой подарил нам еще одну историческую фразу великого полководца, что он всегда сражался за победу, а здесь он бился еще и за собственную жизнь.

Перелом в сражении наступил в тот момент, когда конница мавретанского царя Богуда (того самого рогоносца, чья жена побывала в объятиях Цезаря) ударила в тыл и подошла к лагерю помпеянцев сзади, отчего Лабиен вынужден был развернуть свои войска против вражеской конницы. Солдаты других легионов подумали, что пошло отступление, и тоже повернули в обратную сторону. Начался хаос, неразбериха, паника, чем и воспользовалась конница Цезаря и довершила сражение победой.

Резня была страшная, об этом и говорить нечего. И вновь со стороны победителя потери были хоть и значительные — тысяча убитых и пятьсот раненых — зато помпеянцы потеряли тридцать пять тысяч человек, причем в этом сражении погиб и бывший соратник Цезаря по Галльской войне, а затем непримиримый его противник в гражданской — Тит Лабиен.

Помпей бежал, сел на корабль, но вражеская эскадра нагнала его. Когда он спасался на берег, зацепился ногой за снасть; ее стали рубить, чтобы он мог выпутаться, и поранили ногу. Ему все-таки удалось скрыться, но ищейки Цезаря обнаружили его, и Гней Помпей разделил судьбу своего отца. Победителю поднесли также голову и сына Помпея Великого. Младшему Помпею, Сексту, удалось бежать в Северную Италию.

После этой победы слава Цезаря достигла апогея. Ему приписывали уже не только человеческие способности: ум, интеллект, волю, талант полководца, сопряженный с удачей, и тому подобное, современники стали видеть в нем сверхчеловека, равного обитателям Олимпа небожителю.

Когда до Рима дошла весть о победе при Мунде, сенат откликнулся на нее совершенно неслыханными почестями: было объявлено о пятидесятидневных молебствиях, Цезарю присвоили звание Отца Отечества, Освободителя (логика присвоения этого титула совершенно непонятна: Рим не был завоеван иноземцами, и Цезарь, таким образом, освободительными войнами никогда не занимался, всегда – завоевательными, а кроме того, понятие свободы всегда ассоциируется республиканской демократией, с чем Цезарь ожесточенно боролся и победил). Но тем не менее сенат постановил воздвигнуть также и храм Свободы, установить на Рострах две статуи диктатора, а третью на Капитолии среди статуй римских царей. Но и этого сенаторам показалось мало – четвертая статуя была помещена в храме Квирина с надписью «Непобедимому богу», а изображения Цезаря из слоновой кости должны были нести во время торжественной процессии (как в свое время мы носили портреты генсеков и членов Политбюро).

Ранее, после победы в Африке, он был провозглашен диктатором на десятилетний срок с правом ходить в окружении семидесяти двух ликторов, цензором на двойной, то есть трехлетний срок, что давало ему возможность формировать состав сената по своему усмотрению, а народным трибуном он был уже с сорок восьмого года.

Титул императора, а после победы при Мунде, – последней, заметим, победы, он получил его в третий раз, становится отныне постоянным и является неотъемлемой частью его имени. Монеты с его профилем имели по кругу надпись: «Император Юлий Цезарь». Титул этот дожил до наших дней, и является синонимом абсолютной власти.

Кроме того, он отныне имел право появляться в общественных местах в одеянии триумфатора и постоянно носить на голове лавровый венок, что ему нравилось больше всего, потому что пахучие листья скрывали лысину; к тому же он щеголял в высоких красных сапогах, какие носили в древности римские цари.

Да и ни у кого не было сомнений, что вернулись старые времена единоличной власти, и республиканцы горько оплакивали поверженную к ногам диктатора некогда демократическую родину. Цицерон писал, что в Цезаре он видит «царскую власть, невыносимую не только для римлянина, но даже для какого-нибудь перса».

Был отпразднован и пятый триумф после окончательной победы над помпеянами. Это тоже стало пощечиной остаткам республиканской оппозиции, да и противоречило традициям: до этого триумфы отмечались по поводу побед над другими народами, а этот, так называемый испанский, посвящался победе над своими же соотечественниками в гражданской войне. Плебейский трибун Понтий Аквила в знак протеста не встал во время процессии. Позже он станет для Цезаря постоянным объектом насмешек. По тому или иному поводу он говорил: «Я сделаю это, если мне позволит Аквила». А перед концом жизни он уже откровенно над ним издевался такими, к примеру, фразами: «Аквила, потребуй от меня, чтобы я вернул республику, благо ты трибун...» И так далее.

На этот раз колесница триумфатора, носилки, упряжь, доспехи и другое, нужное для шествия, было украшено полированным серебром. Были даны и пиры, причем триумфатору показалось, что угощение скудно, и он распорядился повторить для народа через четыре дня более обильное и щедрое пиршество.

Эти мероприятия происходили осенью сорок пятого года, и до мартовских ид сорок четвертого оставалось всего полгода.

ГЛАВА X

РЕФОРМЫ

И за эти полгода Цезарь изменил государство до неузнаваемости. Он провел в нем такие радикальные реформы, что республикански настроенные соотечественники хоть и негодовали, но изменить что-либо в предложенной Цезарем схеме управления государством и его жизнедеятельности уже не могли. И даже смерть диктатора не смогла отменить его законов, а некоторые из них живут и по сей день.

Какие же изменения в структуре государства и его общественных институтов совершил наш герой? По сути, это была самая настоящая революция вспять, то есть реставрация давно забытого в Риме правления царей и восстановления их полномочий в более полном и расширенном объеме (см. главу III). Но это на первый взгляд. Отличий оказалось много, и о них мы еще поговорим, но самым существенным стало то, что римские цари в древности избирались сенатом и власть их была пожизненной, а Цезарь назначил своего внучатого племянника преемником на посту главы государства, таким образом, верховная власть становилась наследственной и династической, чего в Риме никогда не бывало.

Правда, после смерти Цезаря Октавиан Август не сразу обретет права на высшую власть, а лишь в результате гражданской войны. Он упрочит ее надолго и закрепит наследственное право за своими потомками.

Прежде, чем мы будем говорить о самих реформах, обсудим те объективные данности социальной и экономической жизни Рима, породившие необходимость этих преобразований. Они давно назрели, и если не Цезарь, то кто-либо иной, так или иначе оказавшийся во главе государства, вынужден был бы их осуществить.

Со времен Суллы, если не раньше, стала сильно хромать выборная система. Магистраты всех уровней замещались не по признаку деловых качеств и нравственного достоинства, а по размеру кошелька того или иного претендента. Голоса откровенно покупались кандидатами, а иной раз брались и силой. Вспомним Клодия и Милона, имевших вооруженные отряды; они запугивали избирателей насилием и открытыми политическими убийствами.

Да и к тому же коррумпированные должностные лица уже не справлялись с возложенными на них обязанностями еще и потому, что Рим, если можно так сказать, перерос свою полисность и стал мировой державой. На вновь завоеванных территориях власть наместников сводилась лишь к самому неприкрытому грабежу местного населения, что вызывало их ожесточенное сопротивление, которое надо было постоянно подавлять вооруженной силой. Цезарь, как несомненно умный политик, осознал тут необходимость перемен прежде всего в увеличении должностных лиц в столице, власть которых распространялась бы и на провинции, чтобы и там царили римские порядки и неукоснительно исполнялись бы и римские законы.

Верным был и такой шаг диктатора, как дарование римского гражданства всей Италии, а также и давно романизированным провинциям, таким как Предальпийская Галлия, например.

Более того, даруя римское гражданство иноземцам, он вводил их, наряду со своими преданными офицерами в сенат, что в определенной степени гарантировало стабильность в завоеванных провинциях.

О новых сенаторах современники издевательски говорили, что они не только латыни не знают, так даже и дороги в курию не находят в малознакомой им столице.

К тому же, разбавляя высшее сословие выскочками из провинций, Цезарь не только сводил практически на нет политическое влияние и авторитет сената, ненавистного ему органа высшей власти, с которым вечно воевал, но и делал из него послушного исполнителя своих законотворческих нововведений.

Специальным декретом диктатору было даровано право восседать в сенате на специальном курульном кресле между двумя консулами, стоявшем выше их мест, и первым высказывать свое мнение по любому вопросу.

В его руках теперь были самые важные функции сената – распоряжение финансами и назначение наместников провинций.

Будучи народным трибуном, он имел возможность и утверждать принятые законы. Помимо этого, магистратуры получали только те, кого рекомендовал лично Цезарь. Таким образом, выборные склоки и подкупы сами собой прекратились. Синекуры получали, разумеется, лишь преданные диктатору люди.

Выстраиваемая таким образом вертикаль власти давала возможность правителю решать и многие другие проблемы – имущественные, финансовые, торгово-промышленные (в античном, конечно, понимании), сельскохозяйственные, военные и прочие на всем пространстве подвластной ему империи.

Пополнились новыми людьми и жреческие коллеги, что тоже Цезарю было необходимо как в миссионерских целях в завоеванных провинциях, так и для пропаганды своего сверхчеловеческого гения и божественного происхождения.

Одной из самых больных проблем, можно сказать, кровоточащей язвой, была проблема столичного пролетариата, точнее, безработного плебса, кормившегося бесплатны-

ми хлебными раздачами. Число их было огромно: триста двадцать тысяч. Цезарь законодательно определил условия, а это неработоспособность, многодетность и другие, при которых тот или иной человек мог получать бесплатное пропитание. Этим условиям соответствовала лишь половина – сто пятьдесят тысяч. Число это должно было оставаться постоянным, новые иждивенцы могли появиться в списках лишь взамен убывших по разным причинам (смерть, эмиграция и т. п.). Наиболее активных и вполне работоспособных пролетариев числом восемьдесят тысяч правитель выселил из столицы в заморские колонии, чем убивал также двух зайцев: пристраивал на кормление столичных бездельников в провинции, способствуя углублению их романизации, и в то же время избавлялся от потенциальных возмутителей спокойствия, готовых в любой момент за грошовые подачки служить какому-нибудь новоявленному Клодию и поставлять ему голоса на выборах. Это были мудрые решения.

Ну а те, кто не захотел уезжать и не имел права на пособие, могли теперь найти в столице и работу благодаря строительному буму. А чтобы безработный сельский плебс не стекался в Рим, Цезарь законодательно принудил латифундистов нанимать и свободнорожденных, а не пользоваться лишь рабским трудом. Кроме того, работы хватало и на других грандиозных проектах Цезаря – канале между Тибром и Адриатикой, строительстве порта в Остии и других.

Надо здесь походя отметить, что, пожалуй, редкий современный город может сравниться с древним Римом по разительному неравенству в своем благоустройстве и архитектуре. Наряду с парадными дворцами и форумами, вошедшими во все альбомы по античному градостроительству как не уступающие современному образцы древнего урбанизма, на окраинах в бедняцких кварталах были страшные грязные лачуги в зловонных переулках. Нечто подобное можно наблюдать нынче за городской чертой латиноамериканских мегаполисов.

На территории высвобождавшихся таким образом грязных кварталов стали вырастать новые храмы, форумы, базилики, библиотеки, дворцы, доходные дома, а в планах диктатора стояли еще более грандиозные замыслы: «воздвигнуть храм Марса, какого никогда не бывало, засыпав для него и сровняв с землей то озеро, где устраивал он морской бой, а на склоне Тарпейской скалы устроить величайший театр» (Светоний). Помимо того, сообщает тот же источник, он намеревался «осушить Помптинские болота; спустить Фуцинское озеро, проложить дорогу от Верхнего моря через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм». Ни одно из этих начинаний при жизни Цезаря не осуществилось. Что касается вышеназванных болот, то все попытки их осушить его преемникам так и не удались, равно как и перекопать Истм, то есть Коринфский перешеек, каналом, а это пытались делать Калигула и Нерон, зато Фуцинское озеро было спущено при императоре Клавдии.

Своеобразно и по уму решалась и проводилась в жизнь и аграрная реформа, которую всячески пытались осуществить со времен братьев Гракхов. Цезарь решил прекратить практику захвата лучших сельхозугодий в Кампании богатыми аристократами, монополистами, диктовавшими цены на продовольствие. Прежние реформы не имели реального успеха, потому что отчуждаемые в пользу сельского плебса земли вскоре вновь оказывались у олигархов, — мелкие крестьянские хозяйства не могли конкурировать с латифундиями, разорвались и вынуждены были за бесценок продавать свои наделы.

Поэтому наряду с теми законами, принятыми в эпоху первого триумvirата, по которым ветераны восточных походов Помпея получали наделы в плодородной Кампании, Цезарь дал землю и своим ветеранам, причем приоритет имели отцы, имевшие трое и более детей. Это было очень разумно со всех точек зрения: многодетные семьи, таким образом, не люмпенизировались и не сидели на шее у го-

сударства; тем самым стимулировалась и рождаемость, а это после многолетних войн, уменьшивших, как мы уже говорили, население римского государства вдвое, было весьма актуально, если иметь при этом в виду, что захватнические планы диктатора еще не завершились завоеванием Европы. У него чесались руки потрепать еще и парфян в отместку за поражение Красса, а легионы надо было кем-то пополнять.

Земельные наделы при этом, что важно, нельзя было продавать или отчуждать в собственность другому лицу в течение двадцати лет, а это серьезно стимулировало землевладельца к труду на своем участке, а не заниматься спекуляцией на землевладельческом рынке, что давало выгоду только крупным латифундистам.

А в провинциях Цезарь наделял землей и собственностью также и вольноотпущенников. Более дешевые провинциальные земли привлекали и олигархов, скупавших на завоеванных территориях огромные участки пахотной земли. Плиний Старший, к примеру, пишет, что всего шестеро хозяев владели североафриканской территорией, где сегодня расположены целых три государства – Тунис, Алжир и Марокко. Плиний, правда, пишет о более позднем времени, первом веке новой эры, когда после гражданских войн в империи установилась относительная стабильность, но уже в описываемое нами время бурный рост сельского хозяйства в провинциях становится причиной начала упадка земледелия в самой Италии. Уже начиная со второго века до новой эры более дешевый хлеб из Северной Африки, Египта и Сицилии, привозимый в Рим, вынудил итальянских землевладельцев отказаться от хлебопашества. Выгоднее стало заниматься животноводством, виноградарством, оливководством и овощеводством. Но позже более дешевые испанские и греческие вина и оливки, вкусная галльская ветчина и другие продукты стали вытеснять на римском рынке итальянские. В конце концов итальянское сельское хозяйство оказалось неконкурентоспособным по отношению к

провинциальному и пришло в упадок, несмотря на все агрономические, технические и прочие ухищрения.

Но в эпоху Цезаря Италия представляла собой цветущий сад. Крупные хозяйства процветали, поставляя к изысканным столам римских гастрономов качественные продукты. Фруктовые сады, оливковые рощи, виноградники, розарии, поля фиалок, питомники редких деревьев и кустарников для ландшафтных парков в поместьях и украшения вилл; огороды, где росли капуста, лук, спаржа, чеснок, репа, брюква, бобы, горох, пряная зелень и прочее; птичники, где выращивались не только гуси, утки и куры, но и голуби, павлины, фазаны, журавли, лебеди, дрозды и куропатки; свинарники, где круглоносые животные откармливались желудями, зерном и бобовыми до такой тучности, что сами не могли стоять на ногах, – вот что можно было увидеть в плодородных итальянских долинах.

Что касается свинины, то римляне были до нее большие охотники. Окрока, свиные колбасы и ветчина продавались в любой мясной лавке не только в столице, но и любом захолустном итальянском городишке. Сохранились сотни древнеримских кулинарных рецептов приготовления блюд из свинины. На любом пиршественном столе обязательно были фаршированные поросята, свиная голова, всевозможные колбасы, особо ценилось вымя, а самыми лучшими деликатесами считались половые органы. Припоминается в связи с этим описание одним римским писателем свиньи, настолько жирной, что слой сала под кожей у нее был толщиной в тридцать с лишним сантиметров; он же сообщает и вообще анекдотический случай: в живой свинье мышьяк выгрызла себе нору, и не только в ней жила, но и сумела вывести мышат.

Надо отметить, что римляне были замечательными агрономами и селекционерами, – высокие урожаи и породистый скот были не только следствием плодородия почв, – научный опыт и эксперимент творили просто чудеса. Агроном Колумелла, подобно нашему Мичурину, не желав-

шему ждать «милостей от природы», утверждал, что «знание и усердие хозяина всегда смогут победить бесплодие почвы». Тот же Плиний Старший сообщает, что видел «дерево, привитое всеми способами и отягощенное всякого рода плодами – на одной ветке висели орехи, на другой – ягоды, на третьей – виноград, на других – груши, винные ягоды, гранаты, яблоки».

Кстати сказать, постоянный адресат Цицерона Тит Помпоний Аттик владел огромными поместьями не только в Италии, но и в Греции. Занятие сельским хозяйством приносило ему не меньшие барыши, нежели ростовщичество. Он занимался разведением крупного рогатого скота, лошадей, ослов, овец и коз. Волы были в то время единственным тягловым средством в сельском хозяйстве, лошади поставлялись в армию, ослы служили тогда мини-грузовиками, а овцы и козы давали шерсть, мясо и молоко, из которого делались замечательные сыры.

Крупные землевладельцы иной раз устраивали в своих поместьях нечто вроде сельскохозяйственных выставок, где хвастались перед гостями такими диковинками, к примеру, как сорокафунтовая репа либо новыми породами пернатых, в том числе и голубей, которых разводили, как и теперь, ради эстетического удовольствия.

В древнеримской литературе наиболее ярко сельский быт описан Вергилием в его поэме «Завтрак» («*Moretum*»). С образными подробностями там описано утро крестьянина. Он встает до рассвета, добывает огонь в еще не остывшем очаге, зажигает лампу, мелет зерно, печет хлеб с помощью чернокожей рабыни. Но «хлеб без закуски в горло не лезет», поэтому крестьянин

*«Ищет припасов других, чтоб к Церерину дару в прибавку
Блюдо состряпать...»*

С этой целью он отправляется на огород, потому что у его очага не висит «туша свиньи, прокопченная с солью», а

всего лишь кружок сыра. Что только не растет на этом огороде! И свекла, и щавель и различный лук, также тыквы, огурцы, всевозможная пряная зелень и тому подобное. Но все это – на продажу. Крестьянин берет лишь четыре головки чеснока, «вслед сельдерея нарвал кудрявого, руты зеленой, и кориандра стеблей». Из этого он делает себе в ступке приправу под названием «толченка». Позавтракав таким образом, крестьянин «дружных быков запрягает в ярмо» и отправляется на пашню.

Но вернемся к обозначенной в этой главе теме. Такое достаточно радикальное решение земельного вопроса досаждало более всего аристократии, хотя Цезарь и не слишком посягал на их собственность. Старые патрицианские роды веками привыкли жить и богатеть за счет именно этой неисчерпаемой статьи дохода, подобно тому, как не одно столетие русское, скажем, дворянство сладко паразитировало при крепостном праве.

Эти популистские в принципе законы Цезарь принимал по обязанности главы демократической партии популяров. Ему всегда была не по нутру сенатская олигархия, но ему не следовало забывать, что по окончании гражданской войны он оказался единственным главой государства, «отцом отечества», поэтому обязан был служить всему народу и быть выше партийных разногласий, тем более ему были даны властные полномочия не на год, как консулам, а пожизненная диктатура.

Разбавленный своими людьми сенат не был для него в полном смысле опорой в обществе, потому что хоть все дружно голосовали как нужно, но олигархи-то остались, причем обиженные дважды: и экономически и политически. Понимая это, Цезарь милостями и подарками старался задобрить оппозицию, но, как говорится, насильно мил не будешь, и здесь это в самую точку. Потомственная знать после стольких утрат во время гражданской войны и унижений была еще и поставлена в положение почти равного плебсу класса в социальном плане, а в имущественном не-

сла большие материальные потери в результате объявленных реформ. Этого она диктатору простить не могла.

Недовольны были и плебеи. Привыкшие к праздности в столице, получавшие даровой хлеб и развлечения, они теперь вынуждены были либо трудиться на земле или на стройке, либо всеми правдами и неправдами пролезать в фиксированное число в сто пятьдесят тысяч человек, кто мог получать даровое продовольствие.

Поэтому диктатор оказался как бы между двух огней. У него не было прочной опоры в обществе, кроме лично преданных ему соратников, а таких были единицы, да и они служили за деньги и привилегии. Армия была фактически распущена, как того требовали римские законы, — регулярной армии формально тогда еще не существовало. Получившие землю ветераны были его, конечно, надежной опорой, но они находились теперь при земле в самой Италии либо провинциях, а в самом Риме властвовали олигархи и толпы люмпенов, и вести войну на два фронта полководцу Юлию Цезарю в невоенной обстановке было трудно, несмотря на его политический ум, интуицию и проявление уступчивости и милосердия.

Это привело, мы знаем, к убийству диктатора в мартовские иды сорок четвертого года, но до этого наш рассказ еще не дошел, а теперь зададимся вопросом: правильно ли поступал Цезарь как государственный деятель, была ли в реформах острая нужда и кто от них выигрывал?

Вне всякого сомнения, как читатель уже осведомлен, Римская республика была глубоко и тяжело больна вследствие коррупции, продажности, вражды различных ветвей власти, классов, партий, то есть переживала кризис, но то лекарство, какое предложил ей Цезарь, оказалось слишком горьким и общество выплюнуло его и отвергло такого лекаря, как он.

Многие понимали необходимость и пользу его реформ, но людей возмущало даже и не то, *что* он делал, а *как*. Укрепляя свою единоличную власть Цезарь целеустрем-

ленно делал то, что считал нужным, полагая, что государство может жить под властью лишь одного человека. Магистратуры всех уровней стали его марионетками, и ни одно выборное лицо не могло быть выбранным, если его не порекомендовал диктатор. Ну как не обратить свой взор на сегодняшний день в нашей родной стране: губернатор лишь тогда утверждается выборщиками, если его порекомендует (фактически назначит) глава государства; в противном случае выбранные народом депутаты будут разогнаны. Но не будем здесь углубляться и давать демократические советы древним и новым правителям, как укреплять авторитарную власть в рамках действующей конституции, не оскорбляя граждан уподоблением безголосым скотам запуганного стада.

Цезарь к тому же стал утверждать магистратуры загодя, и теперь, скажем, тот же Брут знал, что станет консулом по воле хозяина через три года. Никакой, конечно, власти эта некогда желанная высшая должность не давала, лишь ликторов и внешние проявления почета, поэтому неудивительно, что Брут не соблазнился этой мишурой и предпочел не жертвовать ради этого своими республиканскими убеждениями.

Ведение казной было передано даже и не выбранным, пусть и формально, квесторам, а назначенным самим диктатором префектам. На монетах, как мы уже говорили, появилось изображение Цезаря с морщинистой шеей и его личным именем с приставкой «император». Аббревиатура EX SC, то есть по постановлению сената (*ex senatus consulto*), с монет исчезло. Отсюда следовало, что сенат перестал быть высшим органом власти даже номинально. И это тоже было оскорблением высшему сословию. Монеты, кстати, чеканились из сплава золота и серебра в соотношении двенадцать к одному и весили восемь и две десятых грамма. Они имели хождение на всем пространстве империи, хотя на Востоке и в Греции чеканились и свои деньги.

Наместникам провинций Цезарь оставил лишь гражданскую власть – судопроизводство и другие административные функции, а военная принадлежала на завоеванных территориях назначенным диктатором легатам, кого он знал по войнам как способных и достойных военачальников. Для него в данном случае не имело значения происхождение офицера, его национальность и имущественный ценз. Так, в Египте командовал сразу четырьмя легионами любимчик диктатора Руфион, сын вольноотпущенника. С точки зрения профилактики гражданских войн и смут, это было верным решением. Теперь проконсулы уже не могли в своих провинциях набирать легионы из местных жителей либо привлекать на свою сторону уже готовые вооруженные формирования подвластных царьков, как в свое время это делали как сам Цезарь, так и Помпей, а затем Сципион с Катоном в Африке.

Упраздняя выборную систему, Цезарь тем самым прекращал в общественной жизни Рима и открытый диалог партий популяров и оптиматов, они как бы взаимоуничтожались, во всяком случае, по внешним признакам жизнедеятельности.

То же самое можно сказать и о классах. Они нивелировались, придвигались друг к другу и перемешивались, начиная с самых высших сословий – сенаторского и всаднического, которые уравнивались имущественным цензом в четыреста тысяч сестерциев. По этому признаку в первый класс могли попасть и богатые плебеи, так называемые эрарные трибуны.

Конечно, Цезарь хотел видеть общество, состоящее только из верноподданных, но он не учитывал, как теперь говорят, ментальности тогдашнего постреспубликанского Рима с укоренившимися понятиями и представлениями о патриархальности и незыблемости межклассовых взаимоотношений. Да и на практике, к примеру, промежуточные классы, точнее группы клиентов, вольноотпущенников и прочие не могли быть полностью независимыми от нобилей,

даже если бы этого хотели, по причинам хотя бы экономическим, не говоря о других.

Пребывавший в растерянности от этих нововведений народ, таким образом, не спешил принять новые условия общественной жизни, дистанцируясь и выжидая, в то же время не выказывая негативных эмоций.

Цезарю потому были даны беспрекословно все мыслимые и немыслимые по республиканским понятиям властные полномочия, что все устали от бесконечных войн и надеялись, что единовластие даст хоть какую-нибудь стабильность. Таким образом, Цезарь со своим ближайшим окружением оказались оторванными от народа; недовольными оказались, как уже сказано, как высшие классы, исконные привилегии которых беззастенчиво попирались, так и плебс, недовольный наступлением диктатора на тот образ жизни, какой они привыкли вести в Риме, этом гигантском по тем временам миллионном мегаполисе.

Назовем здесь имена и ближайших помощников реформатора, осуществлявших на практике его нововведения. Еще до начала гражданской войны, находясь постоянно в Галлии, Цезарь содержал в столице целый штат агентов, самыми влиятельными среди которых были Курион и Марк Антоний. После состоявшегося переворота в отсутствие диктатора в Риме правили банкир Г. Опий, магнат из Гаде-са Л. Корнелий Бальб и верный легат А. Гирций, описавший Александрийскую войну. Они получали от хозяина зашифрованные послания (в своих письмах он переставлял в словах буквы в определенном порядке) и неукоснительно выполняли все его поручения. Кроме них Цезарю верно служили за деньги или по убеждению его бывшие центурионы, получившие высокие гражданские должности, откупщики и аферисты, вроде поставщика оружия и припасов для великой армии П. Вентидия и ростовщика Г. Рабирия Постума. К верным вассалам можно причислить также и знатных галлов и испанцев, обласканных диктатором и ставших сенаторами.

Но это был ближний круг, немногочисленный и, еще раз скажем, оторванный от шокированного общества.

Оздоровление экономики и финансов, разумная внешняя политика, упорядочение гражданской жизни в разоренных провинциях и другие ожидаемые результаты от нововведений, без сомнения, оказались благом для пошатнувшегося государства, но Рим упорно держался патриархальных социальных и прочих ценностей и не собирался сдавать своих позиций новоявленному реформатору.

И это совершенно понятно – никто не хочет жить в эпоху перемен, даже если они сулят и очень светлое будущее. Поэтому революция сверху производилась практически одним человеком, который, похоже, один и понимал ее историческую необходимость. И протекала она в атмосфере какого-то мистического преклонения перед человеком-легендой, сумевшим победить многие доселе неизвестные племена и народы, а также прославленного и считавшегося непобедимым Помпея Великого. Фортуна была на его стороне постоянно, а это для древних было знаком свыше, – такое мог совершить не просто человек, рожденный женщиной, а равное богам существо.

Он и сам в пропагандистских целях поддерживал и всячески подогревал эти настроения, постоянно подчеркивая свое божественное происхождение от Марса и Венеры.

Зачарованный народ, словно в сказке про крысолова, под звуки цезаревой победной флейты, точнее тут будет сказать, под сурдинку военных труб, слепо пошел за ним, надеясь на его Фортуны и в гражданских делах, находясь как бы в сомнамбулическом состоянии под воздействием мифологического дурмана, что не диво в античном обществе.

А теперь зададимся в очередной раз вопросом: оправданы ли были политические реформы Цезаря, устанавливающие иной способ управления государством? Новым его, конечно, назвать нельзя, потому что и цари в дореспублическом Риме и современные реформатору восточные монархи издревле использовали эту модель управления, не

находя нужным менять ее на какую-либо более или менее демократическую. Вообще говоря, ответить на вопрос, какая система лучше, очень непросто, если иметь в виду понятия прогресса, качества жизни и политических свобод. Наука и культура, скажем, древнего Египта, в период расцвета управляемого фараонами, были столь же высоки, как и в свое время в демократической Греции. Ну а что касается качества жизни и свобод, то это очень хорошо видно на примере нашей страны: при царизме люди жили так же плохо, как и при социализме, когда были объявлены равенство и свобода, служившие фиговыми листками откровенной тирании. Народ при этом, кстати сказать, был вовсе не против царя, как предводителя нации, а против его окружения и верхушки, сосредоточившей в своих руках все национальные богатства. Знак неравенства был чрезмерно велик еще и потому, что и сам Николай II со своей семьей и многочисленными родственниками стоил народу очень недешево.

Делая революцию сверху, Гай Юлий Цезарь попытался остановить массовое обнищание плебса и путем перераспределения собственности не допустить его деградации. При этом ему надо было думать, как приостановить нравственное падение и представителей высших слоев общества, занятых в основном интригами, бездельем, сибаритскими удовольствиями и алчным ростовщичеством. Это были плохие слуги государства, исполнявшие обязанности лишь из выгоды и в карьерных интересах.

Слабым паллиативом стали законы против роскоши. Их принимали не в первый и не в последний раз, но толку от этого не было – красиво жить не запретишь. По принятым при Цезаре законам нельзя было хранить дома более пятнадцати тысяч денариев, а это небольшая сумма, предаваться гастрономическим излишествам и так далее, бездетным женщинам было запрещено пользоваться носилками, а жемчугами они могли себя украсить лишь по достижении сорокалетнего возраста. Укротить страсть женщин к украше-

ниям и развлечениям пытались еще во времена Катона Цензора, когда им запретили носить пурпурные платья и золотые кольца, а также кататься на колесницах. Они, конечно, устроили настоящий бунт, и долго тогда это не продлилось. Об этом, кажется, мы уже говорили, да и во времена Цезаря это все также носило смехотворный характер, потому что хитроумные женщины легко эти запреты обходили.

Помимо этого, Цезарь стал взимать налоги за лишние колонны в перистилиях (внутренние дворы в богатых домах). Если вспомнить, с каким пылом он порицал Сципиона за то же самое, когда тот губернаторствовал в Сирии, то факт политического лицемерия налицо.

Но следовало бороться не только с показной роскошью, отравлявшей жизнь малоимущим завистью, но и думать о том, как уменьшить глубину пропасти, разделявшей богатых и бедных. Сильно богатых тогда было около двух тысяч семей, и они, как правило, проматывали состояния своих предков, прибыли с латифундий и банковских спекуляций, и лишь немногие, такие, как Аттик, умножали наследственные капиталы относительно честной коммерцией и предпринимательством. Аттик, кстати, богатством не кичился, жил тихо и скромно в старом доме и в политику не лез, предпочитая в смутные времена отсиживаться в Греции, где проводил свободное время в кругу писателей и художников, переписывался с Цицероном; он исповедовал мудрый принцип «ты мне – я тебе» (*do ut des*), помогая в гражданских войнах обеим враждующим сторонам, – так он ссужал деньгами Мария и Суллу, Помпея и Цезаря, Антония и Октавиана Августа, отчего никогда не подвергался репрессиям и благополучно дожил до старости.

Среднего класса, как теперь говорят, тогда не было по многим причинам. Все необходимое для роскошного быта богатые получали от труда своих рабов, обученных всевозможным ремеслам, и от присвоения награбленного в провинциях. Поэтому особой нужды в товарах, производимых свободнорожденными ремесленниками, у них не

было, за исключением, пожалуй, оружия и тех предметов роскоши, какие теперь принято называть эксклюзивными, – статуи, картины, ювелирные изделия и прочие. В этих условиях сословие ремесленников нищало и легко превращалось в деклассированный сброд, которому, кроме хлеба и зрелищ, ничего и не было нужно.

Помните поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» Вспомнили кому? Не помещику, не купцу, не крестьянину и даже не царю, а «кабацкому ярыжке», на современном языке – «бомжу». У него нет никаких обязанностей перед обществом, равно как и общество ему ничего не должно, кроме бесплатного куска хлеба и рюмки водки.

Теодор Моммзен писал, что «по нравам и мирозерцанию между богатыми и бедными не было коренного различия: одинаковое ничегонеделание, одинаковое увлечение пустыми ничтожными удовольствиями царило в обеих группах, в каждой – в доступном для нее виде...»

Страсть к большим деньгам и невысказанной роскоши, действительно, достигла невероятного размаха, и об этом свидетельствуют все известные источники. Власть капитала стала доминировать во всех сферах общественной жизни, и стремление делать деньги спекулятивным путем притупляло у знати свойственные ее предкам острые инстинкты борьбы и завоеваний.

Здесь уместно еще раз обратиться к Моммзену, хотя апологетика этим немецким историком Цезаря и его деяний весьма спорна и неоднозначна, и автор относится с опаской к его выводам и во многом склонен с ними не соглашаться.

Но вот с этим мнением автор полностью солидарен:

«В Риме господство капитализма дошло до предела. Везде капитализм одинаково, лишь разными путями, губит мир Божий, но в новое время пока нет ничего подобного тому, что было в свое время в Карфагене, потом в Элладе, наконец в Риме. И если человечеству суждено еще раз увидеть те ужасы, которые переживали люди около времени Цеза-

ря, то такое бедствие постигнет род людской тогда, когда разовьется вполне то господство капитала, семена которого заложены в цивилизации Северо-Американских Соединенных Штатов».

Пророческие слова, если учесть, что многотомная «История Рима» создавалась Моммзенем в пятидесятые годы девятнадцатого века.

В целях минимизации такого расслоения по имущественному признаку Цезарь, в частности, запретил ростовщикам брать с должника более одного процента в месяц, а заемная сумма не должна была превышать стоимости половины земельного имущества кредитора, и ему приходилось, если он хотел делать деньги на процентах с крупных сумм, покупать прежде земельные участки, а это стимулировало земледелие, – и тут Цезарь убивал сразу двух зайцев.

Кроме того, путем списания выплат по процентам он уменьшил сумму долгов, причем стоимость имущества должника определялась по довоенным – более низким – ценам. Тем самым общая сумма долгов снижалась на четверть. И тем не менее должники и этим были недовольны, памятуя популистские посулы Катилины, а позже с подобными же законопроектами о полной кассации долгов выступали Целий Руф и Долабелла, пока Цезарь подавлял последние очаги сопротивления в Испании.

Что касается налогов, то наибольшее послабление получили провинции, и это было очень дальновидным шагом диктатора. Причем налогообложение было избирательным – те города и области, что поддерживали Цезаря во время гражданской войны, получали льготную поблажку, а те, что были на стороне Помпея, платили, наоборот, гораздо больше. Налоги со времен Цезаря собирались уже не откупщиками, а самими местными общинами и поступали прямым путем в казну.

Пополнялась государственная казна и уже испытанным Суллой путем конфискации имущества богатых политических противников, при этом отличие от Суллы, скажем, со-

стояло в том, что отобранные деньги и богатства прямоком поступали также в карман государства, а не отдавались верноподданным приятелям из вельмож и родственников, как при Сулле, и не проматывались в пьяных кутежах.

Что касается военной реформы, то в послевоенный период каких-либо глубоких и серьезных преобразований в армии не произошло. Цезарь в период десяти лет непрерывных войн сделал достаточно для укрепления ее боевого духа, дисциплины и боеспособности. Солдатам после триумфов, помимо денег и наград, был сокращен срок службы и повышено жалование. Офицеры, попадавшие в армию из высших классов и зачастую покупавшие себе воинские звания, стали набираться теперь не по принципу сословности, а по профессиональной пригодности, а в этом у полководца был богатый опыт, – он видел, что столичные маменькины сынки готовы в штаны наложить от одних росказней о бесстрашных и непобедимых галльских или германских воинах. А многие к тому же откровенно отлынивали от службы. Поэтому был введен закон, по которому нельзя было получить гражданскую должность и заседать в общинном совете, не прослужив трех лет в армии в офицерском чине или шесть лет солдатом. Кроме этого, нельзя было мужчине в возрасте от двадцати до сорока лет уезжать из Италии более чем на трехлетний срок, а сенаторским детям можно было покинуть Рим лишь в качестве сопровождающих полководца или иного высокого должностного лица.

Любопытно, что армия, сыгравшая решительную и главную роль в приходе Цезаря к верховной власти, в мирное время как бы перестает быть политическим инструментом его гражданского всевластия. В самой столице войск не было, этого не допускал закон, основные воинские контингенты были расквартированы в провинциях, а их насчитывалось целых двадцать три легиона. Еще шестнадцать легионов были набраны к весне сорок четвер-

того года для предполагаемого похода в Парфию. Таким образом, Цезарь являлся верховным главнокомандующим огромной армии, составлявшей в общей сложности тридцать девять легионов, а такого количества вооруженные силы Рима никогда не имели, и тем не менее на случай непредвиденных обстоятельств (вооруженный мятеж оппозиции, уличные беспорядки и так далее) у диктатора в столице не было вооруженной карающей опоры. И это более чем серьезный просчет для такого прагматичного и дальновидного политика, как Цезарь. Быть может, он надеялся на свой божественный ореол непобедимости и свою Фортуну, хранившую его от любых бед и напастей? На постоянную любовь народа, зачарованного мистикой его побед и задаренного добычей?

Излишняя самоуверенность, конечно, была ему присуща, и он в практическом смысле, вероятно, полагался на быстроту и стремительность своих хорошо обученных войск, но были, похоже, и внутренние причины психологического порядка. Усталость и одиночество, удел всех правителей, породили в нем равнодушие к собственной судьбе. Он даже отказался от личной охраны и ходил по городу и на заседания сената лишь в сопровождении ликторов, почетного эскорта, полагавшегося по должности. Когда ему говорили, что он тем самым подвергает свою жизнь опасности, он отвечал в том смысле, что лучше один раз умереть, чем все время бояться смерти.

Все последующие римские императоры со времен Августа содержали расквартированные в окрестностях Рима гвардейские части (так называемые преторианские когорты), памятуя о мартовской трагедии сорок четвертого года, к тому же преторианцы станут самым весомым козырем и решающим аргументом в борьбе за первое место в государстве.

В этом быстротечном грозном ливне революционных нововведений Цезаря выделим еще и реформу римского календаря, бывшего, по словам Светония, «в таком бес-

порядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда – не на осень». Действительно, с современной нашей точки зрения дореформенный римский календарь был, мягко говоря, условным, и за пять веков разошелся с естественным ходом светил на шестьдесят семь суток, а человека, считавшего время на минуты, такое дряблое состояние календаря не устраивало. Поэтому Цезарь ввел вместо прежнего лунного календаря солнечный, составленный александрийцем Созигеном.

До реформы месяц в соответствии с лунным циклом составлял двадцать восемь, а иногда двадцать девять дней, соответственно двенадцать таких месяцев в сумме дней отставали от количества суток в солнечном году, и приходилось по временам прибегать к практике вставных месяцев, причем делалось это жрецами спонтанно и нерегулярно, приводя хронологию к путанице.

Юлианский календарь оказался на редкость стабильным и точным. За две тысячи лет набежало всего тринадцать дней. Их единым взмахом пера, подобно Цезарю, отменил в восемнадцатом году двадцатого века Ульянов-Ленин. А Православная Церковь до сих пор живет по юлианскому календарю.

Коль скоро мы взялись рассказывать о календаре, просветим немного читателя о том, как вообще римляне обходились со временем и как его считали. Месяц делился на три неравные декады – Календы, Ноны и Иды. Календы (отсюда и само слово календарь) начинались по первым дням месяца, ноны – пятого или седьмого, а иды – пятнадцатого или тринадцатого, в каждом месяце по-своему, – так иды начинались пятнадцатого числа в марте, мае, июле и октябре. Сутки делились на светлую и темную части и были равны – по двенадцать часов, поэтому в летнее время дневной час длился час пятнадцать, а в зимнее он равнялся сорока четырем минутам, соответственно ночной час был длиннее дневного.

Сейчас, к примеру, мы говорим, что вышли из дома в шесть часов вечера, а римлянин сказал бы, что это было «во время от заката солнца до восхода вечерней зари». В обиходе были такие понятия как «в то время, когда поют петухи» или «когда зажигают огни» и тому подобные.

Годы тогда хоть и имели числовое обозначение от мифической даты основания Рима, но их обычно помнили и называли по правлению консулов, – говорили, например, что то или иное событие случилось в консульство того и того-то, скажем, Марка Бибула и Юлия Цезаря, то есть в нашем нынешнем представлении – в пятьдесят восьмом году до Рождества Христова.

Немецкий философ Освальд Шпенглер, говоря об античном понятии времени, пишет, что античность «не обладала памятью» и «не имела никакого исторического органа». Для античного человека, утверждал он, «не существовало прошедшего и будущего в качестве упорядочивающей перспективы, и все оно полно в совершенно непостижимой для нас степени настоящим».

Поэтому, утверждает философ, и смерть Цезаря случилась отчасти из протеста новому ощущению времени, какое давал введенный по египетскому образцу календарь. А в Египте прошлому поклонялись и знали каждый час и минуту жизни умершего тысячи лет назад фараона.

Объективного времени в нашем понимании для римлянина не существовало, и поэтому юлианский календарь как бы разрушал внутреннее мироощущение каждого и вносил тревожную новизну с трагическим и темным подтекстом той точности и соразмерности, с какой неизбежный Рок наступает на жизнь человека. Это было в полном смысле преступлением против настоящего, полного жизни мироощущения, когда человек не знал и знать не хотел, что с ним случится через минуту, и что с ним было час назад. Поэтому не было и сильного страха смерти. Помните, центурион перед Фарсальской битвой говорит Цезарю: «Сегодня ты меня похвалишь живым или мертвым».

Поэтому и римская история в древних источниках мифологизирована, она зачастую оставалась в устном изложении, и как всякая легенда обростала в пересказе фантастическими подробностями; для римлян было обычным и вовсе не удивительным считать того же Юлия Цезаря прямым потомком Венеры. Религия переплеталась с историей, и это было нормой общественного сознания. Надо добавить, что археологии как науки в то время не существовало, древним и в голову не могло прийти, чтобы что-то там раскапывать, чтобы поточнее узнать, когда случилась, к примеру, та или иная битва.

Поэтому неудивительно, что Моммзен обвинял римских историков, что они «говорили о том, о чем надо было умалчивать, и молчали о том, о чем надо было говорить».

Но мы уходим в сторону от темы реформ.

Ими Цезарь занимался достаточно активно лишь в последние полгода своей жизни, и за этот короткий срок сумел выстроить вертикаль власти, законодательно урегулировать финансовые и земельные проблемы; соответственно менялись некоторые аспекты гражданского права и судопроизводства. На глазах римлян, завороченных гением, удачей и фортуной великого завоевателя, республика превращалась в военную монархию. Первыми стали оправляться от наваждения аристократы, понимавшие, что они становятся марионетками и от них ускользает не только реальная политическая власть, но и деньги. По Юлиевым законам нельзя стало безбедно жить на проценты (нынешние буржуа живут уже и не на проценты, а на проценты с процентов, и говорят, что настали плохие времена, если приходится жить только на проценты), нельзя стало беззастенчиво грабить провинции (по новым законам с должника нельзя было взимать более двух третей его дохода и т. п.), нельзя стало присваивать в личное пользование целые города и области и так далее.

Хуже того: вчерашние рабы, наглые вольноотпущенники, а также наводнившие столицу хитроумные греки, ев-

реи, сирийцы и прочие выходцы с Востока стали перехватывать в свои руки банковскую деятельность и торговлю, а в сенате благородной знати приходится сидеть рядом с галлами и испанцами, лишь вчера сменившими штаны на тогу и почти не знавшими латыни.

Таким образом, затеянная Цезарем революция сверху вполне могла бы быть названа социалистической в привычном смысле, но помимо высшего класса недовольство выражал и пролетариат, насильно изгоняемый из столицы в провинции.

Здесь следует отметить, что в деле реформ у Цезаря были единомышленники и среди высшего сословия. Сохранились два письма Саллюстия к Цезарю, датированные пятидесятым и сорок шестым годом, где он сетует главным образом на моральное разложение сограждан, считает его главным злом и язвой, разъедающей основы государства, и дает советы по его оздоровлению. А причины нравственной деградации он видит в стремлении к богатству, корысти, стяжательству и тем изнеживающим тело и душу удовольствиям, которые покупаются за большие деньги. А деньги и есть первопричина всех пороков, и он советует Цезарю «лишить деньги их значения», дабы уберечь молодое поколение от «дурных вкусов и скверных страстей» и направить на верный и добродетельный путь, чтобы оно «старалось быть честным и деятельным, а не расточительным и богатым». И далее он говорит, что многие великие державы гибли из-за чрезмерной алчности, и делает такой вывод: «Все победители богатство презрели, а побежденные его возжелали». Это уже явное лукавство, если не сказать иначе, – Цезарь как раз не «презрел», а «возжелал», оказавшись при этом победителем.

Основной корень зла Саллюстий видит в способности денег расти и пухнуть на дрожжах-процентах и поэтому советует в будущем «уничтожить ростовщиков, дабы каждый из нас заботился о себе». Вот уже более двух тысяч лет бродит по планете эта светлая мысль, подобно при-

зраку коммунизма; с капитализмом пытались бороться и революционным путем с помощью оружия, но он и по сей день, можно сказать «живее всех живых». Деньги, как эквивалент труда, сами по себе большим злом не являются, но у них дурные склонности. И с этим, к сожалению, человечество смирилось, не найдя деньгам другой замены.

В этих письмах Саллюстий советует Цезарю также увеличить число сенаторов и ввести тайное голосование, выбрать магистратов по жребию и так далее.

Цицерон, кстати, тоже, выступая в сенате в сентябре сорок шестого года в защиту изгнанного из Рима политического противника Цезаря Марка Марцелла, призывает диктатора к более активному обустройству государства, павшего и деградировавшего в результате распри и гражданских войн.

Цезарю действительно удалось начать процесс оздоровления пошатнувшейся экономики, правда, в этом огромную роль играли не столько реформы, сколько колоссальный приток золота и дешевых рабов из новых провинций. Он дал оправиться и наладить хозяйственную жизнь и старым провинциям, и в этом не последнюю роль сыграла активная романизация и дарование прав латинского гражданства провинциалам – они тем самым становились полноправными членами единого государства, которое теперь управлялось из единого центра и жило по одним и тем же законам.

Апологет Цезаря Моммзен полагает, что создание средиземноморской державы было единственным выходом из того социального кризиса, что естественным образом созрел в полисном государстве и привел к бедам гражданской войны, а кроме того, путем эллинизации Рима он оздоровил и греческую культуру и римскую цивилизацию – «он слил в одно народность, создавшую государство, но не имевшую культуры, с народностью, которая имела высшую культуру, но не имела государства». С этим согласиться

трудно, ибо сами понятия культуры и государственности не имеют природного единства (именно поэтому греки не имели сильного государства) и поэтому в определенной степени антагонистичны и с трудом совместимы; результат их сожительства по нужде и необходимости и называется цивилизацией, которая вряд ли породит золотой век, но это уже другая тема.

ГЛАВА XI

ЗАГОВОРЩИКИ

Итак, реформы диктатора, лавиной рухнувшие на патриархальные устои Рима, оказались молодым вином, налитым в старые мехи. Это вызвало, как мы уже говорили, у аристократов очень много безответных и больных вопросов.

Но это не стало единственным мотивом заговора, окончательно созревшего к весне сорок четвертого года. Какие же еще причины подвигли аристократов на это, помимо того, что их стали отпихивать от корыта, где лежали деньги и должности?

Прежде всего их возмущала дискредитация выборной системы. Выборы на высшие должности всегда были любимой азартной игрой со всевозможными интригами, подкупом и временными союзами, политической борьбой, состязанием в красноречии и так далее. А теперь все было заранее известно. Цезарь на много лет вперед распланировал поименно, кто и когда будет консулом, претором или квестором; например, а мы уже об этом упоминали, Брут получил консульские знаки отличия в сорок третьем году. Именно знаки отличия и формальную должность без реальной власти. Даже в свое отсутствие Цезарь доверял руководство государством только лично ему преданным людям из числа своих бывших офицеров и собственных вольноотпущенников, которые становились специальными пре-

фектами и государственными казначеями, тогда как во все времена распоряжение финансами было прерогативой высших магистратов.

Оскорблением традиций было, еще раз повторимся, изображение диктатора на монетах и исчезновение с них аббревиатуры сената. До Цезаря на монетах изображались только боги. А кроме того и высшие командные должности стали замещаться не пойми кем по воле правителя, а это было всегда привилегией высшего сословия. Таким образом, руководство государством становилось личным делом одного человека, который ставил сомнительные заслуги так называемых новых людей выше знатного происхождения. Сенат наполнился безвестными выскочками из провинций (одних италийцев в высшем органе государства было четыреста человек), центурионами и даже рядовыми из победоносной армии Цезаря.

Помимо того, что для всех аристократов такой образ политической жизни был неприемлем, у каждого из заговорщиков были и личные обиды на ту или иную несправедливость, учиненную диктатором.

Давайте теперь познакомимся с теми, кто принял участие в заговоре. Светоний говорит о шестидесяти персонажах, некоторые источники говорят о восьмидесяти. Проверить это сейчас практически невозможно, поэтому остается только верить или не верить этим цифрам, но что достоверно известно – убивали Цезаря двадцать четыре человека.

Кто они? Исследователям удалось выяснить имена двадцати из них. Давайте их назовем и узнаем личные мотивы каждого.

Прежде всего Брут и Кассий, главные организаторы. Марк Юний Брут был сыном Сервилии, сестры Катона, любовницы Цезаря, и многие древние историки полагают, что Брут был сыном Гая Юлия от этой любовной связи. Выдвигаются такие аргументы: с чего бы, мол, Цезарю так сильно заботиться о стареющей женщине, делать ей дорогие

подарки и устраивать выгодные сделки? А после битвы при Фарсале, зная, что Брут находится в стане врагов, приказал сразу же его отыскать и, по воспоминаниям очевидцев, очень рад был и счастлив, что Брут остался в живых после этого сражения. И еще одно важное доказательство: в момент нападения заговорщиков Цезарь пытался защищаться, но когда увидел среди них Брута, то воскликнул: «И ты, дитя мое?!», лег на пол и укрылся тогой. То есть это воспринимается не как иносказание, а признание диктатором Брута собственным ребенком.

И еще одно обстоятельство говорит в пользу этой версии. Прощенный Цезарем помпеянец Кассий получил должность претора по делам иноземцев, а такой же помпеянец Брут стал городским претором, а эта должность была рангом повыше. Между ними по этому поводу разгорелась вражда. Глядя на это в свете мартовских ид, некоторые полагают, что эта склока по поводу того, кто из них более достоин более высокой должности, была розыгрышем, инсценировкой, дабы диктатор не подумал, что они в одной упряжке. Но это всего лишь предположение. К этому надо добавить, что на будущий год Бруту светило консульство, а Кассию было обещано всего лишь наместничество в Сирии.

Поэтому, полагали древние историки, Цезарь и благоволил Бруту, потому что был ему отцом. Так это или не так не знали даже его современники, во всяком случае явных свидетельств за или против не находится, поэтому и нам незачем ломать голову над этим хоть и весьма важным фактом. Можно просто допустить, что Цезарь был расположен к сыну некогда любимой женщины из личных симпатий. Все может быть.

Брут был в чем-то схож с Катоном. Так же ходил по Городу небрежно одетым и непричесанным и умозрительно был так же жестоко ориентирован на республиканские ценности. То, что ему приходилось служить Цезарю и жить с ним в одном – не республиканском – государстве, напол-

няло его неизбывной горечью протеста. Эти чувства подогрело в нем и то, что он был потомком высокочтимого знаменитого Брута, изгнавшего в пятьсот десятом году из Рима царя и установившего республику.

О том, как это случилось и какие к тому были поводы, мы сейчас и расскажем, ориентируясь на Тита Ливия. Об это же повествуют в своих сочинениях Катон Цензор и Полибий, но они относят эти события не в пятьсот десятый, как Ливий, а в пятьсот седьмой год. Возможно, это и легенда. И в ней, как и всякой трагической истории, замешана женщина. Крылатая французская фраза «ищите женщину» здесь не окажется лишней.

Как-то во время осады города Ардеи знатные римляне за чашей вина заговорили о своих женах, и каждый расхваливал свою. Дальний родственник царя Люций Тарквиний Коллатин предложил всем вместе навеститься в Рим и посмотреть, чем же занимаются их жены, когда мужей нет дома. Так и поступили. Своих женщин, а среди них были и царские невестки, они застали пирующими с подругами. А когда они приехали в сабинский городок Коллацию, где находился дом Коллатина, застали его жену Лукрецию, как и подобает добропорядочной матроне, за пряжей шерсти в окружении служанок. Старший сын царя Секст Тарквиний глаз не мог оторвать от красавицы, и через неделю без ведома мужа вновь приехал в Коллацию. Лукреция его встретила, как почетного гостя, и, как в сказке, напоила, накормила и спать уложила. А он среди ночи явился к ней в спальню и, угрожая обнаженным мечом, изнасиловал ее. Когда он утром уехал, Лукреция послала гонцов за мужем и отцом, а когда они в сопровождении друзей приехали, все им рассказала и тут же ножом, спрятанным под платьем, нанесла себе смертельную рану в сердце.

Свидетелем этого был и Люций Юний Брут, племянник царя Тарквиния. Он вместе с друзьями и родственниками, возмущенный таким поступком царского сына, вынес тело целомудренной женщины на площадь и призвал горожан к

восстанию против царя. Народ двинулся в Рим, где возмущенные римляне поддержали Брута и Коллатина, которые после изгнания царя были избраны первыми консулами, и таким образом царский Рим превратился в республиканский.

Марк Юний Брут, потомок учредителя республики, по матери принадлежал к роду Сервилия Агалы, известного тем, что он убил богатого плебея Спурия Мелия за попытку восстановить монархию в четыреста тридцать девятом году. Так что происхождение Брута как по отцовской, так и по материнской линии, было республиканским.

И все же он вряд ли оказался бы в числе заговорщиков только по мотивам своих умонастроений и ревнивой обиды по отношению к любовнику своей матери, о чем тот не постеснялся признаться публично в «Анти-Катоне». А если до него доходили слухи, а это вполне можно предположить, о том, кто его настоящий отец, то наверняка он испытывал и комплекс бастарда.

Главным зачинщиком и организатором всего этого дела был, вне всякого сомнения, Гай Кассий Лонгин. Он был талантливым военачальником, и известность к нему пришла после поражения армии Красса при Каррах. Кассий сумел выбраться живым из этой страшной мясорубки и возглавил оборону Сирии от парфянского нашествия, а затем нанес парфянам и серьезное поражение в битве под Антиохией в пятьдесят первом году. Подавил он и вспыхнувший в Иудее очередной мятеж. По возвращении в Рим Кассий избирается народным трибуном и становится ревностным помпеянцем. А его флотоводческий талант сослужил ему славу победителя в морской войне при Мессане и Вибоне в сорок восьмом году.

После окончательного разгрома Помпея при Фарсале он сдал весь флот Цезарю. Аппиан описывает это так. Цезарь в погоне за Помпеем переплывал Геллеспонт на маленьких челноках и столкнулся с эскадрой под командованием Кассия. Военные корабли, а их было семьдесят, без труда одолели бы небольшие суда Цезаря, но такова была хариз-

ма непобедимого полководца, что Кассий «от страха перед счастьем его, столь прославленным и внушающим ужас... протянул руки к нему с корабля к лодке, попросил прощения и передал ему свой флот». У Кассия тогда была прекрасная возможность взять Цезаря в плен и тем самым спасти республику...

И вот это больней всего сверлило память Кассия. Ему всегда становилось не по себе от мысли, что он сдался без боя, по понятиям воинской чести – проявил трусость.

Как и все генералы, он считал себя не хуже других прославленных полководцев, и в этом был схож с Лабиемом, переметнувшимся к Помпею едва ли из республиканских убеждений, а из ревности к военной славе Цезаря.

Итак, Кассий все это, вероятней всего, и задумал. И тут самое время взять в руки Аппиана и почти слово в слово пересказать тот диалог, что состоялся у Брута с Кассием в начале, наверное, сорок четвертого года. Он очень красноречиво характеризует Кассия как искусителя. Беседа эта приводится Аппианом со сценической интонацией, поэтому не будем ее менять и изобразим как в пьесе.

«КАССИЙ (положив руку на плечо Брута). Что мы будем делать в сенате, если льстецы Цезаря внесут предложение объявить его царем?

БРУТ. Я постараюсь в этот день там отсутствовать.

КАССИЙ. А что мы сделаем, славный Брут, если нас туда позовут в качестве преторов?

БРУТ. Я буду защищать отечество до своей смерти.

КАССИЙ (обнимая Брута). Кто из знатных при подобном образе мыслей не присоединится к тебе? Кто, полагаешь ты, исписывает твое судейское кресло тайно надписями: ремесленники, лавочники или же те из благородных римлян, которые от других своих преторов требуют зрелищ, конских бегов и состязаний зверей, а от тебя – свою свободу как дело, завещанное тебе и твоим предком?»

Последняя фраза как нельзя более точно определяет намерение Кассия использовать Брута, как знамя, вокруг ко-

того можно собрать тех, кто обижен тираном и хочет восстановления республики.

Он не случайно говорит и о надписях, появившихся на судейском кресле Брута, а они были такие: «Брут, ты подкуплен? Брут, ты труп», «ты не его потомок», а на статуях его знаменитого предка писали: «почему не ты живешь теперь?»

Вот потомок ли был Брут учредителя республики или не потомок – остается загадкой, причем двойной загадкой. Если его отцом был Цезарь, то тут и гадать нечего, а если все же муж Сервилии Марк Юний, казненный Помпеем, то тут еще одна загадка, потому что тот самый неистовый Брут, ниспровергатель царизма, не пожалел и собственных сыновей, когда они оказались вовлечены в заговор по возвращению царской династии Тарквиниев. Оба они были казнены отцом. Тит Ливий пишет, что они были взрослыми, то есть могли иметь детей, предков нынешнего Брута. А если у них детей не было? Тогда, выходит, убийца Цезаря не был потомком первого консула.

Не исключено, что надписи эти и подметные письма были делом рук того же Кассия.

Еще одним несомненным недоброжелателем Цезаря был Понтий Аквила, тот самый, что не встал во время испанского триумфа диктатора, и за это не только подвергся постоянным ядовитым насмешкам, вроде «если Понтию Авкиле будет благоугодно» и тому подобным, но и лишился своих земель, которые были по указанию властителя конфискованы. Он, конечно, не стал долго раздумывать, когда ему предложили участвовать в заговоре.

Гай Требоний был верным боевым соратником Цезаря во время галльских и гражданской войн, и его имя часто мелькает на страницах «Записок» Гая Юлия. После войны он получил в октябре сорок пятого года должность консула-суффекта и ему было обещано место проконсула провинции Азия. Личные мотивы его вступления в заговор нам неизвестны, но Цицерон говорит о нем, как о человеке рес-

публиканских убеждений, не пожелавшем служить тирании. Он единственный из двадцати четырех заговорщиков не обагрив своих рук кровью Цезаря – его задачей было не допустить Антония в курию в момент убийства. У Плутарха это не Требоний, а Децим Брут. Он же, кстати, пытался и Антония впутать в заговор.

А первым нанес диктатору удар кинжалом Гай Сервилий Каска, трибун сорок четвертого года. Он был беден, амбициозен, обижен тем, что ему приходится брать деньги у ненавистного диктатора, и не видел перспектив дальнейшего карьерного роста.

Его брат Публий был также среди убийц Цезаря, и именно он, как говорят, нанес ему смертельную рану, единственную из двадцати трех.

Брал деньги у Цезаря и Сервий Сульпиций Гальба, бывший легатом во время Галльской войны. В сорок девятом году он баллотировался в консулы, но проиграл ставленникам Помпея.

Остаются непонятными мотивы Децима Юния Брута Альбина, также боевого соратника Цезаря, руководившего вместе с Требонием осадой Массилии (Марселя) во время гражданской войны. Он был весьма обласкан диктатором: после войны получил должность наместника Предальпийской Галлии; обещано было ему и консульство в сорок втором году. Децим Брут был в числе руководителей заговора и именно он уговорил Цезаря пойти в сенат в мартовские иды, несмотря на неблагоприятные прогнозы жрецов на этот день и дурные сны жены Кальпурнии, но к этому мы еще вернемся.

Луций Минуций Басил был легатом Цезаря, храбро сражался как в Галлии, так и на гражданской войне, особо отличился при Диррахии и Фарсале, а затем получил преторские знаки отличия, и, естественно, хотел получить в управление провинцию в ранге пропретора, но Цезарь ему в этом отказал, а в качестве отступного дал денег. Деньги он взял, хоть особо в них и не нуждался (его усыновил богатый дядя по материнской линии), но обиду затаил.

Луций Тиллий Кимвр был также претором в сорок пятом году и на следующий год получал в наместничество Вифинию и Понт. Он, по сценарию, должен был первым броситься к Цезарю с просьбой вернуть из ссылки брата и тем самым подать сигнал к действию.

Квинт Лигарий воевал в ранге легата против Цезаря в Африке. Диктатор говорил о нем, что он «негодяй и мой враг», но под воздействием блестящей речи Цицерона в защиту Лигария простил его, но, несмотря на это, тот не изменил своим политическим взглядам.

Пакувий Антистий Лабеон был приятелем Брута и поэтому был вовлечен в заговор как единомышленник. Не исключено, что у него были и личные обиды.

О квесторе сорок третьего года Гае Кассии Пармском известно лишь то, что он командовал флотом во время очередной гражданской войны уже между Антонием и Октавианом Августом.

Ну и далее малоизвестные сенаторы: Петроний, Тит Туруллий, Цецилий Буцилиан и его брат, Туруллий, Рубрий Руг Руга, Марк Спурий, Секстий Назон.

Вот те двадцать человек – о еще четырех ничего неизвестно, – которые по тем или иным мотивам оказались в одной упряжке и стали исполнителями злодеяния. Все они считали Цезаря узурпатором и обвиняли его в стремлении к царской власти.

Но давайте взглянем на обвинения оппозиции в намерении диктатора стать царем. Первый вопрос: была ли в этом у Цезаря острая необходимость? Ведь он обладал всеми властными полномочиями в стране, причем пожизненно, а кроме того, завещал верховную власть своему внучатому племяннику Октавиану. Так что большая абсолютизация своей власти Цезарю едва ли была нужна, хоть он и раздражал современников, щеголяя красными сапогами, в каких ходили в древности римские цари.

Но, как справедливо пишет Плутарх, «человеку любого счастья мало». И здесь будет к месту привести эпизод во

время празднования Луперкалий, очень красочно описанный тем же Плутархом. Он отмечался в середине февраля. В этот день по обычаю предков юноши из аристократических семей нагишом пробегали по улицам и площадям Рима и били «косматыми шкурами» всех встречных. Все это, конечно, привлекало всеобщее внимание, порождало веселые и откровенные шутки, и женщины старались оказаться на пути юношей, чтобы их шлепнули шкурой, – считалось, что счастливица в этом случае легко родит или сможет избавиться от бесплодия.

Вот такой веселый праздник. Цезарь наблюдал за ним, сидя на золотом кресле, стоявшем «на возвышенном месте», вероятно, на ораторской трибуне на Форуме.

И тут произошло вот что. Антоний протянул Цезарю корону, увитую лавровыми ветвями. Цезарь демонстративно ее не принял. Тогда Антоний предпринял вторую попытку вручить диктатору символ царской власти. И вновь – отказ. При этом в толпе, когда Цезарю подносили корону, слышались слабенькие хлопки, явно клакерские, а когда диктатор отвергал корону, народ единодушно и долго ему аплодировал.

Похоже, это была проба пера, репетиция, попытка прощупать общественное мнение. Когда после этого неудачного спектакля кто-то попытался украсить уже статую Цезаря лавровым венком с белой перевязью, что было знаком царской власти, народные трибуны Гай Эпидий Марулл и Луций Цезетий Флав арестовали этого явно подставленного человека и отправили в тюрьму. Народ шел следом и величал трибунов «брутами», людям понравились их решительные действия по прекращению этого постыдного спектакля.

Это привело Цезаря в негодование, и на его степень указывает тот факт, что он после этого в раздражении ругался, причем слово «бруты» в его устах несло негативную оценку, а обоих трибунов он отстранил от должности, несмотря на то что срок их полномочий еще не закончился. Но тем

не менее ему стало совершенно ясно, что его стремление провозгласить себя царем воспринимается народом без восторга и взаимопонимания, поэтому новых попыток предпринимать не стал.

Возникает еще вопрос: а для чего все же он это делал?

Одно из объяснений такое: Цезарь собирался воевать с парфянами, а в Сивиллиных книгах, где были собраны древние пророчества, было сказано, что парфян сможет одолеть только царь. Едва ли Цезарь, не веривший ни в какие приметы, предзнаменования и прогнозы жрецов и гадалей, доверился Сивиллиным книгам.

Но Плутарх уверяет, что именно в мартовские иды на заседании сената внучатый племянник диктатора Луций Аврелий Котта должен был объявить Цезаря царем «внеиталийских провинций» с правом носить корону «находясь в других землях и морях».

Если при этом учесть, что Цезарь наметил свой отъезд на Восток на восемнадцатое марта, то это, может быть, и правда. И есть два варианта объяснений этому факту. Первый: диктатору хотели угодить блюдолизы и его искренние почитатели, желая ему победы и зная его горячее желание принять все-таки царскую власть со всей ее атрибутикой. И второй: это самая настоящая провокация, организованная заговорщиками, и это скорее всего так, потому что Плутарх говорит об этом, вкладывая слова о даровании Цезарю царских полномочий вне Италии не кому иному, как заговорщику Дециму Бруту, который уговаривал Цезаря пойти в сенат в день убийства, несмотря на дурные предзнаменования. Ведь нам ничего неизвестно, как на это реагировал Цезарь.

Ходил, кстати, и другой слух. Дело, говорили, и не в Сивиллиных вовсе книгах, причем язвительный Цицерон по этому поводу писал, что уж больно хитро неистовая пророчица возвестила, что если римляне хотят спасения, пусть провозгласят царем того, кто на деле им уже является, а так как в Сивиллиных книгах не указаны «ни человек ни

время», то любого консула можно объявлять царем, – смысл примерно такой. Так вот, говорили некоторые, Цезарь и рвется на Восток, чтобы после победоносной войны с парфянами уже никто не осмелился бы протестовать против его воцарения.

Еще один слух передавался упорно из уст в уста в начале сорок четвертого года. Якобы Цезарь хочет перенести столицу империи в Александрию. А там уж никто не помещает ему стать царем и править по восточному образцу. Этот слух был у многих почти уверенностью еще и потому, что в Рим приехала Клеопатра с сыном диктатора Цезарионом. Египетская царица жила в столице не в доме диктатора, где у него была законная жена, а в отдельной резиденции, и ее положение было странноватым. С одной стороны, она была матерью единственного наследника Цезаря по прямой линии. Но был ли Цезарион его сыном? Светоний в одном месте говорит, что друг Цезаря Гай Огий написал целую книгу, где доказывает, что Цезарион никак не мог быть сыном диктатора. То же самое говорит и Николай Дамасский, историк, родившийся в шестьдесят четвертом году, когда Помпей завоевал Сирию. Он был, как теперь говорят, космополитом и одно время был советником царя Ирода, воспитывал детей Клеопатры и Антония, а затем его приручил Август для дипломатических переговоров с евреями и предложил ему написать свою биографию на основе своих записок. Так или иначе Николай Дамасский, без сомнения, был придворным историком и во времена принципата Августа не мог писать иначе, – ведь именно Октавиан был усыновлен Цезарем и объявлен в завещании главным наследником не только имущества, но и власти.

И все же вопросы остаются: если диктатор не был уверен в своем отцовстве, то почему признал Цезариона своим сыном? И почему мальчик в завещании не указан наследником хотя бы и малой части его состояния? Вероятней всего, Цезарь видел Цезариона будущим владыкой Египта, жестко ориентированным на римские интересы.

И это тоже раздражало римлян. Ведь он имел законную жену и в то же время открыто и не таясь посещал любовницу-царицу, не заботясь о внешних проявлениях нравственности; на его визиты к Клеопатре можно было, впрочем, смотреть и в свете межгосударственных отношений. В связи с этим нас не должно удивлять такое сведение Светония о том, что народный трибун Гельвий Цинна подготовил законопроект, по которому «Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников». То есть он хотел узаконить гарем на манер восточных владык.

Так что желание у Цезаря провозгласить себя царем наверняка было, но его трезвый разум говорил ему, что народ этого не поймет и не примет, поэтому он хоть и негодовал и был очень уязвлен, что спектакль во время Луперкалий провалился, все же смирился и больше явных попыток не предпринимал. И когда однажды льстецы попытались приветствовать его как царя, он сказал: «Я не Рекс (царь), я – Цезарь». Этим он намекал, что Цезарь по своим делам и происхождению выше царей.

Об этом же недвусмысленно дал понять на очередной церемонии, когда сенат в полном составе подносил ему бумаги с предоставлением ему новых полномочий и почестей. Он сидел на кресле перед храмом Венеры – Прародительницы (своей, заметим, прародительницы) и при этом не встал, нанеся тем самым оскорбление сенату как высшему органу государственной власти в формально республиканском Риме. Говорят, что он хотел встать, но его верный вассал Корнелий Бальб нашептал ему на ухо: «Разве ты не помнишь, что ты Цезарь? Неужели ты не потребуешь, чтобы тебе оказывали почитание, как высшему существу?» По другим сведениям, он не сделал этого по собственному почину, при этом «взглянул сурово» на некоего Гая Требация, предложившего ему встать. Жажда честолюбия неутолима, поэтому гордыня правителя требовала все большего и большего поклонения. Позже Цезарь

оправдывал свой поступок тем, что у него начинался приступ падучей, поэтому, дескать, он физически не мог встать.

Тем самым он дал весьма весомый козырь заговорщикам. Теперь, после этого события четырнадцатого февраля, всем римлянам стало ясно, что диктатор ставит свою власть выше любой другой, узаконенной в республике. И даже хуже того: презирает ее, ни во что не ставит и просто откровенно плюет в лицо сенату, говоря шире – римскому народу. Ведь не случайно он как-то обмолвился, что «республика – ничто, пустое имя без тела и облика».

После этих событий Кассию, можно предположить, нетрудно было убедить самых недовольных режимом убрать тирана. Легко догадаться, о чем стали шушукаться в своих домах заговорщики, и какие обиды выговаривали друг другу. Никто еще так не оскорблял высшее сословие и, похоже, даже Сулла с его проскрипционными списками не казался им большим чудовищем – ведь уцелевшие после репрессий имели перспективы в привычной им политической жизни и карьере. А теперь, если учесть, что им было известно завещание Цезаря, получалось, что ни один патрицианский род, кроме Юлиев, не имел даже призрачных перспектив занять высшее место в государстве, а ведь во все республиканские времена два человека из знатных семейств ежегодно избирались консулами и передавали высшую власть новым двоим из благородных.

Такие разговоры, конечно, велись не только между заговорщиками. Подобные сетования и жалобы слышались во многих патрицианских домах. Слухи и сплетни, бродившие по Городу, проникали сквозь все стены и порождали глухое брожение недовольства также и среди простого народа. Люди всегда ждали выборов всяких магистратов как праздников. А теперь им тоже стало как бы нечем жить. Ведь за чашей вина в таверне можно было перемыть все косточки кандидатам, погадать, кто из них окажется щедрее, какие посулы будет давать на Форуме, сколько бочек и

какого вина выставит для толпы, сколько участников будет на гладиаторских боях и так далее.

Серьезное недовольство среди мужчин призывного возраста вызвал и новый набор шестнадцати легионов для войны с парфянами. И правы оказывались те критики режима диктатора, кто говорил, что он и без того своими бесконечными войнами уменьшил народонаселение Италии в два раза, как показала последняя перепись. Никому не хотелось идти топтать знойные месопотамские степи, зная, что там полегло многочисленное войско Красса.

У Цезаря был между тем более обширный и далекоидущий план. Плутарх пишет, что после покорения парфян он «имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией страны и на самое Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном».

Вот с таким геополитическим размахом он готовил очередную военную кампанию. Цезарь, как в свое время и Бонапарт, не мог подавить соблазна постоянно воевать и грезил о мировом господстве. И в истории он остался, в отличие от Наполеона, непобедимым полководцем.

И тут уместно процитировать еще раз Плутарха: «Многочисленные успехи не были для деятельной натуры Цезаря основанием спокойно пользоваться плодами своих трудов. Напротив, как бы воспаляя и подстрекая его, они порождали планы еще более великих предприятий в будущем и стремление к новой славе, как будто достигнутая его не удовлетворяла. Это было некоторое соревнование с самим собой, словно с соперником, и стремление будущими подвигами превзойти совершенные ранее».

Точнее не скажешь.

Итак, свои обиды, помноженные на общественное мнение, заговорщики посчитали смертельными и требующими отмщения и стали разрабатывать план убийства диктатора.

Было несколько вариантов: столкнуть его с мостков, по которым голосующие во время выборов идут к урнам, а затем внизу заколоть, напасть на дороге или при входе в театр, но в конце концов было решено сделать это прямо на заседании сената в курии Помпея. Причем злодеяние не поручалось наемным убийцам либо одному-двум добровольцам из среды заговорщиков. В этом преступлении должны были принять участие все двадцать четыре человека, сделав таким образом акт убийства ритуальным. Тиран должен был стать жертвенным животным на алтаре храма Республики.

Заговорщики сумели обо всем этом договориться и сохранить в тайне от других, но едва ли у них был хорошо продуманный и четкий план дальнейших действий после устранения тирана, как показывают события уже первых дней после убийства Цезаря. Они наивно полагали, что взойдут на Ростры, провозгласят речи и горячие лозунги, и республика сама собой реставрируется, и ликующий римский народ вновь заживет в демократическом обществе. Они не учли глубины революционных преобразований в управлении государством, осуществленных за короткий срок диктатором, да и все заговорщики были людьми средних достоинств, среди них не было харизматичного лидера, который бы все предусмотрел в партитуре переворота и создал бы условия перемен во власти необратимыми.

Если бы они посвятили в свой заговор Цицерона, результат мог быть и иным, но они побоялись вовлечь в это дело великого оратора и в прошлом «Отца отечества», памятуя, что он человек ненадежный, способный предать или перекинуться к победителю, как это случилось еще задолго до окончательного разгрома помпеянцев, когда Цицерон понял, что у них нет будущего.

Окажись Цицерон вожаком заговорщиков (что представить себе довольно трудно) или, по крайней мере, идеологом, стал бы он осуществлять на практике свои идеи о верных способах управления страной, изложенных в его трак-

тате «О государстве»? В нем автор, ориентируясь на Полибия, рассматривает три формы правления – монархию, демократию и аристократию. Всякая взятая в отдельности неустойчива, в какой-то момент изживает себя и преобразуется в другую, чаще всего путем насилия и беспорядков. Поэтому Цицерон предлагает гипотетический способ управления, включающий в себя все эти три формы, мечтая о гармонии «высших, низших и средних сословий», что, конечно же, чистейший идеализм.

Там еще декларируется, что обществу все дозволено, – власть народа – это высшая справедливость, и он имеет право любыми способами избавлять себя от тирании.

С этими идеями Цицерон носился еще и раньше, когда был консулом, всерьез озабоченным постоянным противостоянием нобилей и плебса. Он пытался их примирить и научить жить в согласии, но, убедившись, что с такими, как Клодий или Катилина, ни о чем не договоришься и не внушишь понятий о социальном равенстве и гармонии классов, начал присматриваться к образу мыслей и действий Помпея и затем Цезаря и приходил к убеждению, что демократия под опекой вооруженной силы вполне способна управлять государством.

Любопытна в этом отношении его речь в сенате осенью сорок шестого года, когда Цезарь, уступая просьбам родственников своего врага Марка Клавдия Марцелла, помиловал его и разрешил вернуться в Рим. Цицерон тогда расхвалил диктатора за его милосердие и призвал его к восстановлению разрушенных во время войны республиканских институтов власти под эгидой сената, а также принятия новых суровых законов по оздоровлению нравственности. Подобные же советы, как помним, давал Цезарю и Гай Саллюстий Крисп, и оба советчика видели в Цезаре лидера все-таки республики, способного объединить враждовавшие классы и подчинить верховенству закона. Ну а какие Цезарь принял меры по укреплению государства и с какими целями, мы уже говорили.

А прощенный диктатором «по желанию сената, этого великого оплота государства» Марцелл по пути в Рим был убит своим приятелем Публием Магием Килоном. Как версию можно выдвинуть предположение, что Килон был Цезарем подкуплен и выполнил роль наемного убийцы. Но это уже никак не могло повлиять на имидж Гая Юлия как милосердного и великодушного правителя.

Так что заговорщики не приняли в свои ряды великого оратора, певшего дифирамбы тирану за его мнимое милосердие и великие победы.

Но сами-то они, что называется, не видели дальше собственного носа, и реальной программы действий по восстановлению желанного республиканского строя у них не было, поэтому прав был Цицерон, когда уже после убийства Цезаря писал Аттику, что «мартовские иды не дали нам ничего, кроме радости отмщения» и что заговорщики «проявили отвагу мужей, разум же, верь мне, детей».

Итак, накануне мартовских ид в патрицианских домах собирались недовольные сенаторы и жаловались друг другу на свою судьбу, перечисляли обиды и растравливали разговорами старые раны. Им казалось, что у них нет никакого будущего, – все уже заранее расписано диктатором на годы вперед и высшая власть окончательно и бесповоротно ускользала от высшего сословия. Основной мотив – нечем жить. История как бы останавливалась, и им не оставалось ничего иного, как сыграть ва-банк и вернуть свои прежние привычки и образ жизни.

Но есть тут какая-то странность. Всем было известно, что диктатор собирается на войну, причем, по его прикидкам, кампания должна была продлиться три года, и ее результаты не обязательно могли быть победоносными, так что будущее все же сулило оппозиции желанные перемены. Так почему же все-таки они решились на убийство за три дня до его отъезда, ведь в его отсутствие можно было с большим вероятностным успехом делать свое дело по реставрации своих попранных прав и свобод? Сыграла ли тут

роковую роль пресловутая версия о том, что именно в мартовские иды на заседании сената Цезарь нацепит на себя корону, поверив Сивиллиным книгам? Или они опасались, что придется оставить теплые римские дома и идти в неведомую знойную глушь парфянских степей, где, подобно бедняге Крассу, придется сложить голову? Этот аргумент тоже, несомненно, следует учитывать, ибо войнами римское общество в то время было сыто по горло, и новая завоевательная кампания ну никак не вписывалась в общественное сознание тогдашнего Рима.

А что же сам диктатор? Ведь мог же он предполагать подобное, зная нравы своих соплеменников? Да и сам он в свое время активно и со знанием дела интриговал против законной власти и принимал участие в организации заговора Катилины. Хорошо знал он и римскую историю, читал, как погиб Ромул, и как Брут покончил с царской властью. Как человек, обладавший чутьем и интуицией, помноженными на безошибочное логическое мышление, он, конечно же, ощущал сгущавшуюся вокруг себя атмосферу, однако практически ничего не делал ради своей безопасности. Ходил по Городу без охраны и был всякому доступен. Было ли это признаком равнодушия к собственной судьбе, как мы уже говорили, либо тонким расчетом, что на безоружного не подыметься рука уважающего себя римлянина, сказать теперь трудно.

Ему неоднократно доносили, что против него плетутся нити заговора, но он на это никак не реагировал. Даже когда ему недвусмысленно дали понять, что среди злоумышленников и Брут, он ответил, тыча себе в грудь: «Брут еще повременит с этим телом». То есть он был абсолютно уверен, что обласканный Брут, которому светило консульство, а в дальнейшем, быть может, и более радужные перспективы, не сможет от них отказаться ради химеры по имени Республика.

Цезарь, конечно, подозревал в недоброжелательстве и дурных помыслах многих, но наибольшие опасения, и не

без оснований, вызывал у него Кассий, – много сходных черт читал он в нем с предавшим его Лабиеном. Он как-то сказал своим свитским: «Как вы думаете, чего хочет Кассий? Мне не нравится его чрезвычайная бледность». При чем тут бледность? Иносказание или какой-то неизвестный нам признак недобрых мыслей, известный в античности?

Впрочем, диктатор видел, какие ничтожные люди его окружают, и полагал, что они не сумеют сплести смертельную интригу и найти ему замену. Кроме того, он верил в свою постоянную удачу, в свой гений, в свое божественное начало, которые не могут его покинуть ни при каких обстоятельствах. Так ему подсказывал его прежний опыт.

ГЛАВА XII

МАРТОВСКИЕ ИДЫ

Накануне мартовских ид было явлено много знамений, говорящих о серьезных переменах в государстве и сулящих недоброе диктатору Цезарю. На Форуме появлялись птицы, на небе вспыхивали зарницы, люди светились странным холодным огнем, не причинявшим им вреда; посвященные богам лошади, вместе с Цезарем перешедшие Рубикон, отпущенные пастись на свободу, стали вдруг лить слезы и отказывались от пищи; в курию Помпея влетела птичка с лавровой веточкой в клюве и была растерзана преследующей ее стаей. И тому подобное.

Древние с их мифологическим сознанием были суеверны, и приметы, знаменья и гадания по внутренностям животных бывали порой важнее реальных дел, отменявшихся даже, если жрецам покажется, что потроха жертвенного животного сулят неудачу. Консул, к примеру, мог отменить заседание сената, если гаруспики сочтут этот день неблагоприятным для государственных дел и принятия законов, а полководец мог отменить запланированное сражение, если куриная печень окажется вдруг странноватого цвета.

Цезарь все это ни в грош не ставил и никогда не придавал гаданиям никакого значения. Не один раз гадатели советовали ему воздержаться от начала сражения по причине неблагоприятных признаков при жертвоприношении,

но он никогда к выводам жрецов не прислушивался и полагался только на свой талант, логическое мышление и удачу.

Современные ученые говорят, что удача заложена в человеке чуть ли не на генетически-клеточном уровне. Есть люди, которым всегда и во всем везет, а есть неудачники, и таковы, дескать, они от природы. Приводится пример с мешком монет. Если, скажем, тысячу монет высыпать на пол, то окажется, что бо́льшая или меньшая часть ляжет «орлом». Эту часть складывают вновь в мешок и опять рассыпают, и так до того момента, когда останется всего лишь одна монета, упавшая «орлом». Выходит, что эта монета, одна из тысячи, всегда падала «орлом». В этом действительно нет никакой мистики, но если пометить эту монету и повторить опыт, то вполне может оказаться, что упавшей «орлом» будет уже другая счастливица. Так что удача никогда не упразднит случая.

Диктатор хоть и не верил в приметы, все же накануне рокового дня чувствовал какое-то непонятное томление и плохо спал. Ему снились странные сны, и об одном из них он всерьез задумался. Что бы это значило: будто бы он, как птица, летает над облаками, земные пределы едва видны, а потом вдруг оказывается в каких-то озаренных неземным светом чертогах, где сам Юпитер пожимает ему руку. Неужели его принимают в сонм бессмертных богов? Ему стали приходить мысли о кратком уделе человека и вечной жизни под сенью бессмертных обитателей Олимпа. Такие мысли томили и наводили на сердце печаль, и он все чаще стал приглушать тоску вином. Не раз в кругу друзей на пирушках он становился грустен и заводил несвойственные ему разговоры о бессмертии и припоминал теории стоиков и перипатетиков, втягивая в эти беседы и своих приближенных, которые поначалу недоумевали, но в свете участвовавших знамений стали поддерживать эти беседы, примечая, что диктатор стал ежевечерне напиваться, чего с ним никогда не случалось.

Корнелий Бальб рассказывал, что в Капуе во время застройки новых участков поселенцы наткнулись на древние могилы и обнаружили гробницу основателя Капуи. В ней лежала медная доска с греческим текстом, говорившим, что после того как потревожен будет Капиев прах, погибнет его потомок от руки сородичей и по всей Италии вспыхнет новая распря. Здесь у Светония какая-то путаница. Среди предков Цезаря Капия не было, поэтому исследователи полагают, что речь идет о Юле. Реакцию Цезаря на эту байку предсказать нетрудно, но сам-то Бальб, ближайший сподвижник диктатора, должен был бы озаботиться безопасностью своего патрона, коль скоро такие недобрые предвестия да еще с конкретным подтекстом, что причиной несчастья станут сородичи, до него дошли.

Бальб должен был бы, казалось, встревожиться всеми этими знаменами и глухим брожением в обществе и усилить хотя бы негласное наблюдение за хозяином, приставить к нему незаметных охранников, раз он сам о себе не заботился, но он почему-то этого не сделал. Знал ли Бальб о заговоре? Вероятно, в какой-то мере и знал, потому что Рим без тайных интриг и комбинаций – это не Рим, но в какой степени достоверности? И если знал, то почему не принял против злоумышленников полицейских мер? Не позволил Цезарь? Пожалуй, могло быть и так, да и к тому же заговорщики были членами сената, а с ними ничего нельзя было сделать в смысле изоляции без широкой общественной огласки.

Так все и было: вроде бы многие и знали о готовившемся жертвоприношении на алтарь Республики, и в то же время ничего не предпринимали. Кто из солидарности, а сторонники диктатора из мнения, что он не только вне всякой критики, но и вне всякой опасности благодаря своему счастью и фортуне. Да и после того, как в храмах статуи диктатора стояли рядом с изображениями богов, а он и сам не прочь был назвать себя Юпитером-Юлием, никто из его окружения и представить себе не мог, что у кого-то может подняться рука на живого Бога.

Но несмотря на тревожные сны, темные предчувствия и разговоры о знаменьях, Цезарь продолжил заниматься государственными делами и подготовкой к длительному походу в Парфию, и в Аполлонию, где стояли готовившиеся к выступлению легионы, он послал делать последние приготовления своего наследника Гай Октавия. В этом молодом человеке он сумел рассмотреть выдающегося в будущем государственного деятеля.

Между тем иды марта неумолимо приближались и в своем приближении приносили новую волну слухов и предсказаний. Жрец-гарусник Спуринна без обвиняков заявил Цезарю, чтобы он опасался беды именно пятнадцатого марта. Хоть у диктатора и в самом деле на душе скребли кошки и витало темное облако неизвестного ему ранее томления и печали, выслушал он это предсказание с насмешливой улыбкой.

«Но, по-видимому, – пишет Плутарх, – то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым».

И это несомненная истина – судьбу не переспоришь: «Чему быть – того не миновать».

Накануне мартовских ид Цезаря пригласил на ужин его верный соратник Лепид, начальник конницы, по иерархии, после диктатора он был вторым лицом в государстве. Цезарь, по обыкновению сочетая отдых с работой, полулежа за столом читал какие-то бумаги и подписывал деловые письма, не забывая при этом о чаше с вином. Зыбкая нирвана опьянения приглушала томление в сердце и смертельную тоску.

Среди гостей были и заговорщики, в том числе и Кассий. Во время застольной беседы разговор зашел о смерти. Вспоминали, кто и при каких обстоятельствах из знакомых умер, были или не были тому или иному случаю предзнаменования, и как часто они оправдывались и подтверждались. В большинстве своем приметы себя оправдывали, но все равно никому не дано знать своего смертного часа. Кто-

то вспомнил времена Суллы с его проскрипционными списками. Люди, туда внесенные, знали, что их смерть зафиксирована на бумаге, но в какой день придет приказ умереть, им было также неведомо.

Говорили и о старцах, сумевших по воле богов дожить до состояния светлой радости детского восприятия жизни, и им смерть совсем не страшна, потому что они о ней и не вспоминают. А смертельно больные или раненые, кому смерть кажется избавлением от мук, также зачастую не могут уйти из жизни по своей воле, разве что попросят друга или раба нанести кинжалом удар милосердия, но почти всегда медлят и сомневаются, надеясь на чудо выздоровления и возможности дальнейшей жизни, страшась утратить не столько самое жизнь, а свои укоренившиеся привычки и удовольствия.

Кто-то сказал, что жизнь прекрасна и не ведает смерти, когда душа полна ликования, и не важно, что тому причиной: победа над врагом на поле брани, вкусный обед, когда живот распирает от удовольствия или красивая любовница, дарующая человеку такие незабываемые минуты блаженства, что жизнь тогда кажется вечностью.

Цезарь в тот вечер был на редкость рассеян и молчалив, и едва ли вслушивался в разговоры, уйдя в свои неведомые присутствовавшим мысли-воспоминания, но его умение одновременно читать, писать и слушать не увело его от затеянной темы, и когда Кассий спросил у пировавших, кто какой смертью хотел бы умереть, диктатор первым воскликнул:

– Внезапной!

Кассий усмехнулся. У него наверняка чесался язык намекнуть Цезарю, что его желание может исполниться уже завтра и стать действительно полной неожиданностью.

Гай Юлий встал с ложа и приказал рабам сопровождать себя домой. Сказал сотрапезникам, что ему нездоровится, он хочет лечь отдохнуть перед завтрашним заседанием сената.

Сон не шел к нему. Было полнолуние, и в окно лился призрачный голубоватый свет. Он был назойлив и неприятен. А раньше ему так нравилось смотреть на луну широко открытыми глазами, когда ночевал в открытой повозке. Ему всегда было интересно наблюдать за этим большим странным светилом, и призрачные очертания на нем словно манили к себе и пели никому неслышным немые мелодии в сопровождении хора звезд на темном небе Галлии, и он один в ночной тишине вслушивался и пытался понять смысл тех ораторий, что пели звезды и солировала луна.

Помнились лунные ночи и на Ниле, когда путешествовал на царском корабле. Клеопатра, эта девчонка с мужским умом и крепким характером, вместе с ним тогда наблюдала за ходом светил и объясняла ему премудрости небесной механики, и он восхищен был не столько ее знаниями, – обворожительный и нежный голос ее проникал, казалось, во все поры его тела, наполнял таким полным душевным наслаждением, какого великий завоеватель никогда не знал.

И его душу в том незабываемом путешествии возвышали не столько искусные ласки неземной девочки-богини, любившей его с умением гетеры, а та аура блаженства, витавшая в каждом кубическом сантиметре напоенного восточными благовониями воздуха убранной цветными тканями каюты. Его активный ум и энергия словно бы плавись в этом волшебном воздухе, порывистая стремительность исчезла в нем. Волшебные руки чаровницы словно из мягкой глины, подобно ваятелю, творили из него совершенно не похожего на себя, иного – влюбленного – Цезаря. Государственные дела и планы военных кампаний витали тогда где-то на заднем плане.

Однажды во время тогдашней большой прогулки по мутной восточной реке он проснулся среди ночи с чувством легкой тревоги на сердце, какая всегда посещала его накануне сражений. Он решил выйти из каюты и проверить посты. Судно было причалено, и ночная тишина не нару-

шалась шумным дыханием гребцов и всплеском весел. Все было в порядке. Верные легионеры стояли в карауле, как положено по уставу, охраняя его покой и безопасность. После несостоявшегося покушения во время пира в Александрии, задуманного евнухом Потинном, он не доверял египтянам. Это было уже в верхнем течении реки. Факелы отбрасывали отблески на темную воду и словно искрящийся черный базальт скал. Он долго тогда смотрел на эту игру света и тьмы. Мириады звезд, словно вколоченные в небо серебряные гвоздики, складывались в узоры южных созвездий. И ему тогда казалось, что звезды манят его к себе, а полная луна словно притягивает всю кровь из сердца и оно трепыхается в груди, как пойманная птичка...

Сегодняшняя ночь была по ощущениям похожей, но теперь ему очень хотелось, чтобы тоска и тревога ушли вместе с рассветом, и он встал, надеясь за каким-нибудь занятием скоротать время. Подошел к столу, стал перебирать свитки, читая и делая какие-то пометки, но вдруг поймал себя на том, что делает это автоматически, совершенно ничего не понимая в этих бумагах. Он бросил все и снова лег, спрашивая себя, что с ним происходит в последнее время. Возраст? Нет, он еще не старик и по-прежнему энергичен, скор на решения, не изменяют ему пока ни память, ни физические силы, — он и теперь сможет по целым дням не сходить с коня или шагать вместе с легионами по пыльным пустыням Парфии. О, поскорее бы! Как опостылел Рим с его интригами, врагами и лизоблюдами! Да, делать тут больше нечего и медлить нельзя. Впрочем, к походу все уже готово, и через три дня намечено выступать.

Ох, подумалось, поскорее бы Гелиос запрягал своих коней и нес на землю долгожданную зарю. Припомнился любимый с детства греческий миф о Фазтоне, сыне лучезарного солнечного бога Гелиоса и Климены, дочери морской богини Фетиды. Однажды сын Зевса и красавицы Ио Эпаф, ставший, по легенде, первым царем Египта, поссорился с Фазтоном и, чтобы его побольнее уязвить, сказал, что на-

прасно он верит своей матери, что он сын Гелиоса. Сгорая от ненависти и стыда, Фазтон бросился к своей матери и спросил, правду ли говорит Эпаф, что он простой смертный, а не сын лучезарного бога. Климена поклялась ему, что его отцом является Гелиос. А если он ей не верит, пусть идет во дворец бога Солнца, и тот сам скажет ему правду. Лучезарный бог поклялся священными водами Стикса, что мать говорит правду, и обещал в доказательство выполнить любое желание сына. Юноша попросил отца, чтобы тот дал ему возможность хотя бы один раз выехать на небо в выкованной Гефестом золотой колеснице и принести людям солнечный свет. Гелиос стал отговаривать сына от этой затеи. Он сказал, что это непростое дело, даже сам Зевс едва ли сумеет с ним справиться. Чтобы принести людям свет, надо сделать не только трудный подъем и спуск на небо и с неба, но и преодолеть по пути много преград, не испугаться и миновать злобных небесных зверей и чудовищ – Тельца, Льва, Скорпиона и Рака, к тому же впряженные в колесницу крылатые кони порывисты, дики и так своенравны, что порой и ему самому с трудом удается направить их верной, лишь ему, Гелиосу, известной дорогой.

Но Фазтону так страстно хотелось прокатиться на золотой отцовской колеснице по небу, что он стал умолять отца позволить ему это и напомнил об обещании выполнить любое его желание. Поклявшийся священными водами Стикса Гелиос, хоть и предполагал, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет, все же, надеясь на чудо, согласился. Натер лицо сына священной мазью, чтобы палящее солнце не сожгло кожу, и, приказав запрячь коней в колесницу, возложил ему на голову сверкавший драгоценностями желанный венец. И сделал такие наставления: не гони лошадей, они сами знают дорогу, не поднимайся слишком высоко, чтобы не опалить небо, и не спускайся слишком низко, чтобы не сжечь землю.

Но не сумел найти Фазтон на небе верной дороги, не слушались крылатые кони незнакомой руки, а когда уви-

дел страшного Скорпиона, то и вовсе выпустил из рук поводья, и неуправляемая колесница то взмывала к звездам, то приникала к земле, отчего стали гореть поля, леса, пастбища, города и села, стали пересыхать моря, реки и озера, а их обитатели – гибнуть.

Тогда богиня Земли Гея потребовала у Зевса прекратить это безумие. Громовержец метнул в колесницу свою разящую молнию, и вдребезги разлетелась золотая карета солнечного бога, и ее обломки вместе с упряжью разбежавшихся коней разнеслись по всему небу. А сам Фазтон упал в реку и погиб. Его смерть оплакивали его сестры, дочери Климены, и их слезы, упавшие в воду, по легенде, превратились в прозрачный янтарь.

Цезарь лежал и с горечью думал, не подобен ли и он этому безумному юноше, возжелавшему править колесницей Солнца? Способен ли он принести людям свет, знает ли путь к светлому будущему, знает ли, как привести человечество ко всеобщему благу?

В последнее время он все чаще стал сомневаться, что шел верной дорогой, хоть и достиг высшей власти, чего ему страстно хотелось еще в юности. Его неумолимо манила тогда слава благородных древних героев. В мечтах ему рисовалось, что если он встанет когда-нибудь во главе государства, пусть ради этого надо будет пройти тяжкий и обогранный кровью путь, он никогда не станет преследовать своих соплеменников, если они не пойдут на него с оружием в руках. Он не хотел уподобляться Сулле, лившего без нужды кровь римского народа не только в гражданской войне, но и после нее, жестоко расправляясь с уцелевшими врагами. Он и сам чуть было не попал в эти жернова лишь потому, что был женат на дочери Цинны, противника Суллы.

Но теперь он видел, что своим милосердием никого не убедил в своей политической правоте. Все эти бруты и кассии подчиняются ему лишь из страха и в любую минуту готовы отвернуться и предать. Но чего они боятся? Ведь

всем очевидно, что я не покушаюсь на жизни благородных римлян, наоборот, даю им теплые местечки и должности, те самые, что испокон века занимали их прадеды, деды, отцы? Так чем же они недовольны? Понятно – нововведениями. Многим это ударило не столько по карману, сколько по честолюбию.

Плохо и то, что в многолюдном теперь сенате не только знать, но и новые сенаторы из провинциалов и италиков, вознесенные им на такую социальную высоту, о какой они и мечтать раньше не смели, его как бы сторонятся и чего-то выжидают. В этой атмосфере отчуждения он задыхался и с горечью сознавал, что его если и не боялись, то не любили.

Да и народ, во время триумфов задаренный деньгами, хлебом и бесплатными угощениями, хоть и принимал эти щедрые дары и благодарил диктатора, но когда во время африканского триумфа люди увидели карикатуры на Катона, то возмутились. Они его любили. Любили за то, что учил их жить не по волчьим законам силы, а по законам души, а для нее нет слаще пищи, чем свобода и справедливость. Он горой стоял за республику, и хоть для патриция Катона равенство не означало братанья с рабами и инородцами, простой народ все же любил его за то, что он соблюдал и охранял добрые нравы прежней жизни, когда, как это всегда и кажется, все были счастливы в своей наивной и примитивной суровой римской простоте.

И вот этого Цезарь не мог понять. Ведь он реально творил новый мир, где как раз и будут все равны, насколько это возможно в его представлении. Слава богам, Рим никогда не кичился своим национализмом, всегда готов был принять у себя и давал убежище людям любых племен и народов, и в этом направлении нововведения диктатора никого особо и не удивляли, но когда римляне стали осознавать, что космополитизм правителя простирается дальше того, чтобы дать приют торговцам с Востока и Запада, коммерсантам, ученым, художникам и литераторам из Гре-

ции и Александрии, они призадумались. Ведь Цезарь ставил продажных царьков из «косматой» Галлии на один уровень с благородными сенаторами, давал права римского гражданства людям из далеких провинций, которые и латыни даже не знали. Это сильно ударило по самолюбию великого народа.

Да, столица не любила диктатора, и он чувствовал это неприятие своей персоны и видел, что его окружают тут лишь лизоблюдство и скрытая ненависть. Поэтому и рвался снова на войну, где преданные солдаты не просто любили его, а боготворили, и готовы были идти с ним хоть на край света и жертвовать своими жизнями ради этого великого воина и полководца.

Он стал припоминать прежние сражения, каких было не счесть, но ярче других возникали в памяти битвы в Галлии, где было труднее всего, но зато и радость от побед была сильной, воодушевляла и несла удовлетворение от сознания того, что тем самым он укрепляет мощь и умножает славу своей великой родины. Радовался он и тому, что армия под его началом стала поправляться, изживать свои болезни, возникавшие от продажности офицеров, неумеренной жажды наживы во время победных грабежей, неуставных отношений, взаимной зависти, дурных привычек, лени и откровенной недисциплинированности.

Теперь армия стала дисциплинированной не только по уставу, но и по убеждению, – каждый солдат знает, что его долг подчиняться командиру сочетается с долгом служения отечеству, и каждый стал понимать, что его жизнь целиком и полностью принадлежит командующему, и только он волен ею распоряжаться по своему усмотрению. Были не только победы, но были и поражения, трудные стремительные переходы, голод и иные лишения, но всегда его солдаты исполняли его приказы с радостным блеском в глазах. Он добился того, что они видели в нем не только всемогущего и непобедимого полководца, дарующего награды и почести и карающего за проступки или трусость, но и

высшее существо, озаренное светом избранности и неколебимой удачи и величия.

И эти простые латины проявляли просто чудеса храбрости, лишь бы их подвиги увидел и оценил великий Цезарь. Он помнил многих из этих храбрецов, много ярких картин пронеслось в памяти. Вот одна из них: центурион Кассий Сцева, теснимый сотнями врагов, один стоит у лагерных ворот и никого к ним не подпускает, защищаясь одним щитом, пораженным, как потом выяснилось, ста двадцатью неприятельскими копьями. Он истекает кровью от ран, его лицо обезображено и по нему из выбитого глаза ручьем хлещет кровь, но отважный воин не обращает на раны никакого внимания, он неистово сражается и знает, что победит, потому что он – солдат Цезаря, а воины Цезаря никогда не бегут с поля боя и всегда побеждают. Он знает, что Цезарь оценит его подвиг и публично наградит, похвалит и поблагодарит. Да и что такое жизнь без побед Цезаря? Пустой звук, прозябание!

Галлия вспоминалась и как некое животворящее начало его великого дела оздоровления не только армии, но и падающего в пропасть государства. Он увидел в этой стране не только богатства и плодородные земли, но и новых людей с не искривленной цивилизацией психологией, полных природных сил и нравственного здоровья. Он увидел в них замечательный строительный материал, из которого можно строить, точнее, ремонтировать и укреплять пошатнувшееся государство.

Германцы также поразили его своей физической силой и красотой, мужеством, безграничной преданностью и верностью своему народу. Эти качества они проявляли и на службе в его армии, куда он привлекал их во время гражданской войны.

Поэтому он и вытаскивал их из лесной глуши, привлекал к государственной деятельности, надеясь, что они своей природной честностью и искренними понятиями о справедливости внесут свой вклад в дело оздоровления нрав-

ственности, о чем так пекутся Цицерон с Саллюстием. Но он с горечью увидел, что и их очень быстро втягивает в себя воронка корыстных интересов и алчной зависти, поразившей высшее сословие...

Но вот небо на востоке стало потихоньку просветляться. Это бессмертный Гелиос запрягал свою быструю колесницу, чтобы вознестись на ней в небо и даровать людям тепло и свет.

Заря розовела все больше, и в доме послышались голоса рабов. Начинался день. Скоро взойдет солнце, и дом наполнится голосами пришедших поприветствовать своего патрона клиентов, сенаторов, друзей (хотя кто ему в Риме друг?), а затем надо будет сделать необходимые записки к заседанию сената и множество разных распоряжений.

Он прошел в спальню. Кальпурния была чем-то очень огорчена и опечалена – на лице были видны следы недавних слез. Она рассказала мужу, что видела страшный сон о том, что дом их рушится, а его, Цезаря, какие-то знакомые люди закалывают прямо у нее на груди. Когда она проснулась от этого страшного сна, то явственно увидела, как двери спальни распахнулись сами собой.

Цезарь стал успокаивать ее и сказал, что двери спальни, видимо, забыл закрыть он, когда ночью уходил в кабинет работать. Но она твердила, что таких снов ей никогда еще не доводилось видеть, это было как наяву, поэтому она просит сегодня Цезаря не выходить из дома и отменить все свои дела. Да ведь и не только ее сон сулит несчастье в сегодняшней день – приметы и предсказания настолько неблагоприятны, что у нее нет никаких сомнений, что с ним что-нибудь обязательно случится, если он не будет благоразумен и не примет ее советов.

Цезарь сказал, что никогда не верил снам и приметам, и пусть она не беспокоится: его Фортуна всегда с ним, боги всегда были к нему благосклонны. Он задумал великий поход и ей надобно молиться, чтобы и в далеких парфянских степях его не покинула удача.

Но она беспрестанно плакала и просила мужа никуда не выходить из дома. Цезаря мучила жажда и во всем теле чувствовалась какая-то расслабленность после вчерашних возлияний. Он хлопнул в ладоши и приказал рабу принести вина, а сам сел рядом с Кальпурнией и стал ее вновь успокаивать, но она рыдала все сильнее и беспрестанно причитала. Он никогда не видел жену в таком состоянии. Она всегда была уравновешенной матроной, мудрой, рассудительной и почти никогда не проявляла так сильно своих женских эмоций. Он задумался. И ему пришла мысль, что, может быть, и правда сегодня следует остаться дома, тем более и самочувствие было отвратительным.

Между тем раб принес вино, и Цезарь отхлебнул из чаши несколько глотков. Через пару минут приятное тепло разлилось по ослабевшему телу, и мысли потекли в другом направлении. Он сказал жене несколько ласковых успокаивающих фраз и отправился в кабинет, где так и не прикоснулся к бумагам. Его вновь стала грызть неведомая ему раньше тоска, и он задумался о словах жены. Сомнения и колебания овладели им, но он решительно приказал себе не возвращаться к пустякам и вышел в атриум к наводнившим дом клиентам и придворным.

Но и среди разговоров о делах он ловил себя на мысли, что слова собеседников не остаются в голове, куда-то улетучиваются, – и все пространство его существа заполняет какой-то неведомый темный липкий туман, и все мысли и слова терялись в нем безвозвратно. Он почувствовал вдруг неприятный запах испарений человеческих тел и от колебавшихся от движений и жестов сенаторских тог словно исходили волны страха. Неизвестное чувство обреченности сковывало его мысли, и он, к удивлению собеседников, терял неожиданно нить разговора, сжимал губы и словно силился что-то в себе преодолеть.

Во время утренней трапезы Цезарь выглядел очень утомленным, пил много вина и почти ничего не ел. Погруженный в свои мысли, он не принимал участия в разговоре,

лишь нехотя отвечал на вопросы, а разложенные перед ним воощенные дощечки, где по обыкновению записывал пришедшие в голову мысли, остались нетронутыми – он так и не прикоснулся к стилю.

Кальпурния вновь заговорила о своих предчувствиях и сказала, что если он не верит ее снам, пусть совершит жертвоприношение. На этот раз Цезарь послушался ее. Вскрытое животное оказалось без сердца, и Цезарь, хоть и полон был внутренней тревоги, с досадой и раздражением сказал: «Все будет хорошо, если я того пожелаю; а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет».

Сарказм этой фразы понятен, но представить себе млекопитающее животное без сердца просто невозможно, так что, вероятнее всего, это легенда.

Так или иначе, жертвоприношение оказалось неблагоприятным, и Цезарь склонен был перенести сегодняшнее заседание сената. В голове к тому же отчетливо и постоянно звучал голос гарусника Спуринны, сулившего ему беду в мартовские иды, а сегодня как раз и наступил этот день.

Он, наконец, принял решение отложить заседание. И не столько из-за примет, а по причине самочувствия: кружилась голова, щемило сердце, и тяжело было встать на ноги. Он приказал Антонию распустить сенат и назначить заседание на другой день. Антоний встал и отправился было выполнять поручение, но его остановил Децим Брут. Он сказал, что переносить заседание не стоит из-за каких-то прорицателей, которые в девяти случаях из десяти говорят неправду, а когда они какое-то событие угадывают, это запоминается и служит им рекламой. Он, Децим, ни на йоту им не верит и удивляется, что Цезарь, доселе никогда не обращавший внимания на все эти рассказы жрецов и женские сновидения, вдруг стал к этому прислушиваться.

И кроме того, сказал он, разве не послужит это лишним поводом обвинить Цезаря в тирании и издевательствах над сенатом? И так все злословят на эти темы, поэтому диктатору надо обязательно пойти туда и уж если совсем ему

будет не в состоянии, самому распустить сенаторов. А еще, соблазнил он уже Цезаря, ведь принято решение именно сегодня провозгласить волею сената Цезаря царем внеиталийских провинций, и он сможет носить там царскую корону!

Он знал, что попадает точно в цель. От этого соблазна Цезарю действительно трудно было отказаться и он согласился идти, при этом как будто и повеселел, сказав, что не даст повода недоброжелателям обвинить его в пренебрежении своими обязанностями. Децим Брут с удовольствием это подхватил и добавил, что враги этого действительно так бы не оставили и зубоскалили бы, что следующее заседание сената состоится, когда Кальпурний приснятся «более благоприятные сны».

Плутарх пишет, что при этом Децим «взял Цезаря за руку и повел». Вероятно, слишком опасаясь, что он передумает. Нельзя было дальше затягивать исполнение задуманного – ведь языки ни у кого не привязаны, да и не было уверенности, что среди заговорщиков не окажется человека, готового за большие деньги или хорошую должность всех предать.

И эти опасения были отнюдь не безосновательны. В то время, когда диктатор колебался, идти ему на заседание или нет, Брут и Кассий, уже с утра занимавшиеся в одном из портиков театра Помпея своими служебными обязанностями, узнали об этом и были очень обеспокоены. К тому же к ним подошел сенатор Попилий Лена и «сказал, что он желает успеха тому, что они замыслили, и увещевал их торопиться; они испугались и от испуга молчали». Другому заговорщику, Каске, кто-то также сказал, чтобы тот не скрывал от него того, что ему уже известно от Брута, как об этом сообщает Аппиан.

Итак, вопреки своим предчувствиям, нездоровью, дурным приметам и снам, Гай Юлий все же вышел из дома «уже в пятом часу», как уточняет Светоний, и отправился в кирию Помпея в лектике (носилках).

Его тотчас же окружила толпа, и многие стали передавать ему свитки с жалобами и просьбами. Цезарь брал их и отдавал своим рабам. Греческий ритор Артемидор Книдский, хорошо знавший многих заговорщиков, а некоторые из них были с ним сверх меры откровенны, узнал о готовившемся покушении и решил предупредить Цезаря об опасности. Не имея возможности встретиться с ним с глазу на глаз, написал об этом в записке и, пробившись сквозь толпу к носилкам, передал ее диктатору и сказал:

«— Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая никому, — и немедленно».

Но диктатора одолевали просители со всех сторон, и ему было просто некогда заглянуть в поданную греческим ритором записку. Да и к тому же он наверняка полагал, что записка Артемидора не может представлять для него государственного интереса.

Уже на подходе к театру Помпея он увидел среди встречавших и жреца Спуриинну. Он подозвал его и с улыбкой сказал:

«— Мартовские иды наступили».

Спуриинна нахмурился и строго ответил:

«— Да, пришли, но не прошли».

Эти слова словно окатили Цезаря новой волной страха, и он побледнел. Возле курии Помпея, расположенной рядом с театром, Цезарь сошел с носилок, и в это время к нему подошел Попилий Лена, тот самый, что желал успеха Бруту и Кассию и советовал торопиться. Он затеял с Цезарем длинный разговор, и заговорщики, будучи почти уверены, что он доносит диктатору об их недобрых намерениях, так перепугались, что знаками дали понять друг другу, что прежде чем их схватят, они готовы покончить с собой. Однако по выражению лица Лены они догадались, что он ни о чем серьезном с Цезарем не говорит, а лишь чего-то себе выпрашивает, и успокоились.

Цезарь, между прочим, закончив разговор с назойливым сенатором, задержался еще раз перед входом в курию, что-

бы совершить жертвоприношение. Такой обряд, по обычаю, свершался высшим должностным лицом государства перед началом заседания. Жрец, осмотрев внутренности животного, сказал, что по всем признакам это предвестие смерти. Цезарь со смехом ответил, что подобный прогноз был у него и во время войны в Испании, но тем не менее он остался жив и здоров. Удивительное самообладание! Жрец предложил повторно испытать судьбу на новом животном, и диктатор согласился. Но и на этот раз гадатель сулил смертельную беду. Несмотря на внутреннюю растерянность и острое желание оказаться дома (даже если ты негибаемый Цезарь, все равно растеряешься, если тебе с самого утра со всех сторон предвещают гибель), он вынужден был следовать запланированным свыше событиям. Или, как выразился Аппиан, «то, что с Цезарем случилось, должно было случиться».

Извиняясь перед сенаторами за опоздание, он пошел к своему креслу, за которым почему-то столпилась дюжина чем-то настороженных сенаторов, но не придавал этому особого значения, полагая, что они его поджидают с какими-нибудь просьбами или срочными делами.

И напрасно. Заговорщики именно так и спланировали: половина должна была стоять там, где она теперь и стояла — за курульным креслом императора. А вторая дюжина вышла ему навстречу, и Туллий Кимвр, следуя плану, обратился к диктатору с просьбой помиловать его брата. Цезарь слушал и отрицательно качал головой. Так они дошли до кресла, причем все просили за брата Кимвра, и такая солидарность могла бы насторожить Цезаря (обычно каждый просил о своем), но он спокойно уселся в кресло и сказал, что помилования не будет, он уже принял решение, при этом в раздражении бросил несколько острых слов, чтобы они перестали его доставать, не отнимали бы время и шли на свои места.

Тогда Туллий Кимвр, как и было условлено, стал стаскивать с Цезаря тогу и пытаться ею связать ему руки. Им-

ператор вскочил на ноги и отдернул тогу к себе. Кимвр крикнул:

«— Что вы медлите, друзья?»

В этот момент диктатор и получил удар кинжалом в затылок (по другим сведениям, в грудь). Это Каска первым нанес рану Цезарю, который закричал:

«— Каска, негодяй, что ты делаешь?»

Он сумел перехватить руку Каски с мечом и пронзил ее единственным бывшим у него оружием — грифелем. Каска, испугавшись, что сообщники могут струсить, крикнул:

«— Помоги, брат!»

Брат Каски и нанес Цезарю второй удар кинжалом в грудь (по Аппиану — в бок), и именно эта рана оказалась смертельной. Но император не собирался сдаваться. Раненый, он отбивался как мог, кричал, как зверь, встречая «направленные ему в лицо и в глаза» кинжалы. Заговорщики должны были нанести ему удар каждый, чтобы это казалось ритуалом, свершаемым республиканцами над тираном и узурпатором.

Цезарь, конечно же, в отчаянии стал звать на помощь. Но никто, представьте себе, уважаемые читатели, не тронулся с места, чтобы хотя бы словом одернуть убийц или каким-либо действием изменить ситуацию и прекратить эту кровавую сцену. А ведь среди сенаторов были его верные в прошлом центурионы. Все с ужасом наблюдали, как кучка одетых в тоги людей в ярости убивает первого человека в государстве, как затравленного вепря. Единственный, кто, вне сомнения, попытался бы помочь Цезарю, это Антоний, отличавшийся большой физической силой. Но заговорщики учли и это: его намеренно задерживал разговорами перед входом в курию Децим Брут (по Аппиану — Гай Требоний).

Надо сказать, что тога, одежда парадная, представительская, мало приспособлена для активного физического действия. Она мешала Цезарю как следует уворачиваться от ударов и тем самым хоть как-то защититься, да и заговорщики путались в этой одежде, когда тесным кольцом об-

ступили императора и не могли как следует размахнуться и нанести сильный удар. Неудивительно, что из двадцати трех ран, нанесенных тирану, лишь одна оказалась смертельной. В этой страшной суматохе заговорщики почти вслепую наносили удары, при этом умудрились поранить и друг друга.

Брут нанес ему удар в пах. И это родному отцу! После этого Цезарь с возгласом «И ты, дитя мое!» упал и прикрылся тогой, при этом, как пишет Светоний, «левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят».

Стоя рядом с поверженным тираном, Брут воскликнул: – Цицерон! Да здравствует республика!

Тем самым он как бы приветствовал великого республиканца и поздравлял с победой. Действительно, Цицерон был искренне воодушевлен этим поступком заговорщиков, в чем позже и признавался.

Брут попытался обратиться с речью к сенату, но его никто не стал слушать. Все разбежались из курии в разные стороны, сея смятение и ужас, которые моментально охватили весь Город.

Тело Цезаря осталось лежать возле статуи Помпея. Ее цоколь был забрызган жертвенной кровью тирана. Это действительно напоминало принесение в жертву Помпею его врага и невольного убийцу.

Лишь трое рабов наблюдали, как дергалось в предсмертных судорогах и конвульсиях тело великого полководца в луже крови, а рядом валялись окровавленный грифель и так и не прочтенный свиток Артемидора.

Рабы взвалили тело диктатора на носилки так небрежно, что рука свесилась, но они либо не обратили на это внимания, либо по свойственной всем рабам ненависти к господам, не стали утруждать себя и укладывать тело Цезаря как-то поблагопристойней.

Так закончились для него мартовские иды.

ГЛАВА XIII

ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ

Итак, тело Цезаря унесли нерадивые рабы, сенаторы в страхе разбежались, народ встревожился, и Город наполнился волнением и страхом. Весть о смерти диктатора с быстротой молнии распространилась по столице, но, вопреки ожиданиям заговорщиков, не вызвала у людей ликования. Многие уже успели сбегать в опустевшую курию и удостовериться, что бездыханный труп некогда всесильного правителя лежит у забрызганной его кровью статуи Помпея. Говорили тут же, что Помпей будто восстал из мертвых и явился из Аида, чтобы отомстить своему кровному врагу.

Сами же заговорщики с еще окровавленными мечами шли по улицам и выкрикивали, что с тиранией покончено, да здравствует свобода и тому подобные лозунги. К ним присоединились лишь единицы, которые позже поплатятся за это головой.

А верные цезарианцы Антоний и Лепид, чтобы также не стать жертвами заговорщиков, спрятались в чужих домах. Не лучшее решение в ситуации, когда государству грозит опасность новой непредсказуемой смуты. Не стоит забывать, что высшая власть отныне принадлежала консулу Антонию, и ему следовало, как Помпею в свое время, прибегнуть к жестким мерам по усмирению разгоравшегося мятежа.

День между тем клонился к вечеру, когда заговорщики с еще окровавленными руками пришли на Капитолий. Вскоре туда явился и Цицерон. Он поздравил заговорщиков с победой и сказал, что разделяет их радость, и предложил тут же, на Капитолии, созвать заседание сената. Но большинство склонялось к переговорам с Антонием, ведь он был носителем высшей законной власти, хоть и получил консульские полномочия от убитого тирана. И это вытекало из сложившейся обстановки. Широкой народной поддержки не было, поэтому пришлось нанимать толпу, чтобы она сочувствовала им хотя бы за деньги, а кроме того, в столице было полно ветеранов Цезаря, понаехавших сюда для проводов своего любимого полководца в Парфию. Боялись они и того, что верный цезарианец Лепид введет войска в город.

Посланные к Антонию люди сказали ему, что они просят его не обострять ситуацию, не накалять ее до всплеска очередной гражданской войны и учесть, что заговорщики убили Цезаря не из личной ненависти, а из любви к отечеству. Антоний ответил в том смысле, что он тоже ничего не станет делать из личной ненависти, а все эти вопросы будут обсуждены сообща на завтрашнем заседании сената.

А сам тем временем под покровом ночи отправился в дом Цезаря и уговорил теперь уже вдову Цезаря Кальпурнию передать ему на хранение, как консулу, все бумаги и записи покойного мужа, а также всю наличность в размере ста миллионов сестерциев. Это была сумма немалая и предназначавшаяся вовсе не ему, а Октавию, но завещание еще не было вскрыто и обнародовано. В государственной казне на то время хранилась также немалая сумма в размере семисот миллионов сестерциев, так что на данном этапе Антоний мог диктовать свои условия и фактически становился преемником убитого диктатора.

Утром шестнадцатого марта стало очевидно, что народ безмолвствует, реагирует на смерть Цезаря с болью и сочувствием и убийц его скорее осуждает, чем приветствует, несмотря на то что Брут выступил перед толпой с большой

речью, где обвинил Цезаря в тирании, узурпации, в нарушении законов предков, в том, что он превратил граждан в рабов и так далее.

На состоявшемся день спустя заседании сената его члены уже не представляли собой послушного большинства, ситуация изменилась и перед ними встал вопрос выбора между восстановлением республики или признанием статус-кво того устройства государства, каким оно стало благодаря политическим реформам Цезаря. Заговорщики на заседание сената не явились, опасаясь, что их могут признать врагами народа. Для них становилось все очевиднее, что их дело практически провалилось, хотя они и сумели убить тирана.

Большинство сената в той или иной степени сочувствовало заговорщикам, поэтому уже в начале заседания стали раздаваться голоса, чтобы тут присутствовали и тираноубийцы. Антоний не возражал. Он знал, что они побоятся прийти. Наиболее ретивые республиканцы требовали для убийц звания «благодетелей» и соответствующих их заслугам наград от государства. Более трезвомыслящие полагали, что хватит с них и того, что их самих не предадут казни, а помилуют. В конце концов вопрос стал ребром: признавать Цезаря тираном или нет?

Но прежде чем это было поставлено на голосование, Антоний выступил с речью и напомнил собравшимся, что если сейчас будет принято решение о признании Цезаря тираном, то, по закону, все его распоряжения надо считать недействительными, а это значит, что многие сидящие тут сенаторы автоматически лишаются тех должностей и привилегий, какие они получили от Цезаря, который к тому же перед отъездом на войну распределил все высокие должности, в том числе и жреческие, на пять лет вперед. Если они хотят от этого «добровольно отказаться», то пусть голосуют за признание Цезаря тираном. Он сказал еще, что «если мы признаем, что он был тираном, правящим силой, то и тело его должно быть без погребения оставлено и выб-

рошено за пределы отечества, а все же им сделанное аннулировано, а это, чтоб указать границу, как я полагаю, простирается на весь мир».

После этого выступления консула все как-то попритихли, понимая, что Антоний прав: надругательств над покойником народ не допустит, а отказываться от новых, завоеванных Цезарем провинций, то это вообще в сознание не укладывается, да и к тому же кое-кто из них как раз и получил в управление новые земли. Поэтому стали раздаваться голоса, что надо утвердить все распоряжения, а не подвергать себя риску новых выборов с непредсказуемыми последствиями. Большинство стало с этим соглашаться, ведь никому не хотелось быть отброшенным от корыта, из которого они досыта хлебали при Цезаре. Любопытно, что больше всех горячился Долабелла, молодой еще человек, назначенный Цезарем вторым консулом на оставшееся время года в связи со своим предполагаемым (но так и не состоявшимся по причине смерти) отъездом на войну. Уж ему-то никак не светило стать консулом на вновь объявленных выборах, хотя бы потому, что ему было только двадцать пять лет, а по закону консулом можно было стать лишь в возрасте сорока трех лет. Этот молодой двурушник еще вчера на митинге поздравлял и хвалил заговорщиков и уверял, что он с ними заодно. Таких, впрочем, в сенате было немало. Поэтому решено было не признавать великого и гениального Цезаря тираном.

Да, но что делать с заговорщиками? В этом случае их надо признать государственными преступниками, и им грозила судьба сообщников Катилины, казненных по воле тогдашнего консула Цицерона.

Но Цицерон есть и сегодня. Вот он сидит, хоть и изрядно постаревший, но не утративший еще молодого задора, ораторского запала и политической прыти. Пусть он возьмет слово, ведь во времена Катилины ситуация была похожей, тогда государство тоже могло рухнуть в одночасье от лихоимства преступных заговорщиков.

Старик, конечно, не заставил себя упрашивать. Он предложил помиловать заговорщиков, амнистировать – ведь они убрали диктатора все-таки с благородными целями восстановления республики, – и вместе с тем утвердить все постановления и распоряжения Цезаря и признать их законными. Более того, те начертанные рукой великого государственного деятеля черновики новых законов, найденные Антонием, тоже следует утвердить и оформить в виде законодательных актов.

Надо ли говорить, что такое решение устраивало всех, оно было по пословице – «и волки сыты, и овцы целы». Цицерон позже признавался, что сделал такое предложение потому, что «боялся побежденных», зная заранее, что все станут «рабами записной книжки Цезаря». Цицерон, надо сказать, никогда не отличался политической прозорливостью и, как плохой шахматист, не видел вперед далее чем на два хода. Анализ предыдущих событий его ничему не научил. Это прошедшее тогда в сенате предложение Цицерона станет прямой причиной новой гражданской войны, как мы увидим ниже, а ему самому это будет стоить головы в самом прямом смысле.

Антония такой исход голосования тоже в определенном смысле устраивал. Оказавшись душеприказчиком Цезаря, он мог теперь раздуть свою значимость как главного исполнителя его воли. К тому же, как сейчас бы сказали, он использовал и свой административный ресурс, как действующий консул. Укреплял он свое положение еще и тем, что владея записками Цезаря, мог трактовать их как оракул, редактируя по собственному усмотрению.

Опасался он лишь Децима Брута, получавшего по завещанию Цезаря в управление Заальпийскую Галлию, где стояли внушительные воинские контингенты. В связи с этим любопытно прочесть письмо Децима Брута к Марку Бруту и Гаю Кассию, датированное семнадцатым марта. Оно было послано утром этого дня еще до заседания сената, состоявшегося в храме Земли, которое мы уже описали. В этом

письме Децим Брут передает свой разговор с Гирцием, который сомневался, что Антоний отдаст Дециму Галлию. Он советует к тому же заговорщикам в целях их безопасности покинуть Рим – «так велико возбуждение солдат и черни». И Децим Брут, действительно опасаясь, что их могут признать врагами отечества, просит у Гирция содействия для свободного выезда из Италии на Родос или в Испанию под крылышко Секста Помпея.

Антонию, конечно же, такой исход дела был выгоден, он не хотел давать оппозиции ни малейшей возможности встать на ноги, поэтому всячески возбуждал народ против заговорщиков, посягнувших на великого Цезаря. Особенно ярко это проявилось в день похорон диктатора.

Погребальный костер был сооружен на Марсовом поле рядом с гробницей его дочери Юлии. А «перед роstralной колонной, – пишет Светоний, – вызолоченная постройка наподобие храма Венеры-Прародительницы; внутри стояло ложе слоновой кости, устланное пурпуром и золотом, в изголовье – столб с одеждой, в которой Цезарь был убит».

Вот в таких декорациях для спектакля народной скорби Антоний начал говорить обязательную похвальную речь перед собравшейся толпой, превратив ее в конце в обвинительное шоу. С первых слов он заявил, что будет говорить не от себя лично, а от имени отечества. Говорил о величайших победах и заслугах Цезаря перед государством, ставшим его стараниями великим как никогда, называл его «отцом отечества, благодетелем и заступником». При этом он, как опытный лицедей, «слегка вскрикивал, смешивая плач с негодованием». Перед тем как хоры начали петь траурное песнопение, «Антоний поднял одежду и, подпоясавшись, чтобы освободить руки, стоял у катафалка, как на сцене, припадая к нему и снова поднимаясь, воспевал его сначала как небесного бога и в знак веры в рождение бога поднял руки». После этого он подхватил на копье окровавленную тогу Цезаря и стал ею размахивать. Этими театральными мизансценами Антоний так разогрел толпу, что

она готова была растерзать виновников смерти великого, равного богам, Цезаря. А когда в определенный момент, по сценарию, над катафалком поднялась восковая копия убиенного с двадцатью тремя зияющими ранами и стала с помощью механизма вращаться, демонстрируя кровавые следы злодеяния, толпа ринулась искать убийц и намеревалась спалить их дома. Соседи с трудом уговорили возбужденных людей этого не делать, но они все-таки подожгли курию Помпея, где был убит диктатор.

Когда его тело было перенесено на Форум, народ стал требовать, чтобы его погребли в самом храме Юпитера Капитолийского, но жрецы этому воспротивились, поэтому погребальный костер был зажжен двумя неизвестными людьми, и тотчас толпа стала бросать туда все, что может гореть, в том числе и судейские кресла. Актеры стали снимать с себя траурные одежды и швырять в огонь, их примеру последовали и женщины, жертвовавшие своими украшениями и какими-то частями своей одежды. Безутешные ветераны кидали в костер свои доспехи и оружие.

Иноземцы также скорбели и приносили молитвы и обеты своим богам. Особенно сокрушались иудеи. Они еще не один раз приходили на пепелище из благодарности Цезарю за то, что позволил им открыть в Риме синагогу, а также за победу над ненавистным Помпеем, что разграбил Иерусалимский храм.

На месте сожжения был поставлен алтарь, а позже Август возвел здесь храм божественного Юлия Цезаря.

А спустя неделю после смерти Цезаря на небе появилась большая комета, и ни у кого из римлян не вызывало сомнения, что это его божественная душа.

Заговорщики вынуждены были после этих погребальных событий либо скрываться, либо покинуть Рим, как это сделали Брут и Кассий. Хозяином положения таким образом стал Антоний, и тем не менее он не собирался ссориться с сенатом, где за это недолгое время произошла естественная реакция на смерть Цезаря. Сенат вновь ощутил свое

главное положение в государстве, расправил крылышки и быстро «оптимизировался», если можно так сказать. Оптиматы действительно вновь высоко подняли голову и во весь голос заявляли о своих урезанных и поруганных диктатором правах.

Антоний, даже если бы и очень хотел, все равно не смог бы навязать сенату свою волю в той степени, что в свое время Цезарь. И он вынужден был даже в популистских целях внести законопроект, запрещающий введение диктатуры на вечные времена. Но хоть принцип республиканизма был объявлен, однако распределение должностей и провинций Антоний производил по записным книжкам диктатора. А по ним даже бежавшие от народного гнева Брут и Кассий хотели получить обещанные им Цезарем провинции, соответственно – Македонию и Сирию. Но Антоний, не собиравшийся, как мы знаем, отдавать Дециму Бруту богатую людскими и материальными ресурсами Галлию, добился выгодного для себя решения комиций, по которому ему и доставалась Галлия по окончании его консульских полномочий, а Дециму Бруту – Македония. А что же тогда Марку Бруту? Ведь именно ему была обещана Македония. И Брут не признал такого передела, при этом как бы напрочь забывая, что именно он со своими приятелями прирезал благодетеля. И все же ему и Кассию были пожалованы незначительные провинции Крит и Кирена.

Свои права на власть предъявил и Секст Помпей, укрепившийся в Испании, и Антоний вынужден был с этим считаться, – предложил Помпею-младшему вернуться в Рим и получить от государства денежную компенсацию за конфискованное имущество своего отца и обещал ему должность командующего флотом.

Помимо этого, объявился и еще один соперник в лице внучатого племянника погибшего диктатора Гая Октавия, главного его наследника. Ему в ту пору не было еще и девятнадцати лет, однако был он не по летам умен, хитер и изворотлив. В Аполлонию, где он находился при войсках,

готовившихся к походу в Парфию, дошли очень смутные слухи о гибели Цезаря, и было неясно, кто и с какими целями его убрал. Поэтому Октавий с большими предосторожностями добирался в столицу, чтобы вступить в права наследства. Но его мать и отчим советовали ему не вступать в политику и оставаться частным человеком, не настаивая на наследстве, тем более оно уже присвоено всемогущим Антонием. Но молодой человек проявил характер и твердость, заявив, что обязан по завещанию выдать народу обещанные Цезарем деньги, к тому же собирается отомстить убийцам своего приемного отца. И он принимает полное имя убитого диктатора, как его сын – Гай Юлий Цезарь Октавиан. Обычно усыновленные добавляли к своему имени имя приемного отца. К примеру, Децим Брут назывался еще и Альбин. Эти поступки очень импонировали народу и особенно солдатам, для которых имя Цезаря было святым. Молодой человек очень понравился и Цицерону, который увидел в нем удобное оружие против набравшего силу Антония.

Когда Октавиан пришел к Антонию требовать как законный наследник те деньги, что в ночь после убийства Цезаря консул забрал у его вдовы Кальпурнии, тот отказал в резкой форме. Он сказал ему с пренебрежением, что если бы он был еще и наследником власти, тогда разговор этот имел бы смысл, но в Риме даже цари в свое время не имели права передавать свою власть по наследству. А Цезарь все-таки царем не был. Те деньги, о которых идет речь, это деньги казенные, потому что Цезарь, дескать, хранил в целях безопасности казну дома, да он и не различал своих денег от государственных. И к тому же и этих денег уже нет, они истрачены на увековечивание памяти Цезаря и подкуп влиятельных лиц, чтобы они не противодействовали принятию решений, намеченных покойным императором. А что касается упреков, которые он тут услышал от очень еще молодого человека, что он не преследовал убийц его приемного отца, то он делал это, как

консул, во избежание крови и беспорядков, и Октавиан в начале разговора верно это подметил сам.

Вот такую отповедь дал матерый Антоний его внучатому племяннику, принявшему имя великого Цезаря, который по молодости не мог претендовать даже на мало-мальски серьезную государственную должность, – магистратуру квестора можно было занять лишь в возрасте двадцати семи лет.

Итак, основными игроками на политической сцене тогдашнего Рима стали Антоний, Цицерон, Лепид, Долабелла и Октавиан. Антоний, исполнявший роль главноуправляющего оставленной Цезарем империи, чтобы ублажить основных соперников, отдал Долабелле Сирию (а она предназначалась Кассию), а Лепиду, к его радости, досталась синекюра верховного понтифика.

Октавиан вообще не принимался им в расчет как политический противник. И тут был, как покажет время, его главный просчет. Этот мальчик оказался на редкость целеустремленным и обладал очень твердым характером, упорством и выдержкой. К тому же понятие чести и достоинства, как у любого молодого человека, стояли у него на первом месте. Поэтому он решил выполнить волю своего приемного отца и вознаградить сограждан согласно завещанию во что бы то ни стало. Для этого он распродал не только полученную в наследство недвижимость, но и занимал денег у родственников, и этот популистский шаг принес ему не только известность в народе, но и его поддержку.

Несмотря на свою молодость, Октавиан все заранее просчитывал, и в этом он унаследовал дальновидность своего приемного отца. Он сразу понял, что обуздать Антония можно лишь с помощью сената, а самым влиятельным человеком там был Цицерон, знамя, можно сказать, республиканских добродетелей.

Поэтому он всячески обхаживал великого оратора, рачитал ему похвалы и комплименты. Старику было, конеч-

но же, лестно и приятно, что молодое поколение его так сильно чтит и уважает, и он стал относиться к внучатому племяннику Цезаря с истинно отеческой любовью.

Мы уже говорили, что в свете неизбежной политической распри между сенатом и Антонием Октавиан и Цицерон были обоюдно нужны друг другу, хотя поначалу Цицерон не увидел в молодом человеке крупной фигуры, и в одном из писем к Аттику в том году говорит «насчет Октавия – и так и сяк».

У Цицерона не было никаких сомнений относительно целей Антония встать на место Цезаря, поэтому он с юношеским задором принялся выступать в сенате против зарвавшегося консула.

Его речи против Антония известны под названием «Филлиппики». Так они названы в честь блестящих речей Демосфена против Филиппа Македонского, отца великого полководца Александра.

Антоний не оставался в долгу и обвинил Цицерона в идейном руководстве заговором против Цезаря. Это было очень серьезное обвинение, и старику пришлось в ответном выступлении не только, что называется, говорить по существу, но и вылить на Антония ушат словесных помоев примерно того же содержания, что в свое время на Клодия, – дескать, этот Антоний пьяница, дебошир, наглец, глупец и так далее, и он даже сравнивает его со всем доступной проституткой.

Удивительно, что государственные деятели очень редко и невнимательно прислушиваются к отзвукам истории своего отечества, как и очень многих людей ничему не учит их собственное прошлое, любят они наступать на грабли при всяком удобном случае.

Так и Цицерон, донельзя униженный в свое время и изгнанный Клодием из отечества за то, что поносил его и оскорблял в сенате, ничтоже сумняшеся, стал задирать и Антония, а ведь Антоний не чета ничтожеству Клодию, этот

человек широкого размаха наверняка не спустит этой наглой собачьей брани.

Удивительный человек! Неужели он не видел, что время республиканских ценностей ушло безвозвратно, и все его попытки дуть против хода истории ни к чему хорошему не приведут, что у власти так или иначе окажется кто-нибудь из этих проходимцев с деньгами и войском, как это и происходит в последние сто лет. Марий, Сулла, Помпей, Цезарь. Кто следующий?

А следующим стал Октавиан Август. И он, тогда еще мальчишка, казался Цицерону единомышленником, защитником интересов республики. Плутарх по этому поводу сетовал: «Он, старик, дал провести себя мальчишке – просил за него народ, расположил в его пользу сенаторов», а в результате «погубил себя и предал свободу римского народа».

И действительно, Цицерон расчищал тем самым дорогу во власть внучатому племяннику Цезаря. А этот хитрый мальчик в определенный момент посчитал для себя выгодным вступить в союз со своим главным обидчиком и непримиримым врагом Цицерона Антонием, при этом ему пришлось пожертвовать и Цицероном, правда, сделал он это не без колебаний, но об этом ниже.

Филиппики против Антония сыпались как из рога изобилия – не проходило ни одного заседания или собрания, где бы Цицерон не упражнялся в злословии и с ядом и желчью обвинял Антония даже в том, что тот якобы знал о заговоре, более того, перед последним отъездом Цезаря в Испанию на войну с детьми Помпея, оставаясь в Риме за хозяина, подсылал и сам наемного убийцу к диктатору. Это было нешуточное обвинение, и хотя оно с точки зрения оратора вполне доказанное, но у современных историков эта информация вызывает серьезные сомнения.

Далее события развивались так. Консулами на следующий, сорок третий год были избраны Авл Гирций, верный соратник Цезаря и предполагаемый автор «Александрийской войны», и Гай Вибий Панса, тоже цезарианец. Анто-

ний же, по окончании срока своих консульских полномочий, отправился наместничать в Галлию, но место это уже успел занять Децим Брут Альбин, которому эта провинция была обещана самим Цезарем еще при его жизни. Антоний попытался взять провинцию силой, но сенат, под давлением Цицерона, послал на помощь Дециму Бруту подкрепление во главе с обоими консулами и Октавианом. Антоний под Мутиной, где сидел в осаде Децим Брут, хоть и потерпел поражение, однако в этой ожесточенной битве погибли оба консула. Антоний с недобитым своим войском отошел к Альпам. В Риме царило полное ликование, и Цицерону удалось склонить сенат к тому, чтобы Антоний был объявлен врагом отечества.

Таким образом, Цицерон вновь, как и во времена Катилины, оказался вершителем судеб и мог вновь, не без оснований, называть себя «спасителем отечества». Сенат после победы над Антонием вручил верховное командование Дециму Бруту, при этом назначил ему триумф. Секст Помпей получил звание командующего флотом, а Октавиану была пожалована так называемая овация или малый триумф. Молодой человек настаивал на полноценном триумфе, однако ему было сказано, как в свое время Суллой Помпею, что он еще не дорос до триумфа по возрасту.

Самолюбие молодого человека было оскорблено, да и как политик он понимал, что его хотят использовать как пешку, не допуская до управления государством. Ему, наследнику Цезаря, больно было смотреть, что республиканцы взяли верх, и убийцы его приемного отца распоряжаются его политическим наследием. Поэтому он постарался забыть свои обиды на Антония и пошел с ним на сближение, узнав, что еще один цезарианец Лепид, управлявший Ближней Испанией и Нарбонской Галлией, кому было поручено сенатом добить Антония, делать этого не стал, а наоборот, соединился с ним.

Встревоженный этим сенат назначает Октавиана вместе с Децимом Брутом командовать войсками против Анто-

ния и Лепида. Октавиан ставит условие: если ему будет дарована консульская власть. Сенат отказывает. Тогда Октавиан во главе восьми легионов оккупирует без сопротивления столицу, добивается консулата, а также осуждения убийц Цезаря, объявленных вне закона.

Цицерон во время возникшей паники и неизбежных беспорядков куда-то скрылся и лишь затем добился аудиенции у Октавиана, этого «божественного юноши», как он называл его совсем недавно. При встрече наследник Цезаря язвительно заметил великому демагогу, что из всех друзей он явился к нему последним.

После этого состоялось свидание Антония, Лепида и Октавиана в ноябре сорок третьего года под Бононией (нынешняя Болонья), куда каждый из них прибыл во главе пяти легионов. На маленький речной островок соорудили мостик, и по нему первым прошел Лепид и, убедившись в безопасности, махнул Октавиану и Антонию плащом. Таким образом возник новый триумvirат.

Триумвиры договорились о пятилетнем соглашении, по которому они являются верховными правителями государства с правом назначать сенаторов и прочих должностных лиц, чеканить деньги и быть верховными судьями без права апелляции.

В ближайшей перспективе Лепид получал консульство на сорок второй год, а Антоний и Август отправлялись на войну с Брутом и Кассием, сумевшим собрать на Востоке внушительную армию, и чувствовали там себя довольно уверенно, имея материальную базу и человеческие ресурсы. Эти так называемые республиканцы вели себя там, как цари и даже чеканили монеты со своим изображением.

Новые триумвиры не пошли по стопам Цезаря, провозглашавшего для своих соотечественников принцип милосердия в гражданских войнах. Обжегшись на молоке, гласит пословица, дуют на воду. Эта политика Цезаря привела к мартовским идам, когда прощенные им помпеянцы его же за это отблагодарили хорошо отточенными кинжалами,

и новые триумвиры решили вернуться к методам Суллы. Уже во время встречи под Бононией были составлены первые проскрипционные списки. Триумвиры не щадили даже своих родственников: Лепид внес в список своего родного брата Павла, а Антоний своего дядю Луция лишь за то, что они под воздействием демагогических выступлений Цицерона также высказались за признание Антония и Лепида врагами отечества.

В числе первых семнадцати оказался в них и великий оратор. Октавиан не хотел его смерти и лишь на третий день переговоров уступил нажиму Антония и согласился внести Цицерона в списки.

«Во время этих событий, – пишет Аппиан, – в Риме происходили многочисленные грозные чудеса и знамения. Собаки выли все зараз, словно волки, – зловещее предзнаменование, волки – необычайное в городе животное – бегали по форуму. Вол стал издавать человеческие звуки; новорожденный ребенок начал говорить. Из статуй богов одни покрылись потом, другие – кровавым потом. Слышались громкие крики мужчин, бряцание оружия, бег коней, хотя никого не было видно. Вокруг солнца наблюдались многие зловещие признаки; падал каменный дождь, непрерывные молнии поражали храмы и изображения богов...»

Были эти знамения в действительности или это обычный для античных историков мифологический подтекст реальных событий, сказать сейчас невозможно, но то, что вскоре в столице в образе хищных волков появились бряцающие оружием солдаты и стали вершить казни проскрибированных, это факт. Аппиан описывает гибель нескольких должностных лиц и рисует другие яркие картины этой жестокой карательной кампании, при этом приговоренных в первую очередь выдавали дети, хотевшие поскорей завладеть наследством, затем рабы и вольноотпущенники, и лишь в последнюю очередь своих мужей выдавали жены, что тоже вполне понятно.

И здесь невозможно не согласиться с Плутархом, писавшим о триумвирах, развязавших эту кровавую вакханалию, что «они лишились от бешеной злобы способности мыслить по-человечески или, лучше сказать, показали, что нет зверя свирепее человека, совмещающего в себе дурные страсти и власть».

Цицерон в то время находился в своей знаменитой тускульской усадьбе вместе со своим братом Квинтом и племянником. Когда они узнали о своем смертном приговоре, решили бежать к Марку Бруту, где уже находился сын Цицерона.

Но у них было мало денег, поэтому Квинт со своим сыном тайно ушли в Рим, чтобы захватить деньги и потом догнать Цицерона. В столице, однако, их выдал раб и оба они были казнены. Сам приговоренный повел себя как-то странно. Поначалу он сел на корабль и поплыл на Восток, но добравшись до Цирцея, передумал и пошел пешком по направлению к Риму. Он был в полном смятении и намеревался даже, если не вымолит прощения у Октавия Цезаря, покончить с собой в его доме, чтобы навлечь на него, по поверью, духов мести. Находясь в полной растерянности, он приказал везти себя морем в другую свою усадьбу в Кайету, где было явлено верное знамение его скорой гибели: когда он отдыхал, на него накинута стая ворон и пыталась стащить с него плащ. Обеспокоенные этим рабы решили спасти своего господина и понесли его в носилках к морю, чтобы посадить на корабль. Но его выдал его вольноотпущенник и ученик по прозвищу Филолог (у Аппиана это какой-то сапожник, клиент Клодия). Убийцы нагнали его и прирезали прямо в носилках. Это случилось седьмого декабря сорок третьего года.

Его голову и правую руку, которой он писал свои пасквили, привезли Антонию, чему тот чрезвычайно обрадовался. Говорят, он поставил голову Цицерона на обеденный стол и любовался ею, а его жена Фульвия, бывшая, кстати, вдовой Клодия, колола булавками язык великого оратора.

В конце концов супруги натешились, и Антоний приказал голову и руку Цицерона «выставить на трибуне над рострами – зрелище, от которого римляне содрогнулись, думая про себя, что они видят не лицо Цицерона, а образ души Антония». Замечательная метафора.

Аппиан по этому поводу заметил, что «посмотреть на это стекалось больше народу, чем прежде слушать его».

Плутарх сообщает и еще один любопытный факт, свидетельствующий, по его мнению, о проявлении Антонием несвойственной ему в целом справедливости: предателя Филолога он отдал жене Квинта Помпонии, и она, помимо прочих изощренных пыток, заставляла молодого человека отрезать от своего тела куски собственного мяса, жарить их и съедать.

Как тут не процитировать Цицерона: «О времена, о нравы!»

Триумвиры поделили между собой, конечно же, и провинции. Антоний получил в управление обе Галлии, Предальпийскую и Заальпийскую, Лепид – Испанию и Нарбонскую Галлию, а Октавий Цезарь – Сицилию, Сардинию и Африку. Италия оставалась в общем управлении.

Покойный Гай Юлий Цезарь был обожествлен, и в его честь месяц квинтилий был переименован в июль.

Новые войны требовали денег, поэтому триумвиры обложили сограждан подушным налогом в размере десятой части имущества, то есть десятины. А лучшие италийские земли были отобраны у законных владельцев и переданы ветеранам.

Брут и Кассий тем временем собрали внушительную армию численностью девятнадцать легионов, не считая союзнических войск, и двинулись в Македонию навстречу Антонию и Октавиану. Возле города Филиппы осенью сорок второго года произошло решительное сражение, в котором республиканцы потерпели поражение. Кассий, по Плутарху, покончил жизнь самоубийством «тем же самым коротким мечом, которым убил Цезаря». А Брут еще за-

долго до этого сражения был предупрежден о беде огромным страшным призраком, что однажды ночью появился в его походной палатке и, отрекомендовавшись злым духом, назначил очередное свидание при Филиппах. Брут не испугался и сказал, что придет. Свидание состоялось – Брут, как и Кассий, покончил счеты с жизнью при помощи собственного меча.

Вот так закончили свои жизни цезареубийцы.

Антоний и Октавиан после этой победы оказались в очень трудной ситуации. Огромная армия, умноженная еще и легионами республиканцев, требовала денег и земельных наделов, а дать им было уже нечего.

Поэтому Антоний двинулся на Восток в надежде выколотить хоть что-то из уже обескровленных Брутом и Кассием провинций и подвластных Риму азиатских государств. В малоазийском городе Тарсе он, на свою беду, повстречался с Клеопатрой и, подобно Цезарю, позабыв обо всех своих государственных делах, как привязанный, отправился с ней в Александрию.

Пришлось всю эту кашу расхлебывать молодому Октавиану. Прежде всего с армией (численность которой стала равна ста семидесяти тысячам), требовавшей обещанного. Приходилось конфисковывать итальянские земли и отдавать, отдавать, отдавать. В результате вспыхнуло недовольство, чем воспользовались брат Антония Луций и его жена Фульвия. Они подняли мятеж под республиканскими лозунгами, хотя на деле играли на стороне Антония против Октавиана. Не последнюю роль здесь играла и ревность Фульвии к Клеопатре, она тем самым пыталась вернуть мужа в Рим. Октавиану удалось подавить мятеж, и Фульвия уехала в Грецию на свидание с мужем, где вскоре и умерла.

После этих событий отношения между триумвирами стали обостряться все сильнее, поэтому решено было вновь встретиться в Брундизии. Антоний и Октавиан поделили империю на Восток и Запад, оставив Лепиду в управление лишь Африку. Договоренности были скреплены матримо-

ниальным альянсом: Октавия, сестра Октавиана, стала женой вдовца Антония.

Но был еще Секст Помпей, к тому времени основавший почти суверенное государство на островах Сицилии и Сардинии, куда стекались попавшие в проскрипционные списки, а также пираты и беглые рабы, зачислявшиеся в армию. Это было настоящим бедствием для Италии. Пришлось пообещать Помпею через пять лет консульство и командование флотом, сохранив за ним наместничество на островах, если он прекратит принимать беглых рабов и признает власть триумвиров. Это соглашение было подписано на плотках у Мизенского мыса Антонием, Помпеем и Октавианом в тридцать девятом году.

Антоний тотчас уехал к Клеопатре, а Октавиан нашел повод для войны с Помпеем (пираты, беглые рабы), которая была выиграна в морских сражениях осенью тридцать шестого года одаренным полководцем Марком Випсанием Агриппой. Антоний, хоть и не одобрял этой войны по вполне понятным причинам, все же, когда проигравший Помпей объявился в Малой Азии, приказал его казнить.

Эта война поссорила Октавиана и с Лепидом, который хотел на правах союзника получить себе после победы Сицилию, но Октавиан воспротивился, к тому же солдаты Лепида переметнулись к внучатому племяннику Цезаря. Лепид лишился не только войска, но и провинций, утратив политическую власть в качестве триумвира. Он оставался лишь верховным понтификом и прожил долгую жизнь.

Таким образом, второй триумvirат, как и первый (Цезарь, Помпей, Красс), распался, и на первое место в государстве остались два претендента, поделившие империю на Восток и Запад. Антоний, несмотря на брак по расчету с Октавией, женился и на Клеопатре, мечтавшей о реставрации былого величия царства Птолемеев. И в этом общность их политических интересов очевидна: Антонию также хотелось укрепиться на Востоке, чтобы затем подчинить себе и Запад.

Ради этих целей он в тридцать шестом году ввязался в войну с Парфией, несмотря на печальный опыт Красса. И на этот раз парфяне дали римлянам серьезный отпор, и Антонию с трудом удалось убраться восвояси. На другой год ему все же удалось овладеть Арменией, и свой по этому поводу триумф он отпраздновал уже не в Риме, а в Александрии, и это было воспринято в сенате, да и в столице в целом, как оскорбление и предательство интересов римского народа. На поведение Антония смотрели косо уже давно. Он не только, говорили, погряз в восточной роскоши и неге, но и оказался под пятой у Клеопатры, раздаривая ей и своим от нее детям принадлежавшие Риму владения, как свою собственность.

Неудивительно поэтому, что в конце тридцать третьего года, когда заканчивался срок соглашений между Антонием и Октавианом, в сенате разгорелась ожесточенная перепалка между сторонниками того и другого. А так как Октавиан находился в Риме, а Антоний в Александрии, то первый, разумеется, воспользовался силой. В сенате, окруженном вооруженными сторонниками молодого Цезаря, было оглашено хранившееся у весталок завещание Антония, в котором он завещал похоронить себя в Александрии, и дарил Клеопатре принадлежавшие Риму территории.

Три сотни сенаторов и оба консула, поддерживавшие Антония, после этого заседания уехали в Александрию, а оставшаяся часть сената, поддержанная народным собранием, лишила Антония триумвирских полномочий, и Клеопатре была объявлена война, как захватчице.

Положение Антония оказалось незавидным. Его свита и ближайшее окружение, равно как и приехавшие к нему сенаторы, ненавидели Клеопатру и просто не знали, как их растащить. Но Антоний питал к своей «варварской» жене слишком глубокие чувства, она стала для него просто любовным наркотиком, да и к тому же их цели и интересы совпадали.

В сентябре тридцать второго года между соперниками состоялось решительное морское сражение при Акции.

В самый разгар боя царица испугалась и решила бежать вместе со своим флотом к родным берегам. Воистину: «ищите женщину!» Антоний ринулся за ней, бросив оставшийся флот на погибель. А сухопутные войска перекинулись к Октавиану.

Всю зиму Антоний пропьянствовал в Александрии, в страхе дожидаясь весны, когда за его головой явится победитель. Он даже организовал нечто вроде клуба самоубийц, во всяком случае, была вокруг него группа людей, согласных умереть вместе с ним.

Летом тридцатого года под стенами Александрии появились воины Октавиана. Антоний попытался дать сражение, но его солдаты прекрасно понимали, что все проиграно, поэтому предали его и перешли к победителю. Антоний бросился на меч и тем закончил свои дни. А Клеопатра, как известно, предпочла уйти из жизни более экзотическим способом – с помощью змеи.

Этот сюжет был так любим живописцами в прошлые века, что в редком музее его не встретишь. Автору довелось увидеть у одного провинциального коллекционера картину неизвестного художника девятнадцатого века на эту тему в совершенно неожиданном и оригинальном освещении. Обычно Клеопатра изображается с маленькой змеей, жалящей ее в обнаженную грудь, но тут было нечто другое. Представьте себе обнаженную женщину сорока с лишним лет с увядшими прелестями, возлежащую на свежем воздухе под деревьями; деревья полуголые, поздняя осень, это чувствуется по всему – бурая трава, бледное в полутумане небо и треугольничек улетающих птиц. Воздух так хорош, что его чувствуешь, прямо дышишь этой свежей осенней прохладой с терпким запахом опавших листьев. И на этих темных шуршащих листьях она и лежит, а змея, да змея, а не змейка, большая, тоже старая, обессиленная, подобно осеннему листу – такое впечатление – отпадает от ее лона сморщенной с пустыми полу-

мертвыми глазами. Такое ощущение, что умирает змея, а не Клеопатра. Клеопатра же, как бы засыпая, чуть улыбается усталой улыбкой. Ощущение, несовместимое с прохладой воздуха и ее обнаженностью.

Быть может, именно по причине своего возраста Клеопатра не рискнула испытать волшебство своих чар и на молодом победителе, хотя ей еще и сорока лет не было, а для женщины это еще далеко не закат. Или она так уж сильно любила Антония, что решила уйти из жизни вместе с ним? Трудно сказать. Так или иначе она понимала всю перспективность своей дальнейшей политической карьеры, и что ее судьба уже решена Октавианом, настроенным к ней крайне враждебно.

И все же молодой Цезарь был очень огорчен ее смертью. Он хотел, чтобы Клеопатра прошла в его триумфе в качестве пленницы, закованной в цепи.

Он приказал убить ее старших детей: Цезариона – от Цезаря, и Антиллу – от Антония. Младших детей Октавиан отдал на воспитание своей сестре Октавии, вдове Антония, отвергнутой им ради Клеопатры.

Таким образом Октавиан, известный в мировой истории как император Август, оказался единоличным правителем великой империи в течение полувека. Этот выдающийся государственный деятель учел ошибки Цезаря и сумел, творчески используя его наследие, развить и укрепить режим единоличного правления, сделав его необратимым. Он не стал, подобно своему приемному отцу, шеголять в красных царских сапогах и примерять корону. Он оставил за собой лишь трибунскую власть и называл себя принцепсом, первым среди равных в сенате. Он был наверху, обладал реальной властью, и титулы ему были не нужны. Он ходил в скромной одежде, жил не во дворце, а обычном доме, и все видели, что он такой же, как все, законопослушный гражданин республики Рим, которая на деле стала военной монархией.

ГЛАВА XIV

ИТОГИ

Является ли Гай Юлий Цезарь положительным героем истории? Этот вопрос автор неоднократно задавал себе во время работы над этой книгой, дистанцируясь от общепринятого прямолинейного априори, что если он был гениальным полководцем и государственным деятелем, то по этому признаку являлся и великим человеком. Такой распространенный взгляд навязывается школьникам и студентам в учебниках, то же самое читаем на страницах трудов древних и современных историков, апологетирующих эту личность до абсолюта. Причем древние историки более объективны, несмотря на их мифологизированное сознание, нежели такие, к примеру, исследователи, как Теодор Момзен, видевший в Цезаре идеального правителя.

Нельзя, разумеется, отрицать незаурядных способностей этого человека в области военной и политических интриг и комбинаций, благодаря чему он пришел на вершину власти. Но ради этого он убил и растерзал республику, а это не может не вызывать негативных эмоций у всякого демократически настроенного человека. Как основатель империи он ответственен не только за свои грехи, но и за те злодеяния, что творились римскими императорами, а затем и их преемниками, европейскими монархами, на протяжении почти двух тысяч лет. На тот же срок была посажена в темницу светлая и чарующая душу всякого челове-

ка идея равенства и свободы, реализуемая лишь в условиях республиканской демократии.

Так кто же он? Гений или злодей? Или: гений и злодей? Давайте попытаемся разобраться и ответить на эти вопросы в этой заключительной главе, хотя на предыдущих страницах этой книги в авторских комментариях к тем или иным событиям эта тема уже затрагивалась.

Безусловно, необходимость перемен во время поздней республики очевидна. Государственный аппарат и способы управления уже не могли обеспечивать порядка и нормального функционирования страны в новых геополитических и правовых условиях. Нельзя было архаическими методами и существовавшими законами, годными лишь для управления самим Римом или пусть даже всей Италией, держать в стабильном состоянии уже сверхдержаву с обилием колоний и зависимых, хоть и формальное самостоятельных, царств и княжеств. Ими надо было управлять из единого центра по единым правилам и законам, устанавливая хотя бы юридическое равенство между теми же провинциалами и италиками.

Ясно также и то, что отживший класс аристократов преследовал лишь свои корыстные цели, и вся правовая система работала лишь на них, поэтому неизбежен был страшный и беззастенчивый грабеж и социальный произвол, ставший просто кошмаром даже в условиях рабовладельческого общества. Поэтому в отдельно взятом регионе не могло быть и речи о правовом равенстве и развитии экономики.

Появились совершенно новые социальные слои взамен ушедших – с исчезновением крестьянства, замененного рабами в латифундиях, в столице страшно вырос класс безработных бедняков, сидевших на шее государства. Причем люмпенизировались и ели даровой хлеб в основном именно разорившиеся крестьяне, пришедшие в Город в поисках пропитания.

Колонисты, а это, как правило, выслужившие свой срок службы солдаты, жили в провинциях по римским законам,

возбуждая тем самым инстинкт неравенства у самих провинциалов, принужденных жить рядом с ними в качестве ущербных неграждан с урезанными правами. Подобная же ситуация, но с парадоксальной точностью до наоборот, наблюдается сейчас в бывших советских республиках, в той же Прибалтике, где бывшие колонисты, то есть русские, потеряли свои исконные первичные права граждан великой державы СССР и вынуждены жить в правовом неравенстве рядом с аборигенами некогда подвластных России колоний.

Ну и самое, конечно, главное, что общество устало от бесконечных войн, особенно гражданских, трясших великую державу практически все первое столетие до Рождества Христова. В результате римского народу, по переписи Цезаря, поубавилось вдвое, причем очень большие потери понес и высший класс в бесконечном антагонизме и борьбе за власть и деньги.

Суммируя все это, автор ничуть не умаляет заслуг Цезаря, который провел необходимые реформы, заложившие основы стабильности и относительного гражданского равноправия на огромных просторах великой средиземноморской державы.

Но цена этих реформ оказалась слишком большой. Не столько даже демографическая или материальная, а – моральная. Солдаты Цезаря, лучшая часть римского народа, завоевывая новые территории и проливая свою кровь в гражданских войнах, равно как и гражданское население, полагали, что великий, равный богам, гениальный политик, наделенный даром предвидения и способный решать порой неразрешимые проблемы, являясь, таким образом, лучшим гражданином Республики, сможет ее вылечить, поставить на ноги и дать ей новые одежды в виде новых законов, в том числе и выборных, чтобы эта система, совершенствуясь и развиваясь, не зависела бы от денег кандидатов, не были бы продажными и склонными к коррупции магистраты, чтобы и сенат избирался бы по демократическому принципу из лучших, а не лишних, людей.

Без сомнения, народ нуждался в искусном и добродетельном врачевателе, который исповедовал бы основополагающий принцип медицины: «Не навреди!» Но болезнь тогда зашла так далеко, что терапия гражданских паллиативных реформ едва ли что-нибудь способна была изменить, требовалось хирургическое вмешательство, этим хирургом и явился Цезарь, но он решил не реставрировать республику, не врачевать и вырезать ее язвы, а затем постепенно дать ей новую жизнь и возрождение, величие справедливости и равенства. Вместо этого он воспользовался ее слабостью и овладел ею, иначе сказать, изнасиловал.

Многим историкам свойственно рассматривать события в свете телеологии – учения, по которому все в природе устроено целесообразно и всякое развитие является планомерным движением к заранее предустановленным целям. С этим хотелось бы согласиться, если цели – благородные. С какими целями Цезарь уничтожил республику и что предложил взамен? Абсолютную власть одного человека, по воле которого, вкусам и пристрастиям все должны жить. Вот равенство по Цезарю: я повелеваю – вы исполняете, при этом испытывая радость от того, что подчиняетесь богоравному человеку, гениальному политику и полководцу и тому подобное. И если, конечно, такие находились в солдатской среде, то в просвещенном гражданском обществе далеко не все были дебилизированы настолько, чтобы быть готовыми жертвовать всем, вплоть до своей жизни, за радость исполнить приказ.

Любопытно, что источники хоть и сообщают о его единомышленниках, но мало где говорится, что он прислушивался к чьему-либо мнению и делал бы что-то по чьему-либо совету. И это просто поразительно. Для человека с нынешним развитым демократическим сознанием это может показаться аномалией. Даже злые демоны тирании двадцатого века Гитлер и Сталин прислушивались к своему окружению, многие вопросы решались коллегиально.

Можно предположить, что факты демократического начала в Цезаре источники умалчивают. А с чего бы им утаивать? Если мы вспомним его консульство пятьдесят девятого года вместе с Бибулом, которого он практически отстранил от должности и посадил под домашний арест, то все встает на свои места: возомнивший себя не только сверхчеловеком, но и божеством Цезарь не желал для себя никаких ни в чем ограничений и не признавал ничьих мнений, полагая, видимо, что все человеческое недостойно его божественного сознания.

Он вершил произвол во всем по собственному усмотрению и, надо признать, его галопирующие реформы были своевременны и необходимы, и мы об этом уже неоднократно говорили, но их необратимые последствия обернулись бедой для римского народа в уже самое близкое после его смерти время, не говоря о том, что они стали фундаментом империи. Объективности ради можно сказать, что, к примеру, появление новых людей в правительстве и сенате, более одаренных и менее склонных к коррупции и прочим старым грехам олигархической республики, можно считать благом, равно как и увеличение числа чиновников облегчало и улучшало состояние государства в сфере судопроизводства, экономического регулирования, упорядочения в правовой и социальной сферах и так далее, – мы об этом уже достаточно распространялись. Но все эти новые люди во власти были назначенцами, они не проходили горнила народного обсуждения и затем голосования, то есть система выборов должностных лиц – главный институт республики – была практически в одночасье ликвидирована. Хотя формально выборы проводились, но Цезарь рассылал по округам (трибам) рекомендации, и они служили мандатом тому или иному назначенному диктатором кандидату. Нечто похожее было и при советской власти в России.

Анализируя источники (основные – Аппиан, Светоний, Плутарх, Николай Дамасский и Дион Кассий), прислушиваясь к их порой противоречивым оценкам как личности

Цезаря, так и его деятельности, нельзя не отметить общего – он погубил республику ради царской власти, а уж их оценки – хорошо это или плохо – в этом аспекте дело второстепенное.

Еще интереснее исследовать эту разногласицу в вопросе: правы ли заговорщики с точки зрения правовой и нравственной? Светоний и Аппиан, а также Цицерон в целом полагают, что они имели такое право. Дион Кассий и Николай Дамасский, историки, верно служившие своим пером императорам, видят в заговорщиках злодеев, погубивших величайшего властелина. Плутарх же колеблется. Он видит в Цезаре и милосердного, не лишённого чувства справедливости, гуманного правителя, овеянного к тому же воинской славой, но и осуждает его за стремление к царской власти и искоренение республиканских форм политической жизни.

Каково мнение автора этой книги? – спросит читатель и спросит не без оснований. Позиция Плутарха очень привлекательна и к ней хочется примкнуть, но все же, хоть заговорщики у автора и не вызывают симпатий, ими двигало, за исключением, быть может, Брута, лишь оскорбленное самолюбие и обиженное тщеславие, они имели моральное право убрать Цезаря с политической арены, как тирана, посягнувшего на святые устои республики. И не с помощью кинжалов, а путем всенародного голосования и принятия более жестких законов по обузданию таких честолюбцев, как Юлий Цезарь. И делать это надо было раньше, прежде чем Цезарь ввел новую модель управления государством и бороться с этим уже было практически невозможно, как показало уже первое после убийства тирана заседание сената. Но история, как мы все хорошо знаем, сослагательного наклонения терпеть не может, поэтому все гипотетические послы в прошлое едва ли состоятельны.

Все последующие претенденты на вершину пирамиды, начиная с Антония и Октавиана, знали, что высшая власть должна принадлежать только одному человеку, и она неде-

лима. А прецедент этот в республиканском Риме в полном объеме ввел Цезарь, и все его преемники, гораздо менее милосердные, выполняя его программу абсолютизации власти, творили жестокие преступления. И часть вины в этом лежит и на нем. Он убил в людях чувство равенства, хоть апологеты империи и говорят, что наоборот – все были равны перед императорами в своем верноподданничестве. Все, кроме одного, а это – тирания.

Ну вот, может сказать читатель, автор обвинил своего героя во всех смертных грехах и дал ему титул палача республики, но что он реально мог сделать в тот период исторического времени для сохранения республики и ее обновления? Нельзя было добиться неподкупного права и социальной справедливости с помощью той же выборной системы, при любых вариантах контроля неизбежно продажной. Разве что попытаться следовать теоретическим установкам Платона или Цицерона, идеалистически рисовавших прелести неподкупной и честной демократии. Легко сейчас повторять, по прошествии двух тысяч лет, слова о том, что демократия не лучший способ общественной жизни, но иного пока не придумано. И будет ли придумано?

Давайте в этом разберемся. Разумеется, аналоги-то были – греческая полисная демократия либо ранняя римская республика, но они были, так сказать, мифом, легендой, – тот же Катон или его последователь Брут, исповадовавшие республиканские добродетели, давно уже в общественной жизни тогдашнего Рима сохранились чудом, были экзотикой, и если имели влияние, то в большой мере благодаря ореолу своих предков, бросавших на них делегированный из прошлого свет честности, неподкупности и справедливости. Нравы были таковы, что тот же Брут промышлял ростовщичеством, причем под немалые проценты, был безжалостным кредитором, а Катон не считал для себя зазорным избивать рабов и жить плодами их трудов.

И конечно, возродить в тогдашнем нравственно-психологическом климате реликтовую древнюю республику, о которой они мечтали, было невозможно. Обладавший более широким кругозором Цезарь это прекрасно понимал, но он мог выбрать другой путь. Мог бы насадить на правах диктатора более суровые законы, каравшие бы за малейшие преступления в первую очередь в системе выборов (проблема, кстати, и сегодняшнего дня). В этом случае, оставаясь гарантом, контролером и одновременно судьей, смог бы достичь пусть и несовершенного, но все же более или менее нормального функционирования общественных институтов республики.

Но ему претило хоть какое-либо соревновательное начало в политической жизни. Он не для того пролил реки крови и встал на первое место, чтобы хоть в малейшей степени подвергать с таким трудом завоеванную власть пусть поверхностному и сомнительному – но риску – на выборах. Он сделал ставку на единоличное правление и не собирался поступаться идеей военной монархии.

Империя, им зарожденная, стала стабильным и процветающим государством не столько вследствие реформирования власти, сколько за счет новых завоеваний. Причем свойственный римлянам захватнический инстинкт стал после него еще более сильным и амбициозным, приоритет силы над правом еще более агрессивным и аксиоматичным. Расширение империи хоть и укрепляло ее военное могущество, но в то же время элита, получая беспредельные блага и роскошь, без меры пользовалась изнеженными удовольствиями жизни, что вело к моральному вырождению римского общества.

Не случайно великая империя с внешне мощной и прекрасно вооруженной армией и отлаженным государственным механизмом рухнула в конце концов в одночасье от орды варваров, потому что была смертельно больной и прогнившей изнутри до полного разложения. Она оказалась несостоятельной перед лицом более молодых, по терминологии Льва Гумилева, пассионарных племен и народов.

Есть в этом «заслуги» Цезаря? Несомненно, хоть на них надо смотреть в контексте исторической закономерности, и мы об этом уже говорили. Хоть Цезарь и не ставил изначально римское государство на гибельный путь постоянных войн, материального обогащения и паразитирования, но он эти тенденции усилил, снабдив своих преемников инструментом абсолютной власти. Этим же инструментом подавлялось любое социальное инакомыслие. Малейшие попытки изменить общественный уклад в сторону демократизации карались жестоко и недвусмысленно давали понять всем оппозиционерам, что даже умозрительные на этот счет теории и фантазии наказуемы. Примеров можно привести много.

Таким образом, общество, лишенное даже помыслов об ином устройстве государства со справедливыми законами и относительном равноправии сословий и отдельных граждан, точнее подданных, неизбежно деградировало и в духовном плане. Религиозные культы, ставшие идеологическими подпорками государства, перестали быть духовной пищей и источником веры народа, деградировали или перерождались в секты. Не случайно уже в первом веке нашей эры люди в поисках духовной чистоты и незапятнанной истины обратились к пришедшему с Востока христианству, которое, несмотря на гонения, обрело в Риме твердую и плодородную почву.

Итак, мы видим, что семена, посеянные Цезарем, дали не только добрые всходы процветания, но и оказались перемешанными с сорняками насилия, разложения, упадка и гибели великой Римской империи. Еще раз оговоримся, что это не в целом лишь его след, но и естественно-исторический процесс. А мы знаем из теорий Полибия и Шпенглера, что все цивилизации подвержены тем же метаморфозам, что и живой биологический организм: рождение, детство, юность, зрелость, старость и смерть.

Нам остается лишь гадать, было бы крепче и более долготным римское государство, останься оно республикан-

ским. Возможно, оно захирело бы еще раньше императорского Рима, но это уже совершенно гипотетическая с точки зрения исторических законов ситуация.

Глобальный исторический процесс включает в себя прелеккое множество составляющих, и одной из главных и нас интересующих является управление обществом. А оно устроено и живет с первобытных времен до наших дней по незыблемому принципу общей массы или толпы, вождей и их окружения, иначе говоря, элиты. Еще Белинский в свое время писал, что большинство живет по преданию, а рассуждает по авторитету. Толпа «по определению» не может самоорганизовываться, поэтому выбирает вождя и слепо, без рассуждений, следует за ним до той поры, пока не увидит, что этот путь привел в тупик. В этом случае толпа избирает из своей среды другого и опять по тому же принципу интеллектуального иждивенчества следует за ним.

Теперь рассмотрим способы управления толпой, веками вырабатываемые и шлифуемые элитой. Она тоже разнородна, но на самом верху находятся те, кто остается в тени и пишет программу движения и намечает исполнителей, выступая в роли сценаристов и режиссеров. По меткому определению современных политологов это – «закулиса», которая фактически и руководит сообществом или государством, проводя свою концепцию управления через лидера с помощью идеологической, законодательной и судебной властей, причем последняя жестко ориентирована на соблюдение лишь выгодных элите законов.

Говоря о древнеримском государстве, не следует забывать, что оно господствовало над многими формально суверенными государствами, где исполнительная власть в лице царей проводила концепцию приоритетов Рима, что вело к экономическому и политическому банкротству зависимых государств. Подобная картина видна и на современном политическом горизонте: аналогично ведут себя США, а в недавнем прошлом и СССР.

Современные политологи обычно рассматривают три основные схемы управления. В первом случае лидер, выполняя намеченную программу, во всем полагается на свое окружение и полностью зависит от той информации, какую он получает от своей свиты. Если она неверна («бойтесь льстецов», говорили древние мудрецы царям), то государственная машина буксует и обречена на полную остановку. Если исполнители, на кого лидер полностью положился, его подвели по тем или иным причинам (иной раз и намеренно), он в результате ничего не может поправить, и обречен на катастрофу при первом же серьезном политическом просчете.

По второй схеме лидер не во всем доверяется своему кабинету и старается получить информацию из других источников, при этом сам совершает поездки по стране, наблюдая за исполнением намеченной программы. Это тоже далеко не лучший способ управления, потому что программа хоть и исполняется по намеченному плану, но ее результаты всегда запаздывают, отставая от потребностей развивающегося во времени общества. В итоге это дает народу дряблое экономическое и политическое прозябание. К сожалению, это наиболее распространенный способ управления, и им пользовалось большинство руководителей и в нашей стране.

И, наконец, третий вариант. Руководитель не только контролирует выполнение намеченной программы, но и четко отслеживает результаты, анализирует их и своевременно делает поправки и уточнения, ликвидирует упущения и неверные предпосылки самой программы, принимает по ходу новые решения, адаптируя их к тем или иным внезапно возникшим обстоятельствам. В этом случае общество движется вперед по пути прогресса, бурно развивается и процветает.

И опять же к сожалению, таких правителей, сумевших подняться на этот уровень, в мировой истории можно по пальцам перечесть, и среди них Цезарь занимает не послед-

нее место. В своих реформах он придерживался не только вышеизложенных принципов, но и творчески использовал идеологические рычаги, находя аналоги не только в истории своего государства, но и других, в частности, Египта, где многовековая традиция управления базировалась на жречестве. Необходимые для управления толпой знания включали в себя и эзотерические, производящие на массы магическое действие (Достоевский в «Братьях Карамазовых» определяет это емкой фразой: «чудо, тайна и авторитет»), Фараон при этом являлся лишь исполнителем программ и решений, вырабатываемых жрецами.

Но для выполнения такой революционной программы, какую задумал Цезарь, необходимо достаточное число единомышленников, согласных с предложенным планом и рвущихся в бой ради ее исполнения. А таких, как мы знаем, были лишь единицы. Сам он просто физически не мог одновременно генерировать идеи, исполнять их и контролировать. Он столкнулся с неизживаемым косным инстинктом самосохранения элиты, не желающей никаких со своей стороны жертв ради дальнейшего движения и прогресса. То же наблюдалось и в эпоху петровских реформ, но в России, не знавшей в своей истории аналогов демократического правления, за исключением древнего Новгорода, элита не могла вследствие своего рабского мировоззрения ничего противопоставить кроме пустых разговоров и неосуществленных заговоров, вроде интриги с царевичем Алексеем.

А патриции в республиканском Риме не хотели и не могли примириться с реформами, ущемляющими их интересы. Их неумение смотреть вперед, предвидеть, что свойственно лишь гениальным политикам, безмерное тщеславие, жажда наживы – все это вело лишь к кровавым междоусобицам. Цезарь стал их жертвой во многом и потому, что не смог убедительно доказать необходимость, своевременность и выгоду своих реформ.

Для осуществления своих планов Цезарь мог пойти двумя путями. В первом случае он мог бы, как мы уже говори-

ли, суровыми законами излечить больную республику, и она еще долгое время смогла бы нормально функционировать и развиваться на базе рабовладения и капитализма. На этом пути он, может быть, и встретил бы поддержку элиты и уцелел бы. Но он выбрал революционный путь единоличного правления, прогнозируя более скорые результаты развития и прогресса.

Но в тогдашнем Риме не было устоявшихся основ так называемого бесструктурного управления, когда масса, включая большинство элиты, слепо идет за вождем, культ которого прочно укоренен в подсознании и не вызывает сомнений в его богоравности (государь – помазанник Божий) и абсолютной прозорливости.

Понимая это, Цезарь начал работу по внедрению культа своей личности, и об этом мы уже писали (см. X главу), но вся беда для него состояла в том, что его харизма богочеловека не укоренилась в головах современников, а сам он уверовал в свою богоизбранность и неуязвимость, что было его смертельной ошибкой. Он был всего лишь удачливым человеком, а удача, как известно, приходит к самым умным и талантливым, и в этой взаимосвязи качества человека являются залогом благоволения высших сил.

И еще об одном. Во всяком обществе существует категория людей, к счастью, немногочисленная, которая не признает никаких авторитетов, считая именно себя, вследствие патологического эгоцентризма, высшим источником истины и поступает всегда и во всем в соответствии со своим тупым и узким эгоизмом и возвеличенной в убогом сознании самооценке. Такие люди неизбежно втягивают свое ближайшее окружение (даже если взять отдельную семью) во всевозможные беды и страдания, причем такая личность и сама страдает, но не склонная к анализу вследствие раз и навсегда взятого в обиход самомнения в своей постоянной правоте, сваливает все свои грехи на других, пребывая мысленно в своих незапятнанных ризах. Такого человека невозможно переубедить ни в чем – даже если он и не даль-

тоник, все равно будет биться даже на смертном одре за право зеленое называть красным.

Это отступление, быть может, и лишнее, но нам хотелось дать дополнительную характеристику окостеневшей позиции тех людей, что сумели расправиться с Цезарем, но не смогли занять его политическую нишу.

Ее сумел занять прозорливый и расчетливый Август. Он умел предвидеть ситуацию на более чем пару шагов вперед и, как опытный шахматист, выигрывал позицию за позицией у своих соперников, во многом благодаря тому, что сохранил и упрочил те институты власти и гражданские законы, которые привнес в жизнь государства Цезарь.

Наученный горьким опытом мартовских ид, он пошел во многом по стопам Помпея, маскируя абсолютную власть в догматические республиканские лохмотья. Август не стал домогаться диктатуры ни в какой форме, не присваивал себе громких титулов, оставаясь лишь «первым среди равных», несменяемым лидером Республики, живущей по имперским законам. Он вел скромный и непритязательный образ жизни, боролся с роскошью и безнравственностью, в чем был похож на истового республиканца Катона, моралиста и блюстителя строгих древних нравов. Вот это сочетание революционного и архаичного и оказалось в тот период исторического времени наиболее приемлемым, потому что являлось балансом сил и интересов в обществе.

Такой способ правления оказался очень удобным и продолжался несколько столетий. Никто из последующих императоров формально не являлся монархом, никто из них не пытался водрузить себе на голову корону, за исключением, быть может, таких сумасбродных властителей, как Калигула или Нерон, но и они прекрасно помнили, к чему привело Цезаря его стремление к царской власти. В конце императорского периода, во время упадка, элита стала сама бессознательно нарушать этот баланс и, в точном соответствии с историческими законами, потеряла не только власть, но и государство.

Монархический принцип правления продержался в Европе вплоть до середины семнадцатого века, когда в Англии, а в следующем веке и во Франции грянули буржуазные революции. Начался процесс демократизации, причем аналоги демократического устройства государства революционеры находили в истории Греции и Рима.

В современном мире господство демократии неоспоримо. Но мы с горечью наблюдаем, что ее разъедают те же пороки, что и в республиканском Риме, и это неизбежно, если общество, как и тогда, разделено на толпу и элиту. Основы подлинной демократии заключаются не только в форме ее институтов и выборной системе, а в интеллектуальном, нравственном, экономическом и культурном равенстве всех членов общества. Речь может идти, конечно, лишь об относительном равенстве, полное сходство всех – это утопия. А при очевидном расслоении людей по этим параметрам под фиговыми листками псевдоравноправия неизбежно проступает деспотизм исполнительной власти.

Итак, мы с вами, уважаемые читатели, сделали кое-какие выводы из жизнеописания нашего героя, осветили его личность современным светом, точнее, знаниями о природе власти и ее взаимоотношениях с демократией и тиранией, тех ипостасях жизни общества и устройства государства, на которых и поныне держится наш грешный, разделенный всякими границами, подлунный земной мир.

Смотрю на календарь: пятнадцатое марта две тысячи пятого года. Значит, сегодня исполняется две тысячи сорок лет со дня смерти Гая Юлия Цезаря.

Vale, Caesar!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

100 г. до Рождества Христова (по другим сведениям – 101 или даже **102** г.), 13 июля – Дата рождения.

86 – Избрание жрецом Юпитера. Смерть Мария.

85 – Смерть отца.

83 – Женитьба на Корнелии.

82 – Отказ развестись с женой по указанию Суллы.

80 – Участие в войне с Митридатом. Скандальные похождения в Вифинии.

78 – Смерть Суллы. Возвращение в Рим. Восстание Лепида.

75 – Поездка на Родос.

68 – Избрание квестором. Служба в Испании. Смерть жены Корнелии.

67 – Женитьба на Помпее.

65 – Деятельность на посту эдила.

63 – Избрание великим понтификом. Заговор Катилины. Рождение внучатого племянника Гая Октавиана, будущего императора Августа.

62 – Получение должности претора. Развод с Помпеей.

61 – Служба в Испании в качестве пропретора.

60 – Первый триумвират (Помпей, Красс, Цезарь).

59 – Консульство. Женитьба на Кальпурнии.

58 – Начало военной кампании в Галлии.

56 – Свидание триумвиров в Луке.

- 55** – Военные походы за Рейн и в Британию.
- 54** – Смерть матери Аврелии и дочери Юлии.
- 53** – Гибель Красса. Распад триумvirата.
- 52** – Война с Верцингеторигом и победа над ним.
- 51** – Смерть сестры Юлии. Интриги Помпея. Попытки сената отозвать Цезаря из Галлии.
- 49** – Переход Рубикона. Начало гражданской войны.
- 48** – Поражение при Диррахии и победа при Фарсале.
- 47** – Александрийская война. Знакомство с Клеопатрой. Победа над Фарнаком. Наделение ветеранов землей.
- 46** – Победа над помпеянами в Африке. Триумфы. Начало реформ. Приезд Клеопатры в Рим.
- 45** – Победа над сыновьями Помпея при Мунде в Испании. Очередной триумф. Титулы и почести.
- 44** – Пожизненная диктатура. Смерть от кинжалов заговорщиков в мартовские иды (15 марта).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Античная лирика / Пер. с греч. и лат. М., 1968.

Аппиан Александрийский. Римская история / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера и пер. С. П. Кондратьева. М., 1998.

Катулл, Тибулл, Проперций / Пер. с лат. под ред. Ф. А. Петровского. М., 1963.

Ливий Тит. Римская история от основания Города: В 3 т. / Пер. с лат. М., 1989–1993.

Непот Корнелий. Биографии знаменитых полководцев / Пер. с лат. Е. И. Тимошенко. Киев, 1883.

Овидий Назон Публий. Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского. М., 1977.

Плиний Младший. Письма / Пер. с лат. под ред. М. Е. Сергеевко и А. И. Доватур. М., 1984.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Пер. с греч. М., 1987.

Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. М., 1890–1899. Т. 1–3.

Саллюстий Крисп Гай. Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова и Е. М. Штаерман. М., 1966.

Тацит Корнелий. Сочинения: В 2 т. / Пер. с лат. под ред. А. С. Бобович, Г. С. Кнабе, И. М. Тронского и др. Л., 1969.

Цезарь Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. с лат. М. М. Покровского. М., 1991.

Цицерон Марк Туллий. Письма / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1994. Т. 1–3.

Цицерон Марк Туллий. Речи: В 2 т. / Под ред. В. О. Горенштейна и М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1962.

Цицерон Марк Туллий. Диалоги / Под ред. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна и С. Л. Утченко. М., 1966.

Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973.

Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975.

Бокшианин А. Г. Источниковедение древнего Рима. М., 1981.

Буассье Г. Собр. соч. СПб., 1994. Т. 1.

Быт и история в античности / Под ред. Г. С. Кнабе. М., 1988.

Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986.

Культура древнего Рима: В 2 т. / Под ред. Е. С. Голубцовой. М., 1985.

Кузнецов Ю., Никольский В. Введение в теорию национальной безопасности. Алма-Ата, 1999.

Моммзен Т. История Рима. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб., 1994. Т. 3.

Наполеон. История войн Цезаря. М., 1865.

Наполеон III. История Юлия Цезаря: В 2 т. СПб., 1865–1866.

Петряков А. М. Римляне. СПб., 2001.

Римские древности / Под ред. И. В. Алферовой. Смоленск, 2000.

Легенды и сказания древней Греции и древнего Рима. М., 1987.

Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973.

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

- Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности. М., 1984.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М. – Пг., 1923. Т. 1.
- Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.
- Этьен Р.* Цезарь. ЖЗЛ. М., 2003.
- Aufstieg und Nidergang der romischen Welt. Bd. I–IV.* Berlin, 1973.
- Gelzer M.* Caezar, der Politiker und Staatsmann. Stuttgart, 1983.
- Oppermann H.* Caezar, Hamburg, 1968.
- Will W.* Julius Caezar, eine Bilanz. Köln, 1992.
- Meier E.* Romische Staat und Staatgedanke. Zürich, 1964.
- Seyfgarth W.* Romische Geschichte Kaizerzeit. Berlin, 1974. Bd. 1-2.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
Глава I МАРИЙ И СУЛЛА	8
Глава II ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ	22
Глава III ВЫШЕ ПОДОЗРЕНИЙ	53
Глава IV КАТУЛЛ И КЛОДИЯ	80
Глава V ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ	105
Глава VI ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ (продолжение)	125
Глава VII ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	147
Глава VIII БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ	166
Глава IX СМЕРТЬ КАТОНА И ТРИУМФЫ ЦЕЗАРЯ	186
Глава X РЕФОРМЫ	203

Глава XI	
ЗАГОВОРЩИКИ	229
Глава XII	
МАРТОВСКИЕ ИДЫ	249
Глава XIII	
ПОСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ	269
Глава XIV	
ИТОГИ	291
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
ГАЯ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ	306
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	308

А. М. Петряков

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. ГЕНИЙ ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

Ответственный за выпуск: *С. З. Кодзова*

Корректор: *А. А. Федоренко*

Оформление обложки: *И. А. Андреева*

Верстка: *А. Б. Ирашина*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Подписано в печать 29.06.2005

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Times»

Печать офсетная. Бумага газетная

Уч.-изд. л. 12,0. Усл.-печ. л. 16,8

Тираж 4000 экз. Изд. № 05-0271-ТВ

Заказ № 5800

Издательский Дом «Нева»

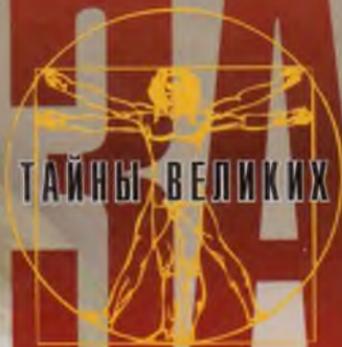
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
127473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16

ЦЕЗАРЬ

ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ

У Юлия Цезаря две ипостаси. Первая — гениальный политик, достигший вершин власти; талантливый полководец, которому постоянно светило солнце побед; невероятно обязательный мужчина, пользовавшийся фантастическим успехом у женщин; яркий оратор и одаренный писатель.

Вторая — агрессивный и жестокий правитель, проводивший политику геноцида и прославившийся небывалыми зверствами и массовыми убийствами. Тиранин, погубивший Республику и навязавший Риму единоличное правление. Человек, с которым спорить было опасно для жизни.

Кем же он был на самом деле: гением или злодеем?

ISBN 5-7654-4454-7

9 785765 444542

НЕВА Хронограф

59.00